

Ролло Мэй

Человек в поисках себя

SKL.com

Ролло Мэй

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СЕБЯ

Институт общегуманитарных исследований

Москва

2013

Предисловие

Мы живем в век тревоги, и один из тех немногих счастливых даров, которыми мы обладаем, - это то, что мы вынуждены осознавать себя. В нашем обществе, когда нормы и ценности смещены, и невозможно получить четкого представления, «какие же мы есть и какими должны быть», как отмечает Мэтью Арнольд, мы отброшены назад в поисках самих себя. Болезненная неопределенность во всем побуждает нас задаться вопросом: возможно, существуют какие-то ориентиры и потенциальные возможности, неведомые нам?

Конечно же, я понимаю, что обычно это не называют дарами. Люди, скорее, пытаются понять, как можно достичь некоей внутренней интеграции в столь дезинтегрированном мире? Или же они задаются вопросом, как человек может идти по пути самореализации, в то время как не существует практически ничего определенного, будь то в настоящем или в будущем?

Многие люди, склонные к размышлениям, задают себе эти вопросы. Но у психотерапевта нет волшебных ответов. Безусловно, глубинная психология проливает новый свет на скрытые мотивы, что заставляет нас думать и чувствовать и действовать именно в этом направлении, и это должно быть очень важным для нас в поиске своего Я. Но есть что-то еще, помимо различных технических моментов и собственного понимания себя, что придает автору смелость устремиться туда, куда ангелы боятся ступить, и предложить свои идеи и опыт в отношении тех непростых вопросов, которые мы будем затрагивать в этой книге.

Это что-то есть мудрость, которую психотерапевт черпает в работе с людьми, полными решимости одолеть свои проблемы. Он наделен исключительной и зачастую непростой привилегией сопровождения людей в их глубоко личной и сложной борьбе на пути обретения новой интеграции. И воистину скучен тот терапевт, который не имеет хотя бы малейшего представления о том, что закрывает людей от самих себя в наши дни, а также что мешает им находить ценности и цели, которые они могли бы взять за основу.

Как однажды заметил Альфред Адлер, ссылаясь на основанную им в Вене школу для детей: «Ученики учат своих учителей». Именно так происходит и в психотерапии. И я не представляю, как терапевт может не испытывать глубокой благодарности за

то, что он ежедневно познает в отношении этих вопросов и то чувство собственного достоинства в жизни тех людей кого можно назвать его пациентами.

Я благодарен и своим коллегам за все то, чему научился у них, а также студентам факультета Колледжа Миллс в Калифорнии за их высказывания и глубокие мысли, заставляющие о многом задуматься, в процессе обсуждения некоторых из этих вопросов в курсе лекций, посвященных столетней годовщине, по теме «Личностная Интеграция в век тревоги».

Настоящая книга не может быть заменой психотерапии. Равно как она не является самоучителем в том смысле, что в ней можно будет найти дешевые и легкие средства всего за одну ночь. Но если говорить о других ценностных и глубинных аспектах, любая хорошая книга - это книга, способствующая работе над собой. Она помогает читателю, анализируя себя и свой собственный опыт, которые находят отражение в данной книге, увидеть в новом свете собственные проблемы личностной интеграции. Я надеюсь, эта книга именно об этом.

В последующих главах мы постараемся не только иначе взглянуть на некие глубинные уровни психики в психологии, но также не сможем обойти мудрость тех, кто много веков назад в области литературы, философии и этики, стремился понять то, как человек может противостоять собственной неопределенности и личностным кризисам и наиболее эффективно направить их в позитивное русло. Наша цель состоит в том, чтобы наметить пути, позволяющие нам выдерживать неопределенность нашего времени, найти некий центр силы в нас самих и, насколько это возможно, обозначить перспективу в достижении тех ценностей и целей, на которые можно полагаться в то время, когда у нас так мало определенности хоть в чем-то.

Ролло Мэй
Нью Йорк Сити

Рисковать – значит тревожиться, но не рисковать – значит
потерять себя.

Кьеркегор

Один идет к ближнему, потому что он ищет себя, а другой - потому что он хотел бы потерять себя. Ваша дурная любовь к самим себе делает для вас из одиночества тюрьму.

Ницше

Часть 1

**ОКАЗАВШИСЬ В
ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ
ПОЛОЖЕНИИ**

Глава 1

ОДИНОЧЕСТВО И ТРЕВОГА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Какие же можно выделить ключевые проблемы у людей в наши дни? Пытаясь понять различные внешние причины, приводящие к нарушениям у человека, например, угроза войны, снижение уровня жизни, экономическая нестабильность - какие же мы увидим первопричины этих конфликтов? Безусловно, в наш век, равно как и в любое другое время, к симптомам, свидетельствующим о нарушениях, которые описывают люди, можно отнести несчастья, неспособность определиться с собственными семейными отношениями или призванием, ощущение безысходности и бессмысленности жизни и так далее. Так что же лежит в основе всех этих симптомов?

В начале двадцатого века самой распространенной причиной подобных проблем было то, что так хорошо описал Зигмунд Фрейд - трудности человека с принятием инстинктивных сексуальных аспектов жизни и, как следствие, конфликт между сексуальными импульсами и социальными табу. Тогда, в 20-е годы, Отто Ранк писал, что в основе психологических проблем людей того времени лежали ощущение неполноценности, несовершенности и чувства вины. В 30-е годы фокус психологического конфликта вновь сместился. Из наиболее характерного, как отмечала Карен Хорни, можно было выделить враждебность между отдельными людьми и группами, что зачастую было связано со смешанными чувствами, кто кого опережает. Так какие же можно выделить основные проблемы в середине двадцатого века?

Полые люди

Может показаться странным, когда я говорю, ссылаясь на собственный опыт клинической практики, а также работы моих коллег в области психологии и психиатрии, что главная проблема людей в середине двадцатого века - это *пустота*. Под этим я имею в виду не только то, что многие люди не знают, чего они хотят; зачастую они даже не представляют, что чувствуют. Говоря о недостаточной автономии или сетуя на свою неспособность принимать решения, - те трудности, на которые люди упова-

ют во все времена, - вскоре становится очевидным то, что их основная проблема состоит в отсутствии определенного опыта, что касается их желаний или потребностей. Итак, они чувствуют, что их шатает из одной стороны в другую, а они испытывают при этом болезненные чувства бессилия, потому что ощущают вакуум и пустоту. Жалоба, с которой они обращаются за помощью, может, например, состоять в том, что они всегда терпят фиаско на любовном фронте или же не могут решить какие-то вопросы в своем браке или недовольны своим партнером. Но очень скоро выясняется, что их ожидания от своего партнера в браке, реального или желаемого, - это заполнить некую пустоту в них самих; и когда этого не происходит, на смену ожиданиям приходят тревога и злость.

Как правило, они могут свободно говорить о том, чего бы им *хотелось*: успешно завершить свое образование в колледже, получить работу, влюбиться и выйти замуж/жениться и создать свою семью, но вскоре становится очевидным, даже для них самих, что они скорее описывают то, что другие - родители, преподаватели, работодатели - ожидают от них, нежели то, чего они сами хотят. Двадцать лет тому назад подобные цели, направленные вовне, можно было воспринимать серьезно, но сейчас человек понимает, и даже из его рассказа становится понятно, что в действительности его родители и общество не предъявляют к нему всех этих требований. По крайней мере, теоретически его родители неоднократно говорили ему, что они дают ему право самому принимать решения. Кроме того, человек и сам понимает, что вряд ли будет правильно стремиться достичь подобных целей, ориентированных вовне. Но это лишь еще более осложняет его проблему, поскольку у него так мало уверенности или ощущения реалистичности своих целей. Как заметил один человек «Я всего лишь коллекция зеркал, в которых отражается то, чего другие ожидают от меня».

В минувшем десятилетии, если человек, который обращался за психологической помощью, не знал, что он хочет или чувствует, как правило, можно было предположить, что ему хотелось чего-то определенного, например, сексуального удовлетворения, но он даже не решался признаться себе в этом. Как отмечал Фрейд, там было желание, и самым главным, что необходимо было сделать, - это выяснить, что привело к вытеснению в подсознание, сделать так, чтобы желание стало осознаваемым

и, в конце концов, помочь пациенту научиться удовлетворять собственные желания сообразно реальности. В наши дни вряд ли можно встретить столь строгие сексуальные табу; и если у кого-то еще остаются сомнения, в своей статье Кинсли дает этому исчерпывающее объяснение. Лишь у тех людей, которые не затрагивали каких-то иных проблем, не возникало сложностей с возможностями сексуального удовлетворения. Кроме того, сексуальные проблемы, с которыми люди обращаются в терапию, редко отражают борьбу с социальными запретами как таковыми, но значительно чаще это нехватка чего-то у них самих, например импотенция или неспособность испытывать сильные чувства к своему партнеру по сексу. Иными словами, наиболее распространенная проблема в наши дни связана не с социальными табу в отношении сексуальности или чувства вины по поводу секса как такового, но с тем фактом, что секс для многих людей всего лишь пустое механическое и бессодержательное действие.

Сновидение молодой женщины показывает нам ту самую дилемму человека «зеркала». Она была достаточно раскрепощена сексуально, но ей хотелось выйти замуж, и она не могла сделать выбор между двумя мужчинами. Один из них, будучи представителем среднего класса, прочно стоял на ногах, и ее семья, конечно же, одобрила бы выбор в его пользу. Но другой больше разделял ее интересы, связанные с миром искусства и богемной жизнью. Периодически испытывая подобные болезненные приступы нерешительности, во время которых она не могла решить для себя, что же она за человек, и какой образ жизни ей бы хотелось вести; однажды ей приснилось, что большая группа людей проводила голосование, за которого из этих двух мужчин ей следует выйти замуж. В этом сновидении она почувствовала некое облегчение; конечно же, это было удобным решением! Единственная проблема заключалась в том, что по пробуждении она не могла вспомнить, как вообще происходило голосование.

Пророческие слова, прозвучавшие в одной из поэм Т.С. Эллиота, очень точно характеризуют внутренний мир многих людей

Мы полые люди
Мы набивные люди
Труха в башке,
Как в мешке. Увы!

Бесформенный контур, бесцветный контур,
Парализация силы и неподвижность жеста...¹

Возможно, кто-то из читателей может предположить, что эта пустота, эта неспособность узнать, каковы истинные чувства или желания другого, связана с тем, что мы живем в то время, когда нет определенности ни в чем; - это время войн, призывов на военную службу, экономических потрясений, когда в будущем нас ожидает неопределенность, вне зависимости от того, как мы на это смотрим. Поэтому неудивительно, что люди не ведают о своих планах и ощущают собственную ничтожность! Но подобное заключение можно считать слишком поверхностным. Как это будет показано ниже, проблемы уходят своими корнями гораздо глубже, чем это можно видеть в тех случаях, которые становятся нам известны. Кроме того, война, экономические потрясения и социальные изменения действительно представляют симптомы той же самой первопричины в нашем обществе, из которых возникают рассматриваемые нами психологические проблемы.

У иных читателей может возникнуть другой вопрос: «Возможно, правда то, что люди, которые обращаются за психологической помощью, ощущают себя полыми и испытывают пустоту, но не есть ли это *невротические* проблемы, и так ли уж они характерны для большинства людей?» Разумеется, мы могли бы ответить, что те люди, которые оказываются в кабинете психотерапевта или психоаналитика не представляют собой некий срез населения. Как правило, это те, для которых уже не работают светские условности и защиты, принятые в обществе. Очень часто это наиболее чувствительные и способные представители общества, если же говорить в общем и целом, они нуждаются в помощи, поскольку не так хорошо справляются с тем, чтобы найти объяснение своим взглядам или поведению, в отличие от «уравновешенных» людей, способных на какое-то время скрывать свои глубинные конфликты. Безусловно, пациенты, которые обращались к Фрейдю в 1890 г. и первой половине двадцатого века с сексуальными симптомами, которым он давал соответствующее определение, не были представителями викто-

¹ «The Hollow Men», in *Collected Poems*, New York, Harcourt, Brace and Co., 1934, p. 101 (Пер. Н. Берберовой)

рианской культуры: большинство из них так и продолжали жить в соответствии с привычными табу и рациональными объяснениями Викторианской эпохи, веря в то, что секс - это нечто отвратительное, что следует скрывать как можно глубже. Но после Первой мировой войны, в 1920-е годы, стало очевидным то, что подобного рода сексуальные проблемы существуют, и их можно встретить повсеместно. Практически любой умудренный опытом человек в Европе и Америке переживал в то время такие же конфликты между сексуальными желаниями и социальными табу, с которыми лишь немногие пытались как-то справиться десять или двадцать лет тому назад. И как бы не относились к трудам Фрейда, вряд ли кто-то станет наивно полагать, что его произведения как раз и послужили отправной точкой для подобного развития событий; он всего лишь предсказал это. Таким образом, сравнительно небольшое число людей, - из тех, кто обращается за психотерапевтической помощью, в то время как у них самих происходит борьба за внутреннюю интеграцию, - представляет очень показательный и важный барометр таких конфликтов под психологическим покровом общества. К подобному барометру следует относиться серьезно, поскольку это один из лучших показателей нарушений и проблем, которые еще не разразились повсеместно в нашем обществе, но вскоре это может произойти.

Кроме того, проблему внутренней пустоты современного человека мы можем наблюдать не только в кабинете психологов и психоаналитиков. Согласно многочисленным социологическим данным, можно говорить о том, что «полость» уже проявляется в самых разных направлениях в нашем обществе. Давид Райзман в своей великолепной книге «Одинокая толпа», которая оказалась у меня под рукой как раз тогда, когда я писал эти главы, рассказывает об этой же пустоте в своем потрясающем анализе американского характера, что мы можем наблюдать в наши дни. Райзман говорит о том, что перед Первой мировой войной типичный американец «действовал по внутреннему убеждению». Он брал на вооружение те нормы, которым его обучали, придерживался морали в позднем Викторианском смысле, а также имел сильную мотивацию и амбиции, хотя они и были вторичными. Он жил так, как если бы какой-то внутренний гироскоп обеспечивал ему стабильность. Это был тот самый тип, соответствующий описанию человека в раннем психоанализе, который

ощущает себя эмоционально подавленным и направляемым сильным суперэго.

Говоря об американском характере, типичном в наши дни, Райзман уточняет, что его можно отнести к «направленным во-вне». Он не стремится как-то выделяться, но «соответствовать»; он живет так, как если бы был направляем каким-то радаром, закрепленным у него на голове, и постоянно говорящим ему о том, что другие люди ожидают от него. Подобное радарное устройство приводится в движение и управляется другими; подобно тому человеку, который описывал себя как множество зеркал, когда он способен реагировать, но не выбирать; когда у него отсутствует эффективный центр собственной мотивации.

Мы, так же, как и Райзман, вовсе не испытываем восторга перед теми людьми Поздней Викторианской эпохи, действующим согласно внутреннему убеждению. Такие люди обретали свою силу, интернализируя внешние правила, разделяя волю и интеллект, и подавляя свои чувства. Такой тип людей хорошо подходил для какой-то внешней деятельности, поскольку они, подобно железнодорожным магнатам девятнадцатого века, а также первым лицам в промышленности, могли управлять людьми так же, как вагонами для угля или фондовой биржей. Этот гироскоп был великолепным символом для них, поскольку он означал абсолютно механический центр стабильности. Уильяма Рэндольфа Харста можно отнести к подобному типу людей: он скопил огромное состояние, но за этим внешним благополучием и силой скрывалась такая тревога, особенно, в отношении смерти, что он никогда не позволял кому бы то ни было упоминать слово «смерть» в его присутствии. Люди, действующие как гироскопы, зачастую оказывают разрушительное влияние на своих детей из-за своей ригидности, догматизма, а также неспособности учиться и меняться. По моему разумению, позиции и поведение таких людей - это примеры того, как своеобразные установки в обществе, как правило, образуют некую ригидность, прежде чем они будут разрушены. Можно легко проследить то, что когда приходит конец периоду «железных людей», на смену ему приходит период пустоты; уберите гироскоп, и они окажутся полыми.

Итак, мы не станем рыдать, когда умрет «человек-гироскоп». На его могиле может быть следующая эпитафия: «Он был могуч, как динозавр, но не способен к изменениям, силен, но не умел учиться». Главное, чему нас научили эти представители девятнад-

цатого века, - что у нас меньше вероятности попасть на удочку некой якобы (псевдо) «внутренней силой». Если мы точно поймем, что их гироскопический метод обретения психической энергии неэффективен и по существу является саморазрушающим, а их внутреннее намерение связано с моралистической подменой целостности, а не с самой целостностью, то тем более убедимся в том, что новый центр силы нужно искать у себя внутри.

В действительности, наше общество пока еще не нашло нечто такое, что могло бы прийти на смену ригидным правилам «человека-гироскопа». Райзман обращает внимание на то, что для людей, «ориентированных вовне» в наши дни, как правило, характерны *пассивность* и *апатия*. Нынешняя молодежь, как правило, отходит от главных амбиций добиться исключительных успехов, дойти до самых вершин; или же, если у них и есть такие амбиции, они рассматривают их как ошибочные и зачастую ощущают свою вину за подобное наследие моральных норм своих отцов. Они хотят, чтобы их принимали те, кто является равным им, вплоть до того, что предпочитают оставаться в тени и оказываются поглощенными своей группой. Подобная социологическая картина очень похожа, в каких-то ключевых аспектах, с той картиной, которую мы получаем в процессе психологической работы с людьми.

Лет десять или двадцать тому назад пустота, которую довольно часто стали испытывать представители среднего класса и которую называли «болезнью окраин», могла вызвать улыбку на устах. Наиболее точная картина пустой жизни - это человек, проживающий за городом, который каждый день встает в одно и то же время, садится на один и тот же поезд, чтобы добраться до работы, выполняет одни и те же задания в офисе, ходит на обед в одно и то же место, ежедневно оставляет одинаковую сумму на чаевые, каждый вечер возвращается домой на одном и том же поезде, имеет двух-трех детей, небольшой участок около дома, каждое лето проводит двухнедельный отпуск где-нибудь на побережье, что не приносит ему особой радости; на Рождество и Пасху ходит в церковь. И так год за годом проходит в этой рутине до той поры, пока он, наконец, не выйдет на пенсию в шестьдесят пять лет, и очень скоро после этого он умирает от сердечной недостаточности, причиной которой, возможно, была подавленная враждебность. Впрочем, у меня всегда было тайное подозрение, что умирает он от скуки.

Но за последние десять лет было немало свидетельств того, что пустота и скука стали гораздо более серьезными состояниями для многих людей. Не так давно в газетах Нью-Йорка можно было увидеть сообщение об одном очень любопытном инциденте. Однажды водитель автобуса в Бронксе просто уехал в неизвестном направлении в своем пустом автобусе, и лишь спустя несколько дней его обнаружила полиция во Флориде. Он объяснял это тем, что устав от одной и той же каждодневной рутины, он решил отправиться куда-нибудь в путешествие. Поскольку его вернули назад, согласно источникам информации, полученным из газет, автобусная компания испытывала некие затруднения, так как необходимо было принять решение, стоит ли или как его следует наказать. По прибытии в Бронкс он уже был «...знаменитостью», и толпа людей, из которых, очевидно, вряд ли кто-то был лично знаком со странствующим водителем автобуса, уже стояла и приветствовала его. Когда было получено сообщение о том, что компания решила не привлекать его к юридической ответственности, но вернуть на прежнее место работы, если он пообещает впредь более не совершать подобных увеселительных прогулок, в Бронксе, как в прямом, так и в переносном смысле царило всеобщее оживление.

Так почему же эти солидные граждане Бронкса, проживающие в районе Метрополитэн, что практически сродни урбанистическому консерватизму среднего класса, сделали из этого мужчины героя, который, согласно их нормам, был угонщиком автомобиля, а хуже того - он не смог вовремя прийти на работу? А может тот водитель, которому до смерти надоело изо дня в день просто совершать эти заранее определенные маршруты, объезжая одни и те же здания и останавливаясь на одних и тех же перекрестках, являл собой типичный пример некоей похожей пустоты и бесполезности у этих представителей среднего класса; и что этот поступок, несмотря на всю его безрезультатность, отражал некую глубинную, но подавляемую потребность у этих солидных граждан Бронкса? Это несколько напоминает нам о том, что представители верхушки среднего класса в буржуазной Франции несколько десятилетий тому назад, как отмечал Пауль Тиллих, могли выдерживать опустошающую и механистическую рутину, связанную с их коммерческой и промышленной деятельностью, лишь благодаря тому, что у себя "под лохмотьями" они ощущали присутствие богемы. Люди, живущие как

«полые люди», могут выдерживать монотонность, лишь иногда создавая какую-то отдушину - или, в крайнем случае, идентифицируя себя с другими людьми, создававшими себе такую отдушину.

В иных кругах пустота даже представляется некоей целью, к которой следует стремиться под предлогом «адаптивности». В журнале *Жизнь* можно увидеть наиболее исчерпывающую иллюстрацию подобной пустоты в статье «Проблема с женой».² Резюмируя некоторые исследования, которые впервые появились в журнале *Карьера* относительно той роли, которые играют жены исполнительных лиц, работающих в корпорациях, в этой статье отмечается то, что на продвижение мужа по карьерной лестнице в значительной степени влияет то обстоятельство, насколько его жена соответствует этой «модели». Когда-то только за женой министра тщательно наблюдали представителями церкви, прежде чем ее муж был избран на эту должность; теперь же за женой исполнительного лица, работающего в корпорации, ведется наблюдение - тайно или явно - во многих компаниях, подобно тому, как контролируется производство стали или шерсти или любого другого предмета потребления в компании. Такая жена должна быть очень общительной, ей не нужно блистать интеллектом или быть подозрительной, но при этом ей надлежит иметь очень «восприимчивые антенны» (и вновь радарное устройство!) с тем, чтобы она могла адаптироваться в любых условиях.

«Хорошая жена хороша тем, что она *не* делает определенных вещей - не жалуется, когда ее муж работает допоздна, *не* суетится, когда получает перевод, *не* занимается никакой сомнительной деятельностью». Таким образом, ее успешность зависит не от того, насколько активно она использует свои способности, но от знания того, когда и как быть пассивной. И это правило, трансцендентное всем прочим, как отмечается в журнале *Жизнь*, гласит «*Не будь слишком хорошей*. Но по-прежнему важно быть не хуже других. Но если прежде, когда все было примитивнее, это означало быть значительно впереди всех прочих, то сегодня не отставать - просто означает: не отставать. Да, человек может идти вперед - но медленно, и для этого должно быть соответствующее время». В конце концов, компания регулирует практически все, что делает жена - начиная от того, кто может со-

² January 7, 1952

проводить ее в машине, и заканчивая тем, что и как ей следует пить и читать. Разумеется, в обмен на такое соглашение современная корпорация «заботится» о своих членах, предоставляя им дополнительную безопасность, страховку, планируемые отпуска и т.д. Как отмечается в *Жизни*, «Компания стала «Большим Братом» - символом диктатора - в романе Оруэлла, 1984.

Редакторы *Карьеры* признаются в том, что находят эти результаты «немного пугающими. Создается впечатление, что следование определенным правилам превозносится до чего-то такого, сродни религии... Возможно, американцы придут к муравьиному обществу не выполняя приказ диктатора, но реализуя собственное неистовое желание ужиться друг с другом...»

Хотя бессмысленная скука у людей лет десять или двадцать тому назад могла вызывать смех, для многих пустота сейчас - это не скука, а бесполезность и отчаяние, что несет в себе угрозу опасности. Наркотическая зависимость у студентов высшей школы в Нью-Йорке непосредственно указывает на то, что у подавляющего большинства этих подростков не было никаких перспектив, за исключением службы в армии и нерешенных экономических условий. Таким образом, они оказывались без каких бы то ни было позитивных конструктивных целей. Человек не может долго жить в условиях пустоты: если он не *стремится* к чему-то, то он не просто оказывается в стагнации; сдерживаемый потенциал трансформируется в болезненность и отчаяние и, в конце концов, - в деструктивную деятельность.

Каковы же психологические корни подобного опыта, связанного с ощущением пустоты? *Ощущение* пустоты или вакуума, что мы можем наблюдать как в социуме, так и у отдельных лиц, не означает, что люди пустые или без какого бы то ни было эмоционального потенциала. Человеческое существо не может быть пустым в смысле статики, как если бы он представлял некий аккумулятор, которому требуется зарядка. Как правило, переживание пустоты скорее связано с ощущением людей, что они *бессильны* что-то эффективно предпринять в отношении своей жизни или мира, в котором они живут. Внутренний вакуум - это результат аккумуляции в течение длительного времени определенных взглядов человека в отношении самого себя, а именно: его убеждение в том, что он не может действовать как целостная единица, направляя свою жизнь или изменяя отношение других людей к себе или эффективно воздействуя на мир

вокруг себя. Таким образом, у него возникает глубокое чувство отчаяния и беспомощности, что знакомо очень многим людям в наши дни. И вскоре, поскольку то, что он хочет и чувствует, может оказаться в действительности совершенно не важным, он перестает вообще что-либо хотеть или чувствовать. Апатия и отсутствие чувств - это также защитные механизмы против тревоги. Когда человеку приходится постоянно противостоять опасностям, которые он не в состоянии преодолеть, то последнее, к чему он прибегает, - это наконец-таки избежать даже ощущения опасности.

В наше время вдумчивые студенты имеют возможность наблюдать подобные изменения. Эрих Фромм отмечал, что в наши дни люди уже не живут больше под давлением церкви или моральных законов, но согласно неким «анонимным авторитетным источникам», подобно общественному мнению. К авторитетным источникам можно отнести этих людей, но люди всего лишь объединенные вместе отдельные лица каждый со своим радарным устройством, приспособленным для улавливания того, что ожидают от него другие. В статье журнала *Жизнь* говорится о том, что исполнительное лицо корпорации находится на самом вершине, поскольку он - и его жена - успешно справились с «приспособлением к» общественному мнению. Таким образом, общественность состоит из каждого «встречного-поперечного», которые являются рабами авторитета общественного мнения! Райзман отмечает очень существенный момент, что общественность соответственно страшится призраков, привидений, фантастических существ. Это анонимный авторитетный источник с заглавной «А», когда авторитетным источником является комбинация наших «я», но эти «я» без индивидуального ядра. В конечном счете, мы боимся собственной коллективной пустоты.

И у нас есть веские причины, как отмечают редакторы *Карьеры*, опасаться этой ситуации, когда мы имеем дело с конформностью и собственной пустотой. Нам нужно лишь не забывать о том, что этическая и эмоциональная пустота в европейском обществе два и три десятка лет тому назад представляла собой открытое приглашение фашистским диктаторам войти и заполнить этот вакуум.

Наибольшая опасность подобной ситуации вакуума и бессилия заключается в том, что это приводит - рано или поздно - к болезненной тревоге и отчаянию, и, в конечном счете, если ни-

как не корректируется - к бесполезности и блокированию самых ценных качеств человека. В результате, мы имеем приостановление развития и ухудшение психологического состояния у людей или же возврат к деструктивной авторитарности.

Одиночество

Другой характерной чертой современных людей может быть одиночество. Они описывают это чувство как нахождение «снаружи», некую обособленность или же если это люди, умудренные жизненным опытом, они говорят о том, что чувствуют себя отчужденными. Они подчеркивают, насколько важно для них, чтобы их пригласили на какую то вечеринку или обед не потому, что они правда хотят туда пойти (хотя, как правило, они посещают эти мероприятия), равно как и не потому, что им будет весело, там будет дружеское общение, они смогут обменяться опытом и получают человеческое тепло от самой встречи (очень часто этого не происходит, и там просто царит скука). Скорее, так важно чтобы тебя пригласили именно потому, что это является подтверждением того, что ты не один. Одиночество представляет такую огромную и болезненную угрозу для многих людей, что они имеют мало понятия о позитивных ценностях уединения, а временами их даже пугает перспектива быть одному. Как говорил Андре Жид, Многие люди страдают от «страха остаться в одиночестве и потому вообще теряют себя».

Эти чувства пустоты и одиночества следуют вместе. Так, например, когда люди рассказывают о крушении любовных отношений, зачастую они говорят не о своей печали или унижительном положении, в котором оказались, в связи с потерей своего возлюбленного, но скорее о том, что чувствуют себя «опустошенными». Как заметил один человек, когда ты теряешь другого, на его месте остается «зияющая пустота».

Не так сложно выявить причины, объясняющие тесную взаимосвязь между одиночеством и пустотой. Ведь когда человек не знает, что он хочет или чувствует, у него нет в этом никакой внутренней уверенности; когда в период изменений, связанных с травмой, он начинает осознавать тот факт, что традиционные желания и цели, которым его учили следовать, уже больше не приносят ему какой-либо безопасности или не дают ему ощущения направленности, то есть, иными словами, когда он ощущает внутреннюю пустоту, находясь в обществе, в котором царит

внешняя неразбериха в связи с глубокими социальными потрясениями, он чувствует опасность; и его естественной реакцией будет оглядеться, чтобы найти других людей. Он надеется, что они зададут ему некое направление или, по крайней мере, не оставят его один на один с собственными страхами. Таким образом, пустота и одиночество - это две составляющие одного и того же базового опыта, связанного с переживанием тревоги.

Возможно, читателю знакома та тревога, которая накрыла нас, как волна, когда на Хиросиму впервые была сброшена атомная бомба, и когда мы ощутили нашу самую большую опасность - т.е мы поняли, что можем оказаться последним поколением, но не знали, в каком направлении нам следует двигаться. Как это ни странно, но реакцией большинства в тот момент было внезапное глубокое одиночество. Норманн Казенс, который попытался в своем эссе *«Современный Человек уже отжил свой век»* выразить самые глубокие чувства интеллектуально развитых людей в тот неустойчивый период нашей истории, писал не о том, как защитить себя от атомной радиации или как противостоять политическим проблемам или трагедии саморазрушения человека; напротив, его статья была пронизана размышлениями об одиночестве. Он утверждал то, что «вся человеческая история - это попытка скрыться от одиночества».

Человек чувствует себя одиноким, когда он ощущает пустоту и боится не только из-за того, что хочет быть защищен толпой, как хищный зверь чувствует себя защищенным, находясь в стае. Равно как и стремление к другим не есть лишь попытка заполнить пустоту в себе - хотя это, безусловно, лишь одна сторона потребности в обществе себе подобных, когда человек испытывает пустоту или тревогу. Более глубинная причина состоит в том, что человек исходно имеет опыт быть самим собой, состоя в отношениях с другими, и когда он оказывается один без других людей, то боится утратить свой опыт быть самим собой. Человек - био-социальное млекопитающее, которое не только зависит от другого человеческого существа, например отца и матери, обеспечивающих ему безопасность на протяжении всего его детства; так же он начинает осознавать и себя, что лежит в основе его способности ориентации в жизни и складывается из этих первичных отношений. Эти важные моменты мы будем рассматривать более подробно в конце данной главы; здесь же нам бы хотелось отметить лишь то, что отчасти это чувство оди-

ночества состоит в том, что человеку необходимы отношения с другими людьми, чтобы он мог как-то ориентироваться сам.

Но другое важное объяснение чувства одиночества, может быть связано с тем фактом, что наше общество делает такой сильный акцент на социальном принятии. Это основная возможность ослабить тревогу и главный способ сохранения репутации. Таким образом, нам всегда приходится доказывать, что мы «социально успешны», всегда стремясь к чему-то и никогда не оставаясь наедине с самими собой. Если человек получает одобрение, т.е. социально успешен, - как мы это понимаем, - тогда он редко бывает один; точно так же и когда человек не получает подобного одобрения, он проигрывает в этой гонке. В те дни, когда человек выполнял лишь функцию гироскопа, да и раньше, основным критерием успешности было финансовое благополучие. Теперь же есть некоторая вера в то, что если человек получает одобрение, за этим последуют финансовая стабильность и успешность. «Нравьтесь», советует Уилли Ломан своим сыновьям в *Смерти коммивояжера*, «и вы никогда не будете хотеть».

Оборотной стороной одиночества современного человека является его невероятный страх остаться одному. В нашей культуре допускается говорить о том, что ты одинок, поскольку это некая возможность признать то, что быть одному - это нехорошо. Меланхолические песенки, преисполненные романтики, отражают подобные сентиментальные настроения, не без доли ностальгии:

Я и тень моя

И никому нет дела до меня...

Лишь я и тень моя

Как перст один, в унынье и печали³

И считается приемлемым желание быть одному, чтобы временно «вообще от этого уйти». Но если человек говорит на вечеринке, что ему хотелось бы побыть одному, не для того, чтобы отдохнуть или совершить уход, но ему правда это нравится, люди будут считать, что с ним, наверное, что-то не так - что он окружен некоей аурой неприкосновенности или же он чем-то

³ *Me and My Shadow*, by Billy Rose, Al Jolson and Dave Dreyer, Copyright 1927, by Bourne, Inc., New York, N.Y., used by permission of the copyright owners. (*Я и моя тень*, Билли Роуз)

болен. И если человек проводит одну большую часть времени, люди, как правило, считают его неудачником, поскольку для них невозможно постичь то, что он предпочитает быть один.

За этой огромной потребностью людей в нашем обществе, чтобы их куда-то пригласили, можно увидеть именно этот страх остаться одному; или же если они приглашают кого-то еще, чтобы другой принял это приглашение. Подобное давление, когда настаивают на необходимости «встретаться», никак не соотносится с такими реалистичными мотивами, как удовольствие и теплота, которые люди получают, находясь в обществе друг друга, обмен чувствами, мнениями и опытом или же само удовольствие от отдыха. В действительности, подобные мотивы имеют очень мало общего с навязчивым стремлением быть приглашенным. Многие люди, более умудренные жизненным опытом, вполне осознают эти моменты, и им бы хотелось сказать «Нет»; но они очень хотят оставить за собой этот *шанс* пойти, а отклонить предложение в этой привычной круговерти, что представляет собой социальная жизнь, означает то, что рано или поздно тебя могут вообще не пригласить. Из глубинных уровней (его психики) исходит такой леденящий страх, что человек может совершенно замкнуться в себе и не обращать внимания на то, что происходит вокруг.

Безусловно, люди всегда боялись одиночества и пытались как-то от этого уйти. Паскаль в семнадцатом веке обратил внимание на то, что люди прилагают огромные усилия, дабы как-то отвлечься, и он полагал, что по большей части цель этих развлечений состояла в том, чтобы позволить людям избежать мыслей о самих себе. Еще сто лет тому назад Кьеркегор писал о том, что в его время «человек делает все возможное, отвлекаясь на что бы то ни было и слушая музыку горластых янычар, лишь бы прогнать мысли об одиночестве. Так в лесах Америки стараются отогнать от себя диких животных, издавая вопли, под звуки цимбал и размахивая факелами». Но в наши дни разница состоит лишь в том, что страх одиночества гораздо более сильный, а защитные механизмы от этого страха - разного рода развлечения, социальные раунды и «почитание» - являются более ригидными и компульсивными.

Давайте представим такую импрессионистскую картину, в самых крайних ее формах, и возьмем не совсем обычный пример страха одиночества в нашем обществе в процессе какой-нибудь

общественной деятельности на летних курортах. Скажем, типичное поселение добропорядочных граждан летом на морском побережье, где люди проводят отпуск и, соответственно, на тот момент они лишены своей работы, как ухода и поддержки. Что особенно важно для этих людей, так это продолжение нескончаемой череды вечеринок, несмотря на то, что они встречаются с одними и теми же людьми на этих вечеринках каждый день, пьют одни и те же коктейли и обсуждают одни и те же темы или же там вообще отсутствуют какие-либо темы. И важно не то, что говорится, но то, что некоторые разговоры бесконечны. Сохранять молчание - огромное преступление, поскольку молчание - это говорит об одиночестве и вселяет страх. Человек не должен слишком много чувствовать, равно как ему не следует придавать слишком большое значение тому, что говорится: то, что вы говорите, очевидно, приведет к более желаемому результату, если вы не будете пытаться понять. У человека возникает странное ощущение, что все эти люди чего-то боятся - чего же именно? Это как «ятата» был примитивным родовым ритуалом, танцем ведьм, чтобы умилостивить некоего бога. Это был бог, или, скорее демон, которого они пытались умилостивить: такое предчувствие одиночества витает над человеком и похоже на заволакивающий море туман. Человеку приходится сталкиваться с этим зловещим предчувствием ужаса в первые полчаса по своем пробуждении, поэтому он будет делать все возможное, чтобы в данный момент держаться от него подальше. Образно выражаясь, они пытаются умилостивить именно страх смерти - смерти как символа окончательного одиночества, отделения, изоляции от других людей.

Здесь можно предположить, что иллюстрация, приведенная выше, - это одна из крайних форм. В обыденной жизни у многих из нас может не так часто проявляться столь сильный страх остаться одному. Как правило, у нас имеются некие методы, позволяющие «не подпускать близко мысли, связанные с одиночеством», и наша тревога может проявляться лишь в каких-то случайных сновидениях, когда мы чего-то боимся, и которые утром мы стараемся забыть как можно быстрее. Но эти различия в интенсивности страха одиночества, а также относительной успешности наших защитных механизмов не меняют основную проблему. Наш страх одиночества может не проявляться в тревоге как таковой, но в едва осознаваемых мыслях, которые

прорываются, чтобы что-то напомнить нам, когда оказывается, что мы не приглашены на такую-то вечеринку, что мы нравимся кому-то еще, даже если человек, о котором идет речь, к нам равнодушен; или же чтобы сообщить нам о том, что мы были успешны или пользовались популярностью когда-то давно. Зачастую этот процесс, приносящий нам некое успокоение, оказывается настолько автоматическим, что мы вообще этого не замечаем, лишь как следствие это оказывается некоей поддержкой для нашей самооценки. И если мы, люди, которым довелось жить в середине двадцатого века, честно окинем взором самих себя, т.е. если мы посмотрим, что лежит за нашими привычными масками, не увидим ли мы этот страх изоляции, практически неизменного нашего компаньона, невзирая на весь этот маскарад?

Страх остаться одному в значительной степени обусловлен тем ужасом, который связан с тревогой *перестать осознавать себя*. Если люди жалуются на свое одиночество в течение достаточно длительного времени, и им не с кем словом обмолвиться или у них нет даже радио, чтобы хоть как-то заполнить фон, как правило, они боятся «утомиться от безделья», утратить собственные границы, что у них больше не будет ничего, от чего они могли бы оттолкнуться, ничего такого, что позволило бы им как-то ориентироваться. Интересно, что иногда они говорят о том, что если бы им пришлось остаться одним в течение длительного времени, они бы не смогли работать или функционировать, чтобы не устать; и потому они не смогли бы сомкнуть глаз. И тогда, хотя обычно они не в состоянии этого объяснить, они бы утратили это разграничение между сном и явью точно так же, как ими утрачено это разграничение между субъективным «я и объективным миром вокруг них».

Любое человеческое существо во многом получает подтверждение собственной реальности из того, что другие говорят ему и думают о нем. Но многие современные люди настолько далеко зашли в своей зависимости от других, что касается их ощущения реальности, что они боятся того, что без этого они утратят это ощущение, что они действительно существуют. У них возникает чувство, что их может «отбросить», наподобие тому, как вода смывает песок. Многие люди подобны слепцам, которые двигаются на ощупь в жизни, лишь входя в контакт с другими людьми.

В крайних формах этот страх утратить собственные ориентиры есть не что иное, как страх психоза. Когда люди действительно находятся на грани психоза, у них часто возникает срочная потребность искать любых контактов с другими людьми. И это очень важно, поскольку такие отношения представляют для них некий мост с реальностью.

Но здесь мы рассматриваем несколько иную тематику. Современный западный человек, которого на протяжении четырех веков учили тому, что во главу угла необходимо ставить рационализм, равномерность и механистичность, неизменно предпринимал попытки, которые, к сожалению, оказывались безуспешными, подавлять такие аспекты своего «я», которые не соответствовали этим общепринятым и механистическим нормам. И не будет преувеличением утверждать то, что современный человек, ощущая свою внутреннюю пустоту, боится, что если вокруг него не будет этих привычных связей, если не окажется рядом талисмана, отвечающего за его привычную рутину и реализацию каждодневных задач, если он вдруг забудет, который сейчас час, то он будет ощущать, хотя и не столь явно, некую угрозу, подобно тому, что испытывает человек, находящийся на грани психоза? Когда возникает угроза привычным ориентирам человека, и он остается один, без себе подобных, в таких случаях человек вновь оказывается отброшенным назад к своим внутренним ресурсам и внутренней силе, и это как раз то, на что современные люди не обращают внимания. Поэтому одиночество - это реальная, а не воображаемая угроза для многих из них.

Социальное принятие, когда «ты нравишься», настолько сильно, поскольку это позволяет удерживать чувства, связанные с одиночеством, на расстоянии. Человек находится в теплых комфортных условиях; он сливается со своей группой. И его снова засасывает, как если бы, используя предельные психоаналитические символы, ему нужно было вернуться в утробу. На какое-то время он перестает ощущать себя одиноким; но это происходит ценой отказа от своего бытия как отдельной личности, имеющей на это право.

И он не признает то единственное, что могло бы, в конце концов, помочь ему конструктивно преодолеть одиночество, а именно: развить собственные внутренние ресурсы, обрести силу и ощущение направленности и использовать это как не-

кую основу для значимых отношений с другими. «Сытые люди» обречены стать еще более одинокими, вне зависимости от того, как они «лезут из кожи вон»; так как полный человек не имеет той основы, которая может помочь ему научиться любить.

Тревога и угроза своему «я»

Тревога, другая характерная черта современного человека, является даже более фундаментальной, чем пустота и одиночество. Ведь быть «полным» и одиноким, вряд ли бы это стало вызывать у нас беспокойство, если не считать того, что мы начинаем испытывать определенную психологическую боль и смятение, называемые тревогой.

Тех, кто читает утренние газеты, не нужно убеждать в том, что мы живем в век тревоги. Две мировые войны за тридцать пять лет, экономические подъемы и депрессии, фашистские зверства и усиление коммунистического тоталитарного режима, а сейчас не только нескончаемые военные конфликты, но и угроза надвигающейся холодной войны, в то время как в буквальном смысле мы находимся на грани развязывания Третьей мировой войны с применением атомного оружия - этих простых фактов, которые можно встретить на страницах любого ежедневного издания, достаточно для того, чтобы показать угрозу основам нашего бытия. Неудивительно, что Бертран Расселл пишет о том, что самое печальное «в отношении нашего времени состоит в том, что те, кто чувствует уверенность - глупы, тех же, кто наделен хоть каким-то воображением и пониманием - переполняют сомнения и нерешительность».

В своей предыдущей книге *Смысл тревоги* я обращал внимание на то, что в середине двадцатого века мы больше подвержены тревоге, чем в какое-либо другое время, начиная с кризиса Средневековья. То время, в четырнадцатом и пятнадцатом веках, когда Европу разрывало от тревоги в форме страхов смерти, приступов сомнений в отношении смысла и ценности жизни, суеверия, страхов нечистой силы и магии, - наиболее сопоставимо с нашим. Страхи, связанные с атомными разрушениями, можно проследить в работах историков, рассматривающих период упадка средневекового искусства и писавших о «страхах смерти», утрате веры и этических ценностей, «агонии сомнений», когда люди преодолевали те же трудности, которые характерны для нашего времени. У нас тоже были свои суевер-

рия, когда мы испытывали тревогу по поводу летающих тарелок и пришельцев с Марса, а также собственной «нечистой силы и магии» в образе демонических нацистских супергероев и других мифов, связанных с тоталитаризмом. Тот, кто захочет более подробно узнать о том, что происходит с тревогой в современном мире, - это проявляется в увеличении случаев эмоциональных и психических нарушений, разводах и суицидах, а также политических и экономических потрясениях, - может обратиться к вышеуказанной книге.

На самом деле фраза «век тревоги» сейчас уже звучит как банальность. Нас настолько приучили жить в состоянии квазитревоги, что наша реальная опасность - это искушение закрыть глаза, действуя согласно «страусиной» политике. В последующие двадцать-тридцать лет мы будем свидетелями разного рода потрясений, конфликтов, войн и толков о войне, и для человека, наделенного «воображением и пониманием», будет вызовом то, что ему придется честно посмотреть на эти потрясения и понять, набравшись смелости и проникая в самую суть, сможет ли он конструктивно использовать свою тревогу.

Ошибочно считать, что современные войны и депрессии, а также политические угрозы - это некая общая причина нашей тревоги, поскольку наша тревога также является причиной этих катастроф. Тревога, широко распространенная в наши дни, а также череда экономических и политических катастроф, которые случились в нашем мире - *все это симптомы одних и тех же глубинных причин*, а именно: тех травматических изменений, которые происходят в Западном обществе. Так, например, фашистская и нацистская тоталитарная диктатура не была бы установлена, потому что Гитлер или Муссолини решили захватить власть. Скорее, это можно объяснить тем, что когда нация угнетена, поскольку экономические потребности оказываются неудовлетворенными, а психологически и духовно ощущается пустота, на смену приходит тоталитарная система, чтобы заполнить этот вакуум; и люди продают свою свободу, поскольку им необходимо как-то избавиться от тревоги, которая оказывается для них слишком непосильной ношей.

Те неразбериха и неопределенность, которые царят в нашем обществе, показывают эту тревогу в более широкой перспективе. В этот период, когда происходят войны, и мы находимся под угрозой войны, нам известно, против чего мы, а именно: тоталитаризма.

литарного посягательства на свободу и чувство собственного достоинства человека. Мы себя чувствуем вполне уверенными в собственной милитаристской мощи, но ведем борьбу, обороняясь; мы подобны сильному животному, загнанному в угол, который пытается извернуться в ту или иную сторону, неуверенный, стоит ли ему как-то обороняться в том или ином направлении, подождать или переходить в наступление. Как нация, мы испытывали огромные трудности с принятием решения, следует ли нам вторгаться в Корею, стоит ли развязывать войну здесь или там, или же нам необходимо как-то разграничить тоталитаризм в той точке или иной. Если кто-то нападет на нас, нам следует выступать единым фронтом. Но мы пребываем в замешательстве относительно конструктивности целей - на что мы тратим свои силы, помимо защиты? И даже все то, что связано с новыми целями, - какими бы многообещающими они не казались для нового мира, например, План Маршалла, - ставится под сомнение некоторыми группами.

Когда человек непрерывно страдает от тревоги на протяжении какого-то периода времени, его тело становится подверженным психосоматическим заболеваниям. Когда группа постоянно испытывает тревогу, но при этом не предпринимается никаких согласованных конструктивных шагов, ее члены - рано или поздно - начинают действовать друг против друга. Точно так же, когда одна нация пребывает в состоянии неразберихи и неопределенности, мы становимся незащищенными перед такой заразой, как уничтожение личности, что характерно для движения маккартизма, охоты на ведьм, а также повсеместного прессинга, так что каждый начинает относиться с подозрением к своему соседу.

Переходя от общества к отдельному человеку, мы можем видеть наиболее очевидные проявления тревоги в повсеместном распространении невроза и других эмоциональных нарушений, которые, на что указывали практически все психологи, начиная от Фрейда и заканчивая нашими современниками, имеют свои корни в тревоге. Так же и тревога является, как правило, психологическим показателем психосоматических нарушений, таких как, язва, различные проблемы с сердцем и так далее. И, наконец, тревога - это наркомания в наши дни, масштабы которой огромны, и то, что больше всего подрывает здоровье и благополучие людей.

Если мы чуть более пристально рассмотрим на нашу личную тревогу, то сможем увидеть то, что ее причины являются гораздо более глубокими, нежели угроза войны и экономическая неопределенность. Мы испытываем тревогу, потому что не знаем, какие нам роли исполнять, какими принципами руководствоваться. Наша личная тревога - это нечто сродни тому, что испытывает нация: главным образом, неразбериха и неопределенность по поводу того, куда мы идем. Должен ли человек прилагать огромные усилия в конкурентной борьбе за экономическое благополучие и успех, как нас этому учили, или же быть приятным во всех отношениях человеком, который всем будет нравиться? Он не может преуспеть и в том, и в другом. Должен ли он действовать так, как его учит общество, в отношении секса и моногамности или же ему стоит следовать общепринятому «что сделано», как это было показано в работе Кинси?

Это лишь два примера неких положений, принятых в обществе, к которым мы вернемся позже в данной книге, а именно: главная неопределенность по поводу целей и ценностей, которую испытывают современные люди. Д-р и г-жа Линд в своем исследовании *Миддлтаун в переходный период* говорит о том, что люди этого обычного сообщества столкнулись «с хаосом противоречивых паттернов, ни один из которых не был полностью отвергнут, но ни один из них также не получил и явного одобрения, разве что вызвал замешательство». Это главное различие между Мидлтауном⁴ **30-х годов и ситуаций в настоящее время, как мне кажется, состоит в том, что замешательство стало еще более глубоким и затрагивает чувства и желания. В подобной неопределенности многие люди переживают внутри терзающие их мрачные предчувствия. То, что испытывал молодой человек в поэме Одена *Век тревоги***

... Уж скоро и конец

А спросят ли о нас?

Иль просто мы здесь были нежеланны?

Если кто-то считает, что есть простые ответы на эти вопросы, то он не понял ни сами вопросы, ни то время, в которое ему

⁴ Мидлтаун – американский городок на Среднем Западе в 30-е годы – *Пр - меч.пер.*

суждено жить. Как заметил Герман Гессе - это время, «когда все наше поколение оказалось в тисках...между двумя эпохами, двумя модусами жизни и, как следствие, оно вообще перестает быть способным понимать себя, не имея каких бы то ни было норм, безопасности да и просто элементарных прав».

Но было бы неплохо не забывать и о том, что тревога означает конфликт, и пока продолжается конфликт, возможно конструктивное решение. В действительности, наши нынешние разочарования во многом являются подтверждением новых возможностей в будущем, что мы и увидим ниже, поскольку они говорят о катастрофе сейчас. Для конструктивного использования тревоги необходимо, прежде всего, то, чтобы мы честно признали и посмотрели без страха на свое опасное состояние, как в каждом отдельно взятом случае, так и в масштабах социума. Чтобы как-то помочь в этом, мы постараемся дать более точное значение тревоги.

Что такое тревога?

Какое определение нам следует дать тревоге, и как она связана со страхом?

Если вы переходите улицу и видите, как к вам приближается машина, ваше сердце начинает учащенно биться, вы концентрируете свое внимание на расстоянии между машиной и вами, насколько вам нужно отойти, чтобы перейти на безопасную сторону дороги, и вы торопитесь поскорее перейти дорогу. Вы испытали страх, и это побудило вас к тому, чтобы поскорее оказаться в безопасности. Но если, когда вы только начинаете переходить дорогу, у вас вызывает удивление поток машин с противоположной стороны, вы вдруг оказываетесь посередине дороги, не зная, в какую сторону повернуть. Ваше сердце начинает биться все сильнее, но теперь, в отличие от того первого случая, когда вы испытали страх, о чем мы говорили выше, вы можете все видеть, как в тумане. У вас возникает импульс - можно надеяться, что он как-то контролируется - броситься со всех ног в любом направлении. Когда скорость движения на дороге увеличивается, вы можете испытать легкое головокружение и почувствовать пустоту где-то в области живота. Это и есть тревога.

Испытывая страх, мы знаем, что представляет угрозу для нас, сама ситуация побуждает нас к действию, наше восприятие

становится более острым, и мы предпринимаем определенные шаги, чтобы убежать или иными адекватными способами преодолеть эту опасность. И, напротив, испытывая тревогу, что-то предвещает нам беду, но при этом мы не знаем, какие шаги предпринять, чтобы справиться с опасностью. Тревога - это такое чувство «оказаться застигнутым врасплох» и испытать «потрясение»; и вместо того, чтобы острее на это реагировать, наши ощущения, как правило, становятся неопределенными или смутными.

Тревога может проявляться с той или иной степенью интенсивности. Это может быть едва заметное напряжение перед встречей с каким-то важным человеком; или же какое-то дурное предчувствие перед экзаменом, когда на карте будущее человека, и он не совсем уверен, готов ли сдать этот экзамен. Или же это может быть тот леденящий ужас, когда на лбу выступают капельки пота, в ожидании услышать, погиб ли любимый человек в авиакатастрофе или утонул ребенок или же он благополучно возвращается после урагана, застигнувшего его на озере. Люди переживают тревогу очень по-разному: «постоянно ноющая боль» внутри, сдавливание груди, общая дезориентация; или же они могут описывать это как некое чувство, как если бы весь мир вокруг был в серых или черных тонах или на них навалилась какая-то тяжесть или такое чувство, которое можно сравнить с тем ужасом, который испытывает маленький ребенок, когда он понимает, что потерялся.

В действительности, тревога может принимать все формы и проявляться с разной степенью интенсивности, поскольку это основная *реакция человека на опасность, связанную с его существованием, или же некая ценность, которую он связывает со своим существованием*. Страх - это угроза для одного из аспектов «я» - если ребенок с кем-то дерется, ему могут причинить боль, но эта боль не будет представлять угрозы для его существования; или же студент в университете может отчасти бояться приближения середины семестра, но он знает, что мир не рухнет, если он не сдаст экзамены. Но как только эта угроза становится достаточно серьезной, чтобы задействовать все его «я», тогда человек начинает испытывать тревогу. Тревога поражает нас в самое «сердце» нашего Я: это то, что мы чувствуем, когда возникает угроза нашему существованию.

Скорее, это качество в нашем опыте, которое приводит к тревоге, а не количество. Человек может почувствовать какую-то ноющую боль в животе, когда, скажем, кто-то из его друзей проходит мимо на улице, не проронив ни слова, но несмотря на то, что угроза не столь сильна, ощущение беспокойства не покидает человека; и то, что человек испытывает замешательство и пытается отыскать «объяснение, почему его друг отнесся к нему с таким пренебрежением, показывает угрозу чему-то фундаментальному в нас самих. Тревога, в своих крайних проявлениях, - это самая болезненная эмоция, унаследованная человеческим существом. Как говорил Шекспир «Реальной опасности в настоящем боишься меньше, чем представления о будущем»; и были известны случаи, когда люди скорее предпочитали выскочить из спасательной шлюпки и утонуть, нежели встретиться лицом к лицу с еще более сильной агонией, пребывая в постоянных сомнениях и неопределенности и не ведая, придет ли им кто-то на помощь или нет.

Чаще всего тревога порождается страхом смерти, но большинство из нас, в нашей цивилизации, не приходится сидеть на пороховой бочке и как-то иначе слишком часто ощущать угрозу смерти. Самая сильная тревога появляется в случае угрозы той ценности, которую мы считаем основополагающей. Прекрасной иллюстрацией тому является пример Тома: этот случай можно было бы привести на курсе научной медицины. У этого человека было прободение язвы. Через отверстие, образовавшееся у него в брюшине в результате болезни, врачи в госпитале Нью-Йорка могли наблюдать за его психосоматическими реакциями, когда он испытывал тревогу, страх и переживал другие стрессовые ситуации. В тех случаях, когда Том испытывал сильное беспокойство: остаться ли ему в госпитале или сразу уйти, как только станет лучше, он говорил: «Если я не смогу содержать свою семью, то брошусь со скалы». Иначе говоря при появлении угрозы его самоуважению как добытчика, Том, как и коммивояжер Уилли Ломан, да и многие другие мужчины в нашем обществе, почувствовал бы, что как личность он больше не существует и действительно может умереть. Это показывает, что подобные переживания - так или иначе - характерны практически для всех людей. Определенные ценности, будь-то успех или любовь к кому-то или же свобода говорить правду, как это было в случае Сократа или

Жанны Д'Арк, которая прислушивалась к своим «внутренним голосам», считаются «основополагающими» в жизни человека, и если такая ценность оказывается разрушенной, у человека возникает ощущение, что и его существование как отдельного Я может быть так же уничтожено. «Свобода или смерть»⁵ - это не риторический вопрос, равно как в этом нет никакой патологии. Поскольку к преобладающим ценностям подавляющего большинства людей в нашем обществе можно отнести любовь, принятие и одобрение, тревога в наши дни исходит в основном от угрозы, что тебя не будут любить, ты окажешься в изоляции, одиноким или брошенным.

В большинстве примеров, приведенных выше, говорилось о «естественной тревоге», т.е. тревоге, соразмерной реальной угрозе в ситуации, связанной с опасностью. Так, например, во время пожара, в сражении или в ходе какого-то важного экзамена в университете любой человек будет испытывать тревогу в той или иной степени - и будет странным, если этого не произойдет. Любое человеческое существо испытывает естественную тревогу самыми разными способами, по мере того как он сталкивается с различными кризисами в жизни и противостоит им. Чем более он способен смело посмотреть на эти «естественные кризисы» и преодолеть их, - отделение от матери, поход в школу и, рано или поздно, принятие на себя ответственности за свое призвание в жизни и принятие решений, связанных с собственной семьей, - тем меньше вероятность развития у него невротической тревоги. Естественной тревоги невозможно избежать; ее следует честно признать. В настоящей книге мы будем рассматривать, главным образом, естественную тревогу человека, которому довелось жить в наш переходный период, а также конструктивные способы, помогающие справиться с этой тревогой.

Но, безусловно, очень сильная тревога - это невротичная тревога, и нам следует, по крайней мере, дать ей определение. Представим себе молодого человека, музыканта, который впервые отправляется на свидание, и, в силу тех или иных причин, он не может понять, что испытывает очень сильный страх перед этой девушкой и чувствует себя крайне скверно. Далее предположим, что он уклоняется от этой реальной проблемы, поклявшись себе в том, что в его жизни больше не будет никаких девушек, а он

⁵ «Дайте мне Свободу, или дайте мне Смерть!» - известная фраза Патрика Генри, произнесенная перед началом американской Революции за независимость (1770-е годы).

посвящает себя целиком и полностью музыке. Однако, спустя несколько лет, уже будучи успешным музыкантом, по-прежнему неженатым, он начинает понимать, что чувствует себя очень скованным в кругу женщин, что не может разговаривать с ними, не испытывая смущения, что он с недоверием относится к своему секретарю и до смерти боится женщин-руководителей в тех обществах, с которыми ему приходится контактировать, составляя график своих концертов. Он не может найти объективной причины тому, почему он так сильно этого боится, ведь он знает, что эти женщины не собираются в него стрелять и вообще-то имеют очень мало на него влияния? Он испытывает невротическую тревогу, т.е. такую тревогу, которая несоразмерна реальной опасности и идет из бессознательного конфликта внутри его психики. У читателя, возможно, уже возникли предположения, что этот молодой музыкант, очевидно, испытывал серьезный конфликт с собственной матерью, который теперь бессознательно переносится на всех женщин, которых он боится.

Невротическая тревога берет свое начало, главным образом, в подобных бессознательных психологических конфликтах. Человек испытывает тревогу, но у него такое чувство, как будто бы это какой-то призрак; он не знает, где скрывается враг или как сражаться с ним или спастись бегством от него. Эти бессознательные конфликты, как правило, начинаются в какой-то предшествующей ситуации, связанной с угрозой, в которой человек не ощущал себя достаточно сильным, чтобы он мог этому противостоять; например, когда ребенку приходится иметь дело с доминирующим и властным родителем или же он вынужден посмотреть правде в глаза и признать тот факт, что родители не любят его. Тогда реальная проблема вытесняется, и уже потом она возникает как внутренний конфликт, несущий в себе невротическую тревогу. Один из способов справиться с невротической тревогой - это обозначить некий исходный реальный опыт, то, чего человек боится, и потом уже проработать его опасения как естественную тревогу или страх. Когда речь идет о какой бы то ни было сильной невротической тревоге, зрелым и мудрым шагом будет получение профессиональной психотерапевтической помощи.

Но главный вопрос, который будет нас волновать в этих главах, - это понять, как конструктивно использовать естественную тревогу. И для того, чтобы это сделать, нам необходимо прояс-

нить один важный момент: взаимосвязь между тревогой человека и его самоосознанием. Имея за плечами какой-то ужасный опыт, например, участвуя в сражении или пережив пожар, люди зачастую говорят «У меня было такое ощущение, как будто я оцепенел». Это происходит потому, что тревога выбивает все показное, так сказать, идет из осознания своего «я». Тревога, как торпедо, поражает изнутри, на самом глубинном уровне или метит в самую «сердцевину», в наше Я, ведь именно на этом уровне мы имеем опыт как личность, как субъект, который может действовать в мире объектов. Таким образом, тревога - в той или иной степени - как правило, приводит к тому, что мы перестаем осознавать себя. Так, например, в сражении, поскольку враг атакует с передовых позиций, солдаты, защищая свою армию, несмотря на свой страх, продолжают вести борьбу. Но если враг одерживает победу и отбрасывает узел коммуникации за линию сражения, тогда армия перестает понимать, в каком направлении ей следует действовать, в войсках начинаются беспорядки, и армия перестает осознавать себя как нечто единое целое, ведущее борьбу. Тогда солдаты начинают испытывать тревогу или панику. Это именно то, что тревога делает с человеком: она дезориентирует его, временно лишая его четкого осознания того, что же он из себя представляет и кто он, и делая расплывчатым его представление об окружающей действительности.

Такая неопределенность - подобное замешательство по поводу того, кто мы и что нам следует предпринять - это самое болезненное в отношении тревоги. Но позитивной стороной и тем, что вселяет некую надежду, является то, что точно так же, как тревога разрушает наше самоосознание, так и осознание своего «я» может уничтожить тревогу. Иными словами, чем больше мы осознаем себя, тем более мы способны занять определенную позицию и преодолеть тревогу. Тревога, как и лихорадка, - это свидетельство того, что внутри происходит борьба. И так же, как в случае с лихорадкой, - это говорит о том, что тело мобилизует свои внутренние ресурсы и ведет борьбу с инфекцией, скажем, туберкулезная палочка в легких. Таким образом, тревога указывает на то, что имеет место психологическая или духовная борьба. Мы уже обращали внимание на то, что невротическая тревога есть признак какого-то нерешенного глубинного конфликта, и до тех пор, пока конфликт все еще имеет место, есть все возможности начать осознавать причины конфликта

и найти решение на более высоком уровне, связанном с нашим здоровьем. Невротическая тревога может представлять некий естественный способ, так сказать, обратить наше внимание на то, что необходимо решать проблему. То же самое верно и в отношении естественной тревоги - для нас это некий сигнал, что необходимо мобилизовать все свои ресурсы и начать сражение с тем, что представляет для нас угрозу.

Поскольку лихорадка в нашем примере говорит о борьбе между телесными силами и инфицирующими бактериями, тревога, соответственно, свидетельствует о борьбе между силой нашего Я, с одной стороны, и опасностью, угрожающей разрушить наше существование, с другой. Чем большее место занимает угроза, тем более нам (что касается осознания своего я) приходится сдавать свои позиции, претерпевать ограничения, испытывать блоки.

Но чем сильнее наши собственные силы, т.е. чем сильнее наша способность действовать в направлении самоосознания и достижения объективности - тем меньше вероятность того, что нас может затронуть эта угроза. Пока у пациента, больного туберкулезом, случается лихорадка, все еще остается хоть какая-то надежда, но на последних стадиях заболевания, когда его тело как будто бы уже совершает «отказ», так сказать, лихорадка прекращается, и вскоре пациент умирает. Точно так же единственное, что может означать утрату надежды на преодоление тех трудностей, с которыми мы сталкиваемся сейчас, как отдельно взятые индивиды, так и нация, - это регресс в апатию и неспособность чувствовать и конструктивно сталкиваться с тревогой.

Тогда нашей задачей будет укрепление самоосознания, нахождение неких центров силы в нас самих, что позволит нам выстоять, несмотря на всю ту неразбериху и неопределенность, которые окружают нас. В этом и состоит основная цель исследования в данной книге. Тем не менее, прежде всего, нам следует попытаться разобраться, как мы оказались в столь затруднительном положении.

Глава 2

Причины нашей болезни

Первый шаг в преодолении проблем - это понимание их причин. Что же происходит в наше время в Западном обществе, что отдельные личности и целые народы испытывают на себе всю ту неразбериху и неопределенность? Совершив краткий экскурс в историю, давайте для начала поинтересуемся, какие же происходят фундаментальные изменения, которые привели к тому, что этот век стал веком тревоги и пустоты?

Утрата центра ценностей в нашем обществе

Основным здесь можно назвать то, что мы живем в тот период в истории, когда какой-то один образ жизни «корчится в предсмертных муках», в то время как другой только рождается. Иными словами, западное общество переживает переходный период, что касается ценностей и целей. Какие же именно ценности мы утратили?

Одно из двух основных предположений в наше время, начиная со времен эпохи Ренессанса, состояло в ценности индивидуальной конкуренции. Считалось, что чем больше человек работает, дабы упрочить собственное экономическое благосостояние и стать богатым, тем более он будет способствовать материальному прогрессу того общества, в котором живет. Эта хорошо известная политика невмешательства государства в экономику была эффективной на протяжении нескольких веков. На ранних этапах современного индустриализма и капитализма, да и в последующем, ситуация обстояла именно таким образом, что стремление к богатству, повышая при этом уровень нашей торговли или ведя строительство еще более крупных заводов, в конечном счете, должно было означать увеличение производства материальных товаров в обществе. На первых порах цель конкуренции представляла удивительную и смелую идею. Но в девятнадцатом и двадцатом веках произошли значительные изменения. В наши дни повсеместного распространения бизнеса и монополии капитализма, сколько людей могут быть успешными в этой конкурентной борьбе как *личность*? Остаются лишь незначительные группы людей, например, врачи и психотерапев-

ты и некоторые представители фермерских хозяйств, имеющих роскошь быть самим себе экономическими боссами. Но даже их затрагивает повышение и понижение цен и нестабильный рынок, как и любого другого человека. Подавляющее большинство работающих людей, равно как и капиталисты, профессионалы в своем деле или бизнесмены должны входить в состав более широких образований, например, профсоюзы или крупные индустрии или университетские системы, в противном случае они вообще не смогут экономически выжить. Нас научили стремиться к тому, чтобы быть впереди того, кто следует за нами, но в действительности в наше время то, насколько человек успешен, гораздо больше зависит от того, насколько эффективно он работает со своими сотрудниками. Совсем недавно я где-то прочитал, что даже когда речь идет о каких-то поворотах в судьбе человека: необходимо выстрелить!

Мы вовсе не хотим сказать, что здесь обстоит что-то не так с теми попытками, которые предпринимает человек, и инициативой как таковой. В действительности, основную идею данной книги можно выразить как открытие заново уникальных способностей и инициативы каждого конкретного человека, и скорее применение их как некоей основы на благо общества, нежели растворение в некоем коллективистском котле конформности.

Но нам бы хотелось подчеркнуть то, что в двадцатом веке, в результате научного и иного прогресса мы стали намного больше зависеть друг от друга в своей нации, равно как и в мире, индивидуализм - как черта экономического поведения - должен стать чем-то иным, чем «своя рубашка ближе к телу». Если бы у вас или у меня была ферма где-то в лесу, и мы бы хотели освоить новые территории два века тому назад или же если бы вы располагали небольшим стартовым капиталом, чтобы начать какое-то новое дело в прошлом веке, философия «каждый сам за себя» могла бы выявить все то лучшее, что есть в нас, и принесла бы наилучшие результаты для общества. Но каким образом подобный индивидуализм, направленный на конкуренцию, работает в наше время, когда предполагается, что даже супруги сотрудников корпораций должны соответствовать этой «модели»?

Одним словом, стремление человека иметь собственные заработки, не внося лепты в социальное благополучие автоматический уже не несет в себе ничего хорошего для общества. Кроме того, подобный тип индивидуальной конкуренции, когда иметь

какой-то недостаток для вас оказывается в равной степени положительным для меня, чтобы я мог преуспеть в чем-то, поскольку это подталкивает меня карабкаться вверх по лестнице, и поднимает множество психологических проблем. Это делает любого человека потенциальным врагом своего соседа, вызывает сильнейшие враждебность и недовольство между людьми, и сильно повышает нашу тревогу и изолированность друг от друга. Столкнувшись с подобной враждебностью еще больше в течение последних десяти лет, мы пытались скрывать ее самыми разными способами - «вступая» в разного рода служебные организации, от «Ротари Интернэшнл» до «Клубов Оптимистов» в 20-е и 30-е годы, становясь хорошими друзьями, которых все любят и так далее. Но конфликты, рано или поздно, все равно прорываются.

Прекрасной и одновременно трагической иллюстрацией этому может быть Уилли Ломан, главный герой в пьесе «Смерть коммивояжера» Артура Миллера. Уилли так научили самого, и он, в свою очередь, учил этому своих сыновей, что оказаться впереди того, кто рядом, и стать богатым - вот те ценности, к которым следует стремиться, а для этого требуется инициатива. Когда мальчики крадут мячи, загромождая тем самым проход, Уилли, хотя он и лицемерит, что ему следовало бы осудить их, на самом деле доволен «бесстрашием их характеров» и отмечает, что «тренер, возможно, поздравит их с этой инициативой». Его друг напоминает ему о том, что тюрьмы полны такими «бесстрашными типами», на что Уилли отвечает ему, что «и фондовые биржи тоже».

Уилли пытается как-то скрыть это стремление вырваться вперед, поступая так, чтобы «тебя любили», как это делало большинство людей двадцать или тридцать лет тому назад. Когда, как любого старика» его «кинут в урну (в крематории)», поскольку политика его компании изменилась, Уилли испытывает очень сильное беспокойство и все повторяет себе: «Но ведь меня больше всех любили». Вся эта неразбериха в конфликте ценностей - почему же больше не работает то, чему его учили? - еще больше усиливается до той поры, пока не достигает своей кульминации, и он совершает самоубийство. Стоя у могилы, один из его сыновей никак не может успокоиться «Ведь у него была хорошая мечта, он хотел стать первым». Но другой его сын точно увидел

то противоречие, к которому приводит подобное смещение ценностей «Он никогда не знал, кто он на самом деле».⁶

Вторым центральным положением в наше время является вера в индивидуальную причину. Подобное положение, объявленное в эпоху Ренессанса как вера в значимость конкуренции отдельных людей, о чем мы только что говорили, оказалось чрезвычайно полезным для разрешения философских вопросов в области просвещения в семнадцатом веке и значительно способствовало прогрессу в целом, в науке и образовательной системе. На протяжении первого столетия нашей эпохи индивидуальная причина также означало «универсальная причина»; что представляло вызов для каждого интеллигентного человека найти некие универсальные принципы, благодаря которым все люди могли бы жить счастливо.

И опять же, какие-то изменения стали заметны уже в девятнадцатом веке. Психологически причина была отделена от «эмоции» и «воли». В основе подобного разделения личности было положение Декарта с его известной дихотомией между телом и душой, - что мы сможем проследить на протяжении всей этой книги, - но еще в последнем столетии у нас не было возможности наблюдать окончательные результаты этой дихотомии. В конце девятнадцатого и начале двадцатого веков было принято считать, что человек должен найти ответ на любую проблему, сила воли должна была помочь ему в этом, а эмоции, как правило, только мешаются, и их лучше всего подавлять. И вдруг мы находим причину (которая теперь уже трансформировалась в интеллектуальные рационализации), позволяющие отнести личность к разным категориям, что в результате приводило к подавлению и конфликту между инстинктом, эго и суперэго, так хорошо описанному Фрейдом. Когда Спиноза в семнадцатом веке использовал слово причина, он подразумевал такое отношение к жизни, когда в душе соединялись эмоции с нравственными целями и иными аспектами «целостной личности». В наши дни, когда люди используют это определение, они практически всегда подразумевают расщепление личности. Так или иначе, они задают один и тот же вопрос: «Должен ли я действовать в соответствии с этой причиной *или же* дать волю чувствам и своим потребностям или же исполнять свой нравственный долг?»

⁶ *Death of a Salesman*, by Arthur Miller, New York, Viking Press, 1949.

Вера в личностную конкуренцию, и причина, которую мы здесь рассматриваем, - это именно то, что *в действительности* стояло во главе угла современного западного развития, и вовсе не обязательно представляет собой идеальные ценности. Вне всякого сомнения, те ценности, которые воспринимались как *идеальные* большинством людей, были ценностями иудео-христианской традиции наряду с нравственным гуманизмом, и включали в себя такие понятия, как возлюбить ближнего своего, служить своему обществу и так далее. Вообще этим идеальным ценностям обучают в школе и церкви наряду с важностью конкуренции и индивидуальных причин (ограниченное влияние ценностей, связанных с «обслуживанием» и проявлением «любви», можно проследить в повсеместной моде на «клубы, предоставляющие различный сервис» и когда действительно подчеркивается необходимость того, чтобы «нравиться»). На самом деле можно выделить два направления ценностей - первое восходит много веков тому назад к источникам наших нравственных и религиозных традиций в древней Палестине и Греции, а второе - к эпохе Ренессанса - в значительной степени объединенных между собой. Так, например, Протестантство, представляющее религиозную составляющую культурной революции, начало которой было положено в эпоху Ренессанса, отражало некие новые индивидуальные течения, когда во главу угла ставилось право каждого человека и способность найти для себя некую религиозную истину.

В этой связи довольно многое можно сказать о браке, когда на протяжении нескольких веков разного рода недоразумения между партнерами по браку удавалось достаточно быстро сгладить. Поскольку тот идеал дружеских отношений между людьми в значительной степени поддерживался экономической конкуренцией, - величайшие научные достижения, новые фабрики и еще более быстрый переход на рельсы индустрии, - все это способствовало повышению материального благосостояния человека и укреплению его физического здоровья, и впервые в истории наши фабрики и наша наука могли иметь теперь такие мощности, что стало возможным «стереть с лица земли» голод и материальные потребности. Можно поспорить с тем, что наука и индустрия, поощряющие конкуренцию, подводят человека еще ближе к его нравственным общечеловеческим идеалам.

Но за последние несколько десятилетий лет стало очевидно, что брак пронизан множеством конфликтов, и тогда путь брака - серьезный пересмотр ценностей или развод. Ведь теперь уже возвеличивание какого-то одного человека, идущего впереди другого, вне зависимости от того, получает ли он более высокие оценки в школе или напротив его имени стоит больше звезд в Воскресной школе или же он избавляется от грехов, став экономически успешным, очень сильно блокирует возможности возлюбить ближнего своего. И как мы увидим позже, это даже препятствует любви между братом и сестрой, а также мужем и женой в одной и той же семье. Кроме того, поскольку наш мир теперь в буквальном смысле «один мир», благодаря научным и промышленным достижениям, то значение, которое мы привыкли придавать индивидуальной конкуренции, будет столь же устаревшим, как если бы каждому человеку приходилось самому доставлять письма собственным пони экспрессом. И, наконец, последним всплеском, вскрывшим глубинные противоречия в нашем обществе, была фашистская тоталитарная система, направленная против гуманистических и иудео-христианских ценностей, в частности, ценности человека.

Некоторые из наших читателей могут подумать, что многие из вышеуказанных вопросов были приведены неверно - почему стремление к экономическому благополучию должно быть направлено *против* кого-то из близких и почему *причина* должна идти вразрез с *эмоцией*? Это действительно так, но чертой, характерной для периода изменений, как это и происходит в настоящее время, может быть, главным образом, то, что повсеместно задаются неверные вопросы. Прежние цели, критерии, принципы по-прежнему укоренены в наших головах и «привычках», но они уже больше неэффективны, и поэтому большинство людей постоянно испытывает фрустрацию от того, что на задаваемые вопросы невозможно получить правильный ответ. Или же они утрачиваются в этой мешанине противоречивых ответов - «причина» действует, когда человек идет на занятия, «эмоция» - когда он остается наедине с возлюбленным, «сила воли» - когда нужно готовиться к сдаче экзамена, а религиозные обязательства - на похоронах и в Светлое Христово Воскресение. Подобное разделение ценностей и целей очень быстро приводит к принижению целостности личности, и человек, как

раздираемый противоречиями внутри, так и без этих противоречий, не ведает, в каком направлении ему двигаться.

Некоторые выдающиеся личности, которые жили в конце девятнадцатого и первой половине двадцатого веков, могли наблюдать подобное расщепление личности. Генрих Ибсен в литературе, Поль Сезанн в искусстве и Зигмунд Фрейд в науке о человеке понимали все происходящее. Каждый из них считал, что нам необходимо обрести некую новую гармонию в своей жизни. Ибсен в своей пьесе *Кукольный дом* показал, что если муж просто имеет свое дело, занимается работой и семьей, как это приличествует хорошему банкиру в девятнадцатом веке, и обращается со своей женой как с куклой, этот дом ждет крах. Сезанн выступал против искусственного и сентиментального искусства девятнадцатого века и показал, что искусство должно быть связано с правдивыми реалиями жизни, а красота больше связана с целостностью, нежели привлекательностью. Фрейд же отмечал, что если люди подавляют свои эмоции и пытаются действовать так, как если бы секс и гнев вообще не существовали, - все это приводит к тому, что они становятся невротиками. Им был создан новый метод воспроизведения глубинных, бессознательных, «иррациональных» уровней личности, которые до этого подавлялись, что должно было помочь человеку стать думающим - чувствующим - желающим.

Работы Ибсена, Сезанна и Фрейда оказались настолько выдающимися, что многие из нас уже начали полагать, что им выпала роль пророков для последующих поколений. И действительно вклад каждого - возможно, это и является самым важным в соответствующих различных областях. Но не были ли они в каком-то смысле скорее последними выдающимися людьми в то время, которое уже ушло, чем первыми в новом? Ведь они считали очевидными те ценности и цели, которые существовали на протяжении последних трех веков; и они, так же, как и методы, разработанные ими, которые были важными и неизменными, действовали сообразно целям своего времени. Им довелось жить еще до того, как наступил век пустоты.

К сожалению, теперь уже кажется, что истинными пророками в середине двадцатого века были Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше и Франц Кафка. Я говорю «к сожалению», так как это означает, что наша задача намного труднее. Каждый из них предвосхищал разрушение ценностей, что будет происходить в

наше время: одиночество, пустота и тревога, которые «накроют» нас в двадцатом веке. Каждый из них предвидел, что мы не сможем уже больше брать за основу те прежние цели. Мы будем часто обращаться к этим трем мыслителям в нашей книге не потому, что они действительно были мудрейшими людьми в истории, но потому, что каждый из них очень тонко чувствовал и предвосхищал те дилеммы, с которыми сталкивается сейчас всякий интеллигентный человек.

Так, например, Фридрих Ницше считал, что наука в конце девятнадцатого века становится производством, и он опасался, что огромные достижения человека в области технологий без параллельного развития этики и понимания человеком самого себя приведут к нигилизму. В своих пророчествах относительно того, что может произойти в двадцатом веке, он написал одну притчу о «смерти Бога». Эта запоминающаяся история об одном сумасшедшем, который вбегает на рыночную площадь с криками «Где же Бог?» Люди, окружающие его, не верили в Бога; они смеялись над ним и говорили, что возможно Бог отправился в путешествие или переселился. Тогда этот сумасшедший начал кричать «Так куда же подевался Бог?»

Куда скрылся Бог? Я скажу вам! Мы убили его - вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Разве у нас есть силы...?...Что содеяли мы, когда сняли цепь, соединяющую эту землю с солнцем? Куда же теперь она движется?... Не блуждаем ли мы снова в бесконечном ничто?... Может быть, нужно уже зажигать фонари среди дня? Разве мы не слышали шума - это могильщики готовят могилу Бога! Ведь и Богам не избежать тления! Бог умер! Бог умер навсегда! И убили его - мы!... .То самое светлое, самое могущественное, что было в мире, истекало кровью под нашими ногами - кто смоеет эту кровь с наших рук? ..какие священные игры нам придется измыслить? Не слишком ли велика для нас ноша этого великого деяния? Быть может, мы сами должны обратиться в богов, дабы оказаться достойными содеянного? Но они молчали, только глядели на него с удивлением. ...Это огромное событие еще где-то в пути, оно идет к нам - весть о нем еще не дошла до слуха людей... .деяниям

нужно время, даже после того как они свершились, - чтобы их можно было увидеть и услышать...⁷

Ницше не призывает возвращаться к конвенциональной вере в Бога, но он обращает внимание на то, что происходит, когда общество утрачивает свой центр ценностей. Прокатившиеся волны погромов, массовые убийства и тирания в середине двадцатого века, - все это свидетельствует об этом. Впереди нас ожидали ужасные события; когда той страшной ночью варвары совершили на нас нападение и были попораны гуманистические и иудео-христианские ценности нашего времени.

Выход, по словам Ницше, состоял в нахождении нового центра ценностей - что он определяет как «оценка» или «переоценка» всех ценностей. Он говорил о том, что «Переоценка всех ценностей и есть мой рецепт в деле окончательного самоанализа всего человечества».

Основная идея состояла в том, что те ценности и цели, которые представляли некий объединяющий центр в предыдущие века, в настоящее время уже больше не внушают доверия. Мы еще не нашли тот новый центр, который бы позволил нам конструктивно выбирать свои цели и, соответственно, преодолевать болезненную неопределенность и тревогу, когда мы не знаем, в каком направлении двигаться.

Утрата самоощущения

Другая причина нашей болезни связана с утратой ощущения целостности и ценности человека. Ницше предсказывал это, когда говорил о том, что человека засасывает группа, в которую он входит, и что мы живем по «законам рабов». Маркс также предупреждал об этом, указывая на «де-гуманизацию» современного человека, а Кафка показал в своих удивительных рассказах, как человек может в буквальном смысле утратить свою идентичность как отдельная личность. Но подобная утрата самоощущения не произошла в одночасье. Те из нас, кому довелось жить в 20-е годы, могут вспомнить о все возрастающей тенденции чрезмерно упрощенно и искусственно воспринимать свое Я. Тогда было принято считать, что «самовыражение» - это

⁷ Quoted from *Nietzsche*, by W. Kaufmann, Princeton Univ. Press, 1950, p. 15+¹*ibid.*, p. 89. (Ницше, Веселая наука, с. 376-377).

возможность делать все, что взбредет в голову, как если бы Я было синонимом какого-то случайного импульса, и как если бы любая прихоть могла лежать в основе всякого решения, в котором бы отражались как жизненные принципы человека, так и оно могло быть результатом «послеобеденной отрыжки». Быть «самим собой» тогда было поводом снизойти до уровня «наименьшего общего знаменателя» склонностей. «Познать самого себя» не считалось чем-то особенно трудным, и проблемы личности могли быть решены достаточно легко посредством лучшей «адаптации». Подобные точки зрения получили дальнейшее распространение в чрезмерно упрощенном направлении психологии, подобно бихевиоризму Джона Б. Уотсона. Тогда мы радовались тому, что на поведение ребенка, вызванное страхом, какими-то безотчетными поступками и иными проблемами, можно влиять посредством специальных техник, которые не очень отличались от того, когда при звоне колокольчика, напоминающего о приближении обеда, у собаки всякий раз начиналось слюноотделение. Такие достаточно поверхностные представления о ситуации человека также укреплялись верой в автоматический экономический прогресс - мы все будем становиться еще богаче и богаче, не прикладывая к этому слишком больших усилий или не испытывая особых страданий. Эти представления нашли окончательную поддержку в религиозном нравственном учении, которое расцвело пышным цветом в 20-е годы, никогда не выходящим за рамки воскресных школ, и в них больше ощущались течения Куэизма и Поллинизма⁸, нежели глубокие инсайты нравственных и религиозных лидеров в истории. Практически любой, кто написал хоть что-то на эту тему в то время, разделял подобное чрезмерно упрощенное мнение о человеке: Бертран Расселл (который, как мне кажется, придерживался бы другой точки зрения в наши дни) написал в 1920 году, что наука развивалась столь стремительно, что вскоре мы могли бы дать любое определение темпераменту человека - холерик или неуверенный, сильный или не очень сексуально при-

⁸ Куэизм (E. Coué, 1857—1926, франц. фармацевт) — метод самовнушения, основанный на многократном повторении большим словесных формулировок, по содержанию соответствующих ожидаемому терапевтическому эффекту (например, «с каждым днем мое состояние улучшается»). Принцип Поллинизма (также имеющий название Поллианизм или позитивные основы) описывает тенденцию у людей соглашаться с позитивными утверждениями. — *Примеч. пер.*

влекательный - только лишь через химические инъекции в тело. Подобный тип психологии, в основе которого лежит принцип нажатия определенных кнопок, нашел свое отражение в сатире Олдоса Хаксли в романе «О дивный новый мир».

И хотя казалось, что 20-е годы - это время, когда люди имели огромную веру в силу человека, в действительности, происходило нечто противоположное: они верили в различные техники и приспособления, а не человека. Чрезмерно упрощенное механистическое представление о личности означало отсутствие базовой веры в чувство собственного достоинства, сложность и свободу человека.

В течение двух десятилетий, начиная с 20 гг., уже стали открыто признавать неверие в силу и чувство собственного достоинства человека, поскольку было представлено достаточно много конкретных «доказательств» того, что отдельная личность неважна, а ее личностные выборы не имеют никакого значения. На пороге нарастающего милитаризма и экономических потрясений, не поддающихся контролю, подобно глубокой депрессии, у нас отмечалась тенденция к тому, чтобы ощущать себя все менее значительным, как личность. Я человека становилось все меньше и меньше и было лишено силы так же, как та песчинка в океане, отбрасываемая волной:

И мы идем вперед
Как и вращающееся колесо,
И от революции ничего невозможно утаить, -
Все взлеты и падения
В расчетах и ценовой политике.⁹

Таким образом, многие люди теперь находят благовидные внешние «оправдания» тому, что как личности они незначительны и слабы. Ведь как же можно действовать, вопрошают они, вопреки огромным экономическим, политическим и социальным движениям в наше время? Авторитарность в религии и науке, не говоря уже о политике, становится все более приемлемой не из-за того, в частности, что так много людей открыто верит в это, но потому, что они ощущают себя бессильными и полными

⁹ W.H. Auden, *The Age of Anxiety*, p. 45, New York, Random House. (Оден, *Век тревоги*)

тревоги, как личности. Так что же еще может сделать человек, по логике вещей, как не следовать какому-то политическому массовому лидеру (как это происходило в Европе) или же каким-то устоявшимся традициям, общественному мнению и социальным ожиданиям, как это происходило в этой стране?

Безусловно, при подобном «объяснении» забывается, что утрата веры в ценность человека отчасти является причиной этих массовых социальных и политических движений. Или же, если быть более точным, утрата своего Я, подъем массовых движений, - как мы уже отмечали, - все это является следствием тех же самых глубинных исторических изменений в нашем обществе. Таким образом, нам необходимо вести борьбу в обоих направлениях - противостоять тоталитаризму и иным тенденциям, направленным на дегуманизацию человека - с одной стороны, и восстановить собственный опыт и веру в ценности, чувство собственного достоинства человека, - с другой.

Потрясающая картина утраты собственного самоощущения в нашем обществе показана в небольшом романе *Посторонний* Альбера Камю. Эта история о французе, которого вряд ли можно назвать каким-то исключительным, - скорее, это такой «средний» современный человек. Переживая смерть своей матери, он ходит на работу, занимается какими-то обычными делами в своей жизни, имеет любовную связь и различный сексуальный опыт - и все это происходит без каких-то определенных решений или осознания с его стороны. Впоследствии он стреляет в человека и даже сам до конца не понимает, совершил ли этот выстрел случайно или в целях самообороны. Когда уже приказ приводится в исполнение в ходе судебного процесса по делу об убийстве - у него по-прежнему остается ужасающее ощущение нереальности происходящего, как если бы все то, что происходило с ним, вообще совершил не он. Эта книга стала настолько популярной, поскольку в ней нашли отражение та неопределенность и отсутствие ясности, которые являются фрустрирующим и вызывают шок, так же как это происходит и в романах Кафки. Действие как будто бы разворачивается в сновидении, когда человек на самом деле не имеет никакой связи с миром или чем бы то ни было, что он делает сам или происходит с ним. Это человек, которому не свойственны смелость или отчаяние, несмотря на внешне трагические события, поскольку он не осознает себя. И лишь в конце, ожидая приговор, перед ним, кажется, за-

брезжило хоть какое-то понимание, которое можно, наверное, выразить словами Джорджа Герберта

И то утлое суденышко, которое швыряет из стороны
в сторону, а его все несет и несет вперед
О, Боже мой, а ведь это же Я.

Очень похоже, но не совсем; здесь недостает самоощущения даже для того, чтобы вырваться. В этом романе можно увидеть ту ужасающую ситуацию современного человека, когда он, навязчиво возвращаясь к одним и тем же вещам, действительно является «посторонним» для самого себя.

В нашем современном обществе мы можем наблюдать и не столь драматичные, но достаточно распространенные случаи утраты ощущения собственной силы так, что мы обычно воспринимаем это как должное. Интересно, что радио программы в наше время завершаются следующими словами: «Спасибо за то, что вы были с нами». Если задуматься, подобные реплики могут показаться достаточно странными. Почему человек, который занимается чем-то интересным, который отдает что-то якобы ценное, должен выражать благодарность получателю за то, что он это берет? Получить одобрение - это одно, но благодарить получателя информации за то, что он снизошел до того, чтобы послушать и развлечься, - это нечто другое. Это означает, что определенному действию придается некая ценность или эти ценности отсутствуют, по прихоти потребителя, получателя - в нашем примере, его Величества, - потребителей, как раз и представляющих общественное мнение. Давайте представим, что Крайслер, исполнив концерт, благодарит аудиторию за то, что его слушали! В этом замечании радио ведущего можно провести некую параллель с придворным шутком, которому придется не только исполнять, но и в то же самое время умолять его Величество, наблюдающего за всем происходящим, снизойти до того, чтобы изумиться. И общеизвестно, что придворный шут оказывается в униженном положении, как человек.

Понятно, что это не критика в адрес дикторов радио, как таковых. Это замечание всего лишь иллюстрирует ситуацию, характерную для нашего общества, когда для столь многих людей значимость их действий определяется не самим действием, но тем, как это действие воспринимается другим. Это как если бы

человеку всегда приходилось откладывать на потом свои суждения, пока он не окинет взглядом аудиторию. Человек, который остается пассивным, - кому или для которого совершается это действие, - имеет возможность сделать это действие эффективным или неэффективным, нежели сам исполнитель. Таким образом, мы можем как раз видеть тенденцию к тому, чтобы быть исполнителем в жизни, нежели человеком, который живет и действует как отдельная личность.

Если мы рассмотрим сексуальную сферу, то это как если бы человек, осуществляя половой акт, умолял женщину «только, пожалуйста, испытай удовольствие» - и это, хотя зачастую и на бессознательном уровне, действительно очень часто можно наблюдать среди мужчин в нашем обществе, чем принято считать. Для того чтобы показать, как подобная позиция может выйти боком в межличностных отношениях, мы можем добавить к этому то, что если человека волнует, главным образом, удовлетворение женщины, тогда его полный отказ и активность не проявляются в отношениях, и во многих случаях это как раз и является причиной того, что женщина не испытывает полного удовлетворения. Вне зависимости от того, сколь изощренной может быть техника Жигало, что же сможет выбрать женщина в качестве замещения подлинной страсти? Сама сущность Жигало, его роль придворного шута заключается в том, что его сила и ценности коррелируют не с действием, но пассивностью.

Другим примером того, как происходит дезинтеграция самоощущения в наши дни, может быть юмор и смех. Как правило, люди даже не понимают того, насколько тесно чувство юмора человека связано с его самоощущением. По идее функция юмора должна состоять в сохранении своего самоощущения. Это показывает нашу уникальную человеческую способность ощущать себя субъектом, которого не засасывает какая-то объективная ситуация. Это здоровый способ ощущения «дистанции» между собственным Я и проблемой, возможность отойти в сторону и посмотреть на проблему со стороны. Человек не может смеяться, испытывая тревогу, поскольку в этот момент он всецело поглощен, он не способен делать разграничение между собой как субъектом и объективным миром вокруг него. Кроме того, до тех пор пока человек способен смеяться, он не находится полностью под гнетом тревоги или страха; поэтому, как это принято считать в фольклоре, быть способным смеяться в периоды опас-

ности есть признак смелости. В случаях пограничных психотиков до тех пор, пока человек способен к подлинному юмору - т.е. до тех пор, пока он может смеяться или взглянуть на себя со стороны, как сказал один человек: «Каким сумасшедшим я был!», - он сохраняет свою личностную идентичность. Когда любой из нас, будь то невротик или нет, начинает осознавать свои психологические проблемы, нашей спонтанной реакцией обычно является насмешка - как это обычно называют «прозрением» в момент инсайта. Юмор имеет место благодаря новому восприятию в самоощущении субъекта, действующего в объективном мире.

А теперь, рассмотрев ту функцию, которую обычно играет юмор для человека, давайте спросим, какое же преобладает отношение к юмору и смеху в нашем обществе? Больше всего поражает тот факт, что смех стал товаром потребления. Мы говорим о том, как что-то вызвало «смех» или же замечаем, что какой-то фильм или радио программа вызвали бурную реакцию смеха, и это может быть отражено в компьютерной и звукозаписывающей машине, как если бы смех представлял некое количество, как какой-нибудь десяток апельсинов или пуд яблок.

Конечно же, здесь можно привести и ряд исключений - работы Е.Б. Уайта являются тем редким примером, в которых показывается, как юмор может способствовать обретению у читателя чувства ценности и собственного достоинства как человека, а также убрать «пелену с его глаз», когда ему приходится решать вопросы, с которыми он сталкивается. Но в целом юмор и смех в наши дни означает «смеется» в количественной форме; и здесь можно отметить почтовую корреспонденцию, техники нажатия разных кнопок, как в случае, скажем, подготовки юмористов для радио. В действительности, понятие «хохма» здесь можно считать как раз подходящим: тот, кто «смеется», выполняет функцию «смешного газа» по очень меткому выражению Торштейна Веблена, чтобы показать потускнение и некое осознание, как раз то, что в действительности и делает газ. В таком случае смех - это скорее некий уход от тревоги и пустоты, действуя согласно «страусиной политике», нежели возможность придти к новой и более смелой перспективе при столкновении с каким-то трудностями. Подобный смех - зачастую так называемый «гомерический хохот» - может выполнять просто функцию высвобождения напряжения, как, например, в случае с алког-

лем или сексуальной стимуляцией; но опять же, подобно сексу или как в случае с принятием спиртных напитков, когда это применяется с целью ухода, тогда это приводит к тому, что человек впоследствии остается столь же одиноким и не имеющим связи с самим собой, как и прежде. Иногда смех, конечно же, является чем-то сродни мести. Это смех, связанный с какой-то одержанной победой, и красноречивым свидетельством этого является то, что смех не имеет отношения к улыбке. Таким образом, человек может смеяться, испытывая гнев или ярость. Мне часто казалось, что это как раз то, что можно было видеть на фотографиях Гитлера, где он должен был улыбаться: нечто неподобие гримасы, искажившей его лицо. Смех, который сродни мести, зачастую связан с тем, что человек скорее считает себя превосходящим других людей, нежели это говорит о каком-то новом шаге в обретении своего Я. Смех сродни мести, так же как и разновидность количественного смеха, выполняющего функцию «смешного газа», отражает юмор людей, которые в значительной степени утратили чувство собственного достоинства и собственную значимость как отдельные личности.

В действительности, утрата собственной значимости и ценности своего Я будет одним из серьезных блоков для некоторых читателей, препятствующих их продвижению вперед. Многие люди, как умудренные опытом, так и неопытные, не имеют четкого мнения по поводу того, насколько важным является повторное открытие своего Я. Они по-прежнему считают, что «быть собой» означает только то, что подразумевалось под «самовыражением» в 1920 г., и тогда они могут спросить (имея на то все основания, как они считают), «Быть собой - ведь это же незитично и скучно?» и «Выражает ли человек свое Я, исполняя Шопена?» Подобные вопросы сами по себе являются подтверждением того, насколько был утрачен глубинный смысл оставаться самим собой. Таким образом, многим людям в наши дни практически неведомо то, что Сократ своей максимой «познай самого себя» побуждал человека сделать самый трудный из всех возможных выборов. Равно как они практически не в состоянии понять того, что имел в виду Кьеркегор, воскликнув «В наивысшем смысле, пуститься в какое-то рискованное предприятие - это как раз начать осознавать себя...»

Утрата своего языка в личной коммуникации

Наряду с утратой самоощущения мы потеряли и язык, который позволяет нам доносить какие-то глубинные личностные смыслы друг другу. Это одна из важных составляющих одиночества, переживаемого людьми в Западном мире. Так, например, возьмем слово «любовь»; очевидно, самое важное слово для обозначения каких-то личных чувств. Используя это слово, человек, с которым вы ведете беседу, может подумать, что вы имеете в виду голливудскую любовь или какую-то сентиментальную эмоцию из популярной песни «Я люблю мою детку, моя детка любит меня» или религиозное сообщество или дружбу или сексуальный импульс или вообще, что бы то ни было. То же самое верно и в отношении практически любого другого важного слова в нетехнических областях - «правда», «целостность», «смелость», «дух», «свобода» и даже слово «я». У многих людей имеются различные собственные коннотации для таких слов, которые могут быть достаточно отличными от тех значений, которые им придает их сосед, и поэтому некоторые люди даже пытаются избегать того, чтобы использовать подобные слова.

Мы располагаем прекрасным словарем технических понятий, как отмечал Эрих Фромм; практически любой человек может дать ясное и точное определение отдельным частям автомобильного устройства. Но когда это касается значимых межличностных отношений, нашего языка оказывается недостаточно: мы спотыкаемся и настолько утрачиваем связь с самими собой, как глухие и немые люди, которые могут общаться только на языке знаков. Это сродни тому, о чем говорил Элиот, называя их «полыми людьми»

Наши засушенные голоса,
Если шепчемся,
Безотносительно голоса,
Как ветер в сухой конопле,
Как шаги крысят
По стеклянному бою в погребке, где ни капли¹⁰

Может показаться странным, но подобная утрата эффективности языка является симптомом определенных нарушений в

¹⁰ "The Hollow Men", in *Collected Poems*, New York, Harcourt, Brace and Co., 1934, p. 101. ("Полые люди", пер. Н. Берберовой)

данное время. Если проанализировать подъемы и спады в разные периоды времени, то можно увидеть, насколько сильную и важную роль играл язык в определенные периоды, например, греческий в 5 веке до рождества Христова, когда Эсхил и Софокл создали свои творения, ставшие классикой, или английский в эпоху королевы Елизаветы у Шекспира, когда был сделан перевод Библии Королем Джеймсом. В другие периоды времени язык был слабым, неопределенным и неубедительным, как, например, в эпоху Эллинизма, когда греческая культура была разрушена и повергнута в прах. Мне кажется, это можно было бы отразить в некоторых исследованиях, - по-видимому, вряд ли представляется возможным их сюда включить, - что когда культура переживает фазу роста в истории в направлении обретения некоей целостности, то язык отражает эту целостность и силу; и напротив, когда культура находится в процессе изменений, рассредоточения и дезинтеграции, то и язык также утрачивает свою силу.

«Когда мне было восемнадцать, и Германии было восемнадцать», сказал Гете, ссылаясь не только на тот факт, что идеалами его нации в то время было достижение некоего единства и силы, но что и язык, который являлся орудием его силы, как писателя, также находился в этой фазе. В наши дни изучение семантики, бесспорно, представляет определенную ценность и должно поощряться, но вопрос, вызывающий у нас некое замешательство, - почему нам приходится столько говорить о том, что означают слова, как только мы узнаем язык друг друга, и у нас остается мало времени или энергии для коммуникации.

Есть и другие формы личной коммуникации помимо слов: например, искусство и музыка. Изобразительное искусство и музыка - это слова чувствительных представителей в нашем обществе, позволяющие доносить глубинные личностные смыслы другим людям в обществе, равно как и в других обществах и в другие исторические периоды. И здесь опять же, в современном искусстве, как и в современной музыке, мы видим язык, который ничего не сообщает. Если большинство людей, даже интеллигентных, относятся к современному искусству, не зная эзотерической составляющей, они могут практически ничего не понять. Им были доступны самые разные стили - импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, абстракционизм, реалистическое изобразительное искусство, абстрактное искусство

до тех пор, пока Мондриан¹¹ не начал представлять свое идейное содержание в квадратах и прямоугольниках, а Джексон Поллок¹², некоторым образом *доводя до абсурда*, разбрасывал мазки практически в произвольной форме на больших досках и ставил на работе лишь дату по ее завершении. Безусловно, я не собираюсь здесь подвергать критике кого-то из этих авторов, работы которых я люблю. Но не означает ли это нечто очень важное относительно нашего общества, что талантливые художники могут общаться лишь посредством столь ограниченного языка?

Если вам доведется оказаться в Лиге Студентов Искусства в Нью Йорке, которая, возможно, является крупнейшей известной группой американских художников с позиций преподавательского состава и самой представительской организации студентов, - наиболее значительного корпуса студентов, - вы с удивлением обнаружите, что стены в классах практически во всех студиях окрашены в очень разных стилях, и каждые двадцать шагов вам придется эмоционально перестраиваться. В эпоху Ренессанса обычный человек мог смотреть на картины Рафаэля или Леонардо да Винчи или Микеланджело, и у него возникало ощущение, что эта картина может рассказать ему нечто про жизнь в целом и собственную внутреннюю жизнь, в частности. Но если неискушенному зрителю в наши дни доведется оказаться в галереях на 57 улице в Нью-Йорк Сити, и он увидит, скажем, выставки Пикассо, Дали и Марина, он может решить для себя, что получает информацию о чем-то важном, но, конечно же, подтвердит, что только Бог и художник знали, что это было на самом деле. Что касается его самого, то он, возможно, будет смущен, а может быть и несколько озадачен.

Ницше говорил, что человека можно узнать по его «стилю», т.е по какому-то уникальному «паттерну», который создает базо-

¹¹ Голландский художник Пит Мондриан (1872—1944) считается с - мым крупным представителем «геометрического течения» в абстрактном искусстве. Даже М. Сейфор находит, что он является «самым, прочным и вместе с тем самым голым утесом, на котором абстрактная живопись сегодняшнего и завтрашнего дня может найти опору». Еще в молодости, в первом десятилетии нашего века, Мондриан пишет о чувстве трагического, которое охватывает все, о том, что «в природе невозможно полное освобождение от чувства трагического». И его усилия сосредоточиваются на передаче средствами живописи этого процесса «трагического» в природе. - *Примеч.пер.*

¹² Пол Джексон Поллок (28 января 1912 - 11 августа 1956) - американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века. - *Примеч. пер.*

вое единство и придает отличительные черты его деятельности. То же самое отчасти верно и в отношении культуры. Но когда мы задаемся вопросом, что же такое «стиль» в наши дни, то выясняется, что нет такого стиля, который можно было назвать современным. Единственное, что есть общего между этими различными современными движениями в искусстве, начиная с великих произведений Сезанна и Ван Гога, - это то, что все они отчаянно пытаются прорваться сквозь фальшь и сентиментальность искусства девятнадцатого века. Осознанно или бессознательно, они стремятся что-то донести в своих работах, отталкиваясь от какой-то прочной реальности и выражая себя в этом мире. Но если не брать подобное отчаянное стремление к честности, что во многом напоминает Фрейда и Ибсена в соответствующих областях, то можно говорить лишь о попури стилей. Все же учитывая тот факт, что еще не было сделано разделения на современный период, как, скажем, это происходило в эпоху Ренессанса, по-прежнему верно то, что это попури отражает очевидную картину разъединенности, существующую в наше время. Картины, которые полны противоречий и пусты, равно как и очень многое в современном искусстве, соответственно, можно считать откровенным видением того, как это все происходит в наше время. Это как если бы каждый настоящий художник неистово пробовал разные языки, чтобы понять, который из них мог бы донести музыку формы и цвета людям. Но единого языка не существует. Мы можем видеть, что такие гиганты, как Пикассо, переходили в свое время от стиля к стилю, отчасти это было свидетельством изменения направления на протяжении последних четырех десятилетий в Западном обществе, а отчасти похоже на то, как человек, настраивающий радио в океане, тщетно пытается поймать ту волну, на которой он мог бы общаться со своими друзьями. Но художники, как и все остальные люди, продолжают испытывать духовную изоляцию и пребывать в прострации. Таким образом, мы скрываем свое одиночество, ведя пустые разговоры с другими людьми относительно тех вещей, применительно к которым у нас есть язык - ежегодные чемпионаты по бейсболу, деловые связи, последние новости. В нашем глубинном эмоциональном опыте происходит еще большее смещение, и мы, соответственно, становимся еще более пустыми и одинокими.

«В природе мы видим мало такого, что можно назвать своим»

Люди, утратившие чувство собственной идентичности как личности, также начинают утрачивать некое ощущение сопричастности с природой. Они лишаются не только своего опыта органической связи с неживой природой, например, с деревьями и горами, но также и некоей способности испытывать эмпатию к одушевленной природе, например, животным. В психотерапии люди, которые ощущают себя пустыми, зачастую достаточно четко осознают, какой главный ответ природы они могли бы получить, которого им недостает. И они могут с сожалением отмечать, видя, как другие люди испытывают волнение перед восходом солнца, что самих их это оставляет равнодушными; и, в то время, как другие могут находить океан чем-то величественным и внушающим страх, они сами, очутившись на скале на морском побережье, не испытывают ничего подобного.

Мы утрачиваем связи с природой не только из-за своей пустоты, но также и тревоги. Маленькая девочка приходит домой из школы после лекции, посвященной вопросам самообороны в случае атомной бомбы, и задает вопрос «мама, а мы не можем уехать куда-нибудь, где вообще нет неба?» К счастью, этот ужасающий, но показательный вопрос является в большей степени аллегорией, чем практикой, но он также символизирует и то, как тревога заставляет нас уходить от природы. Современный человек, столь страшящийся атомной бомбы, которую он сам же и создал, должен сжаться от страха неба и прятаться где-то в пещере; «сжаться от страха неба» - классический символ грандиозности, воображения и освобождения.

На более глубинном уровне в обыденной жизни здесь речь идет о том, что когда человек понимает, что он внутри пуст, как это происходит у многих современных людей, он относится к окружающей его природе как чему-то пустому, высохшему и мертвому. Два примера пустоты - это две стороны одного и того же состояния, когда связь с жизнью только ухудшается.

И теперь, если мы обратим свой взор назад и увидим, как ощущение связи с природой было когда-то чем-то очень важным, а потом исчезло, то мы сможем более отчетливо понять, что же это означает перестать чувствовать природу. Одной из основных характерных черт в эпоху Ренессанса в Европе было то, что люди испытывали все больший восторг перед приро-

дой - будь-то в отношении животных или деревьев или таких неодушевленных явлений, как звезды и оттенки разных цветов на небе. В эпоху раннего Ренессанса в картинах Джотто можно было видеть, как это новое чувство прекрасного проникало в жизнь. Если вам, смотрящему на стилизованные и жесткие формы природы в средневековом искусстве, неожиданно попадутся на глаза фрески Джотто, то вы будете очарованы теми прелестными овечками, хорошенькими собачками и бодрыми осликами, олицетворяющими собой жизненно важные составляющие человеческого опыта. Кроме того, у вас может вызвать удивление и то, что Джотто, в отличие от художников средневековья, изображает скалы и деревья как некие естественные формы; и сама эта красота восхищает не только символическим религиозным значением, но и тем, что в отличие от художников средневековья, Джотто изображает людей, испытывающих радость, сожаление, удовлетворение так, как если бы это были его *собственные* эмоции. Его картины говорят нам больше, чем какие бы то ни было слова о том, что когда человек ощущает себя как некую идентичность, которая активно *чувствует* свою связь с жизнью как отдельная личность, он также ощущает подлинную связь с животными и природой.

Новый взгляд на природу также нашел свое отражение в том восторженном отношении к человеческому телу, характерном для эпохи Ренессанса. Это проявлялось в самых разных формах: в той чувствительности, которой пронизаны сочинения Боккачо, в героически сильных и гармонических телах на картинах Микеланджело, а также в отношении к физическому, как одной из составляющих многогранного органического подхода к жизни в драмах Шекспира. Кроме того, это нашло отражение в новом увлечении областью научных исследований природы. Таким образом, одним из проявлений силы этих выдающихся личностей в эпоху Ренессанса - этих «всесторонне развитых мужчин» - была их способность глубоко чувствовать природу.

Но к девятнадцатому веку интерес к природе стал носить все более технический характер; и теперь уже вопросы, которые волновали человека, были связаны, главным образом, с *управлением и влиянием*. Мир «освободился от иллюзий», по образному выражению Пауля Тиллиха. Безусловно, этот процесс освобождения от иллюзий начался давно, еще в семнадцатом веке, когда Декарт говорил о необходимости разделения

тела и души, что объективный мир физической природы и тело (которое можно измерить и оценить) существенно отличаются от субъективного мира души человека и «внутреннего» опыта. Практический результат этой дихотомии был субъективным, что же касается «внутреннего» опыта, - «духовной» стороны в этой дихотомии, - то здесь отмечалась тенденция к тому, чтобы «положить его на полку», в то время как цели современного человека были направлены на достижение механических аспектов опыта, поддающихся измерению. Таким образом, к девятнадцатому веку природа преимущественно становилась безличной, как это происходило в науке, или же она была объектом, который поддается исчислению с целью накопления капитала, как географ, составляющий морскую карту, преследуя коммерческие цели.

Отмечая то, что чрезмерный акцент на вещах, которые поддаются исчислению и которыми можно управлять, был непосредственно связан с ростом промышленности и буржуазной коммерцией, мы вовсе не собираемся здесь подвергать критике механизацию и технический прогресс, как таковые. Скорее нам бы хотелось подчеркнуть тот исторический факт, что в этом процессе развития природу стали разделять с индивидуальной субъективной эмоциональной жизнью.

Где то в начале девятнадцатого века Уильям Вордсворт был одним из тех, кто отчетливо осознал, что чувства к природе утрачены, в то время как коммерциализации придавалось огромное значение, что отчасти и было причиной последовавшей за этим пустоты.

Господень мир, его мы всюду зрим,
И смерть придет, копи или расходуй.
А в нас так мало общего с природой,
В наш подлый век мы заняты иным.
Играет море с месяцем златым,
Порхает ветер, опьянен свободой,
Иль спит и копит мощь пред непогодой.
Что нам с того! Мы равнодушны к ним.
Мы для всего чужие. Боже правый,
Зачем я не в язычестве рожден!
Тогда, священной вскормленный дубравой,
Я видел бы веков минувших сон.

При мне б из волн вставал Протей лукавый,
При мне бы дул в крученный рог Тритон.

(Пер В.В. Левика)

Такие мифологические характеры, как Протей и Тритон, вряд ли возникали в творчестве Вордсворта в результате одного только поэтического вдохновения. Эти фигуры олицетворяют собой различные аспекты природы - Протей, божество, способное принимать разное положение и форму, является символом моря, постоянно меняющего свое направление и цвет. Тритон - это божество, главным атрибутом которого был горн в форме морской раковины, и его музыка эхом доносилась до тех, кто мог услышать ее в больших раковинах на побережье. Протей и Тритон как раз и являют собой примеры того, что было нами утрачено, а именно: способность видеть себя и свои настроения в природе, относиться к природе как богатой и разнообразной сфере нашего собственного опыта.

Дихотомия Декарта позволила современному человеку обрести некий философский базис, благодаря чему он перестал верить в ведьм, и это в значительной степени способствовало тому, чтобы в действительности победить колдовство в восемнадцатом веке. Вряд ли кто-то станет оспаривать то, что это было величайшим достижением. Таким же образом мы избавлялись и от фей, эльфов, троллей и прочих волшебных созданий, обитающих в лесах и на земле. Вообще это было принято считать неким движением вперед, поскольку помогало освободить сознание человека от «суеверий» и «магии». Но я так не считаю. На самом деле то, что мы сделали, избавившись от фей, эльфов и прочих подобных существ только обеднило нашу жизнь; и это не могло продолжаться долго, чтобы сознание человека было свободным от этих суеверий. Можно усмотреть «здоровое зерно» в известной притче о человеке, выметающем злой дух из своего дома, но дух, видя что дом остается чистым и ничем не занятым, возвращается, принося с собой уже в семь раз больше злых духов; и во втором случае человек чувствовал себя хуже, чем в первом. Ведь именно пустые и ничем не заполненные люди оказываются во власти новых и еще более деструктивных суеверий в наши дни, например, вера в тоталитарные мифы, энграммы, разные необычные явления, скажем, затмение солнца и т.д. Наш

мир избавился от иллюзий; и мы остались не только без какой бы то ни было связи с природой, но и с самими собой.

Будучи людьми, мы имеем связь с природой не только из-за того, что наши тела по химическому составу состоят, главным образом, из тех же самых элементов, что воздух, почва или трава. Есть огромное множество других способов, как мы соприкасаемся с природой. Так, например, ритмические циклы смены времен года или ночи и дня, находят отражение в ритмичности наших тел, чувстве голода и насыщении, сне и бодрствовании, сексуальном желании и удовлетворении и во многих других вещах. Протей может олицетворять собой изменения в море, поскольку он символизирует то, что у нас общего с морем - перемена настроений, изменения, неустойчивость и способность приспособляться. В этом отношении, когда мы устанавливаем связь с природой, мы всего лишь возвращаем свои корни в естественную почву.

Но в каких-то иных аспектах человек очень отличается от всей остальной природы. Он обладает способностью осознавать себя; его чувство личностной идентичности отделяет его от остальных представителей живого и неживого мира. Ведь природе нет никакого дела до личностной идентичности человека. Главное, что нас роднит с природой, как раз и является основной темой этой книги: потребность человека осознавать самого себя. Человек должен быть способен утвердить свою личность, невзирая на безличность природы, а также заполнить пустоту природы собственной внутренней энергией.

Должно быть сильное Я, - т.е. сильное чувство личностной идентичности, - чтобы иметь абсолютную связь с природой, не будучи поглощенным ей. Ведь, правда же, ощущать безмолвие и сталкиваться с неорганическими проявлениями природы - в этом таится серьезная опасность. Так, например, если человек, оказавшись на выступе скалы, увидит бушующее море, и если он в этот момент в полной мере и реалистично осознает, что у моря никогда «нет слез для ран других, равно как ему все равно, что думает другой», что и жизнь человека может быть также поглощена, и это вряд ли будет сильно отличаться от того огромного, непрерывного, химического движения всего сущего на земле, - он начинает испытывать угрозу. Или же если человек, отдавшись этому чувству удаленности, находясь на вершине горы, позволит себе «сопереживать» высотам и глубинам, и если

он в то же самое время осознает, что гора «никогда и никому не была другом и не обещала того, чего не может дать», и что от человека может ничего не остаться, если он рухнет с этой самой вершины, и тогда факт его исчезновения, как живого существа, у подножия горы будет уже совершенно неважным, - он начинает испытывать страх. Это сильнейшая угроза «ничтожности» или «небытия», которую испытывает человек, когда ему приходится посмотреть правде в глаза, что касается связи с неорганической природой и дабы напомнить себе «Прах еси и во прах вернешься», - что и должно принести ему полное успокоение.

В подобном отношении к природе таится слишком сильная тревога у большинства людей. Они пытаются избавиться от этой угрозы, отключая свое воображение, обращая свои мысли на практические и монотонные действия, например, меню сегодня на обед. Или же они защищаются от полной угрозы небытия сделав море «человеком», который не причинит им вреда или находя пристанище в некоей вере в личное Провидение и успокаивая себя «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Но бегство от тревоги или рационализация собственного пути выхода из нее лишь делает человека, в конечном счете, еще слабее.

Как мы уже отметили, творческое отношение к природе требует сильного самоощущения и достаточной смелости. Но утверждая собственную идентичность в неживой природе это, в свою очередь, делает Я еще сильнее. Однако, здесь мы зашли несколько вперед нашего повествования - то, как это происходит, мы будем рассматривать в последующих главах. Здесь же нам бы хотелось подчеркнуть лишь то, что утрата связи с природой очень тесно связана с утратой чувства собственного Я. *«В природе мы видим мало такого, что можно назвать своим»*, что характеризует многих современных людей и свидетельствует об ослаблении и истощении человека.

Утрата ощущения трагедии

И, наконец, о потере нами уверенности в ценности и высоком звании человека свидетельствует то, что мы утратили ощущение трагической значимости жизни человека. Ведь это ощущение трагедии является просто другой стороной веры человека в важность человеческой личности. Трагедия подразумевает

глубокое уважение к человеку и приверженность его правам и судьбе - в противном случае становится просто неважным, Орест или Лир, Вы или Я потерпим поражение или выстоим в нашей борьбе.

Артур Миллер в предисловии к своей пьесе *Смерть коммивояжера* дает небольшой и очень глубокий комментарий в отношении утраты трагедии в наши дни. Он пишет, что трагический герой - это тот, кто «готов положить свою жизнь, в случае необходимости, чтобы добиться лишь одного - чувства собственного достоинства». И «трагическое право является условием жизни, условием, при котором личность человека способна расцвести и реализовать себя». Эти условия можно было проследить в те периоды времени в Западной истории, когда были написаны великие трагедии. Достаточно вспомнить Грецию в пятом веке, когда Эсхилом и Софоклом были созданы мощнейшие трагедии об Эдипе, Агамемноне и Оресте или же Англию в период правления Елизаветы, когда Шекспир написал Лира, Гамлета и Макбета.

Но в наш век пустоты трагедии довольно редки. Или же если они и создаются, трагическим аспектом будет тот самый факт, что человеческая жизнь настолько пуста, как в драме Юджина О'Нила *Продавец льда*. Действие этой пьесы разворачивается в салоне, и драматические персонажи в ней - алкоголики, проститутки и главный герой, человек в состоянии психоза - могут смутно припомнить те периоды в своей жизни, когда они во что-то верили. Это эхо человеческого достоинства в том огромном вакууме пустоты, что позволяет этой драме выявить эмоции жалости и ужаса, характерные для классической трагедии.

Смерть коммивояжера Артура Миллера, пьеса, которую мы уже упоминали ранее, - одна из того небольшого числа подлинных трагедий обычных людей, - вовсе не алкоголиков или психотиков, - отражает социальную ситуацию в этой стране, в которой многие из нас оказались. (В телевизионной версии этой драмы Уилли Ломан, коммивояжер, к сожалению, представлен несколько патетично; те же, кому довелось посмотреть лишь фильм, могли увидеть Уилли в более широком контексте, чтобы оценить его подлинную трагическую роль). Это был человек, который серьезно относился к тем урокам, которые преподносились обществом, что успех подразумевает тяжелый изнурительный труд, что экономический прогресс - это реальность, и

что если человек имеет правильные достижения, связанные с «контактами», это и будет его средством спасения. Если пойти чуть дальше, достаточно просто распознать иллюзии Уилли и подтрунить над его нездоровыми амбициозными ценностями. Но дело не в этом. Единственное, что здесь существенно, - это то, что Уилли *поверил*; он серьезно относился к своей жизни и тому, чему его учили, а именно: что он мог по праву ожидать от жизни. «Я вовсе не хочу сказать, что он великий человек», - говорит его жена, рассказывая о его размолвке с сыновьями, «но он человек, и с ним происходит что-то ужасное. И это нельзя оставить без внимания». Трагедия не в том, что Уилли - человек столь грандиозный, как король Лир, или обладающий такими необыкновенными духовными качествами, как у Гамлета, - «он всего лишь судно, ищущее свою гавань», о чем и говорит его жена. Но в этом и состоит трагедия исторической эпохи - если число таких «Уилли» увеличивается на сотни тысяч отцов и братьев, которые также верили в то, чему их учили, но в переходные периоды поняли, что это не работает, - человек воспринимает это с сожалением и страхом, как и в прежнее время в трагедиях. «Он никогда не имел понятия, кто он», и это тот человек, который серьезно относится к своему праву знать.

Миллер пишет, что «трещина или раскол трагического характера - это действительно ничто - и не должно быть ничем - помимо его нежелания при этом оставаться пассивным перед тем, что он считает неким вызовом собственному достоинству, его представлению о надлежащем статусе. И лишь пассивные, лишь те, кто принимает свою судьбу без активных ответных ударов, являются «безупречными». Большинство из нас как раз можно отнести к этой категории». Далее Миллер отмечает, что качество в трагедии, которая потрясает нас, «исходит из лежащего в основе страха быть вытесненным, неизбежной катастрофы, когда человек разрывается между выбранным им имиджем и тем, кем он является в этом мире. Этот страх в наши дни столь же силен, а возможно и еще сильнее, чем когда бы то ни было».¹³

Вряд ли стоит считать, что мы отстаиваем некое пессимистическую точку зрения, скорбя об утрате подобного трагического ощущения. Напротив, как отмечает Миллер «Трагедия говорит об еще большем оптимизме автора, нежели комедия и ...ее окончательный результат должен укреплять самые яркие пред-

¹³ *Op.cit.*, Preface. (В цитируемом произведении, Предисловие)

ставления стороннего наблюдателя о человеческом существе». Ведь трагическое видение означает, что мы серьезно воспринимаем свободу человека и его потребность реализовать себя, и это подтверждает нашу веру в «неистребимое желание человека реализовать свою человеческую природу».

Знание природы человека, а также способность проникать в глубину бессознательных конфликтов человека, рассматриваемых в психотерапии, дают новые основания для веры в трагические аспекты жизни человека. Психотерапевт, наделенный привилегией быть интимным свидетелем разворачивающихся внутренних поединков отдельных лиц, а также зачастую тех серьезных и отчаянных битв, которые ведутся у них как с самими собой, так и внешними силами, что бросает вызов их чувству собственного достоинства, имеет возможность еще раз прислушаться к этим людям и увидеть в новом свете то, как человек обретает чувство собственного достоинства. Да и в своей обычной консультативной практике он неоднократно получает подтверждение того, что когда люди, по крайней мере, принимают тот факт, что они не могут успешно лгать самим себе, и, в конце концов, научаются относиться к себе серьезно, они обнаруживают доселе им неизвестные и зачастую значительные целительные силы в самих себе.

Итак, те причины болезни в наше время, о чем мы говорили в настоящей главе, - все это вряд ли может вселять какой-то оптимизм. Но это и не обязательно означает мрачный прогноз. Из позитивных моментов можно выделить то, что у нас нет выбора, но мы продвигаемся вперед. Мы похожи на людей, у которых происходит распад на отдельные части в процессе психоанализа, когда защиты и иллюзии разрушены, а и их единственный выбор - это устремиться к чему-то новому.

Мы - в данном случае под «мы» я подразумеваю любого из нас, вне зависимости от того, насколько он стар или молод, кто осознает ту историческую ситуацию, в которой нам довелось жить - не «потерянное» поколение 20-х годов. Определение «потерянное», применимое к тому периоду, когда имел место бунт подростков, последовавший после первой мировой войны, означало то, что кто-то временно находился вдали от дома и мог вернуться вновь, тогда как кто-то испытывал очень сильный страх, оказавшись один на один с самим собой. Но все же нас скорее можно отнести к поколению, которое не может повер-

нуть назад. В середине двадцатого века мы подобны пилотам, совершающим трансатлантический полет, которые уже прошли точку невозврата, у которых недостаточно горючего для того, чтобы вернуться, и нужно идти вперед, невзирая на шторм или другие опасности.

Тогда какая же задача стоит перед нами? Все это мы постарались изложить в вышеприведенном анализе, когда говорили о том, что нам необходимо вновь открыть источники силы и целостности в нас самих. Это, безусловно, неразрывно связано с нахождением и подтверждением ценностей в нас самих и в нашем обществе, которые будут являться ядром этого единства. Но нет ценности более важной, - говорим ли мы об отдельно взятом человеке или обществе, - чем способность оценивать, т.е. способности активно выбирать и подтверждать те ценности, которыми мы руководствуемся в жизни. Вот чему должен следовать человек, и тогда он сможет внести свой вклад в то, чтобы заложить основы нового конструктивного общества в это неспокойное время, точно так же, как на место разобщенности в Средние века пришла эпоха Ренессанса.

Как заметил однажды Уильям Джеймс, тем, кто хочет сделать мир более здоровым, лучше всего начать с самих себя. Мы можем пойти еще дальше и обратить внимание на то, что нахождение центра силы в нас самих, в конечном счете, и есть тот наилучший вклад, который мы способны внести. Говорят, что когда рыбак в Норвежском море попадает в водоворот, и его лодку уносит течением, он старается упредить ситуацию и пытается «вставить» весло в этот бурлящий водоворот; и если ему это удастся, водоворот стихает, и тогда он и его лодка оказываются в безопасности. Вот так и человек, имеющий внутренние силы, оказывает невероятный успокоительный эффект на окружающих его людей, испытывающих панику. Это как раз и есть то, что необходимо нашему обществу - не новые идеи и изобретения, которые важны сами по себе, и не гении и супермены, но люди, которые могут *быть*, т.е. люди, у которых имеется центр силы в них самих. И наша задача в этих главах будет состоять в том, чтобы постараться найти источники такой внутренней силы.

Часть 2

ЗАНОВО ОТКРЫВАЯ СЕБЯ

Глава 3

Опыт становления человеком

Для того, чтобы осуществить это «отчаянное предприятие, связанное с осознанием себя, а также найти источники внутренней силы и безопасности, которые будут вознаграждением за такое предприятие, давайте для начала поинтересуемся «Что есть человек, что представляет собой ощущение самости, к которому мы стремимся?»

Несколько лет назад один психолог нашел детеныша шимпанзе того же возраста, что и его крошечный сын. Чтобы провести эксперимент, - один из тех экспериментов, которые обычно проводят психологи, - он поместил вместе детеныша шимпанзе и человеческое существо. В течение первых нескольких месяцев они развивались приблизительно одинаково, вместе играли и демонстрировали очень незначительные различия. Но приблизительно через десять месяцев стали происходить изменения в развитии маленького человечка, и с тех пор уже отмечались существенные различия между ним и шимпанзе.

Это именно то, что и следовало ожидать. Можно выявить лишь незначительные различия между человеческим существом и детенышем млекопитающего в самом начале, когда это только плод в утробе, представляющий симбиотический союз с матерью, до того, как начинает биться его собственное сердце, и потом, когда он рождается, сам начинает дышать, и в течение первых месяцев жизни, когда он чувствует себя защищенным. Но где-то около двух лет у человеческого существа появляется наиболее существенное и важное образование в эволюции человека, а именно: его самоосознание. Он начинает осознавать себя как «Я». Будучи плодом в утробе, ребенок был частью «исходного мы» со своей матерью, и он продолжает быть частью психологического «мы» в раннем детстве. Но теперь маленький ребенок - впервые в жизни - начинает осознавать свою свободу. Как отмечал Грегори Бейтсон, он ощущает свою свободу в контексте отношений со своими матерью и отцом. Он ощущает себя как некую идентичность, отдельную от своих родителей, и который может сопротивляться им в случае необходимости. Это очень важное новообразование означает превращение человеческого животного в человека.

Самоосознание - уникальное отличительное свойство человека

Самоосознание, эта способность видеть себя как бы со стороны, является отличительной чертой человека. У одного моего друга есть собака, поджидающая его у двери в студию все утро и, когда кто-то подходит к двери, она спрыгивает и начинает лаять, показывая тем самым свое желание играть. Мой друг считает, что его собака, гавкая, пытается сказать: «Вот собака, которая прождала все утро в надежде, что хоть кто-то придет и поиграет с ней. Так это Вы?» Это красивая мысль, и все мы, любители собак, получаем удовлетворение, проецируя на себя такие удобные мысли. Но в действительности это как раз то, чего собака не может сказать. Она может показать, что ей бы хотелось поиграть и завлечь вас, чтобы вы подбросили ей мяч, но собака не может посмотреть на себя со стороны как на собаку, выполняющую все эти действия. Она не наделена способностью самосознания.

И поскольку это означает, что собака также не может испытывать невротическую тревогу и чувства вины, эти сомнительные блага человеческого существа, некоторые люди предпочитают говорить о том, что собака не *мучается* самоосознанием. Уолт Уитмэн, вторя этой мысли, завидует животным:

Я думаю, я мог бы жить с животными...

Они не скорбят, не жалуется на свой злополучный удел,

Они не плачут бессонными ночами о своих грехах.

Но в действительности самоосознание человека является отражением его высочайших качеств. Это еще раз указывает на его способность разделять собственное Я и мир вокруг. Это позволяет ему следовать по верному пути, что является просто способностью выходить за пределы настоящей ситуации и представлять себя вчера или в будущем, послезавтра. Таким образом, человеческие существа могут чему-то научиться, исходя из своего прошлого опыта и планируя будущее. И так сложилось исторически, что человек - это млекопитающее, способное выйти за пределы настоящего и проанализировать какую-то ситуацию; таким образом, он может влиять на собственное развитие, как отдельной личности, и в меньшей степени - на ход истории своего народа и общества в целом. Способность к са-

моосознанию также лежит в основе способности человека использовать символы, что представляет собой некий способ выделения из того, что имеется; например, выделить два звука, из которых состоит слово «стол» и прийти к выводу, что эти звуки относятся к целому классу понятий. Таким образом, человек может мыслить абстракциями, например, «красота», «причина» и «великодушие».

Такая способность к самоосознанию позволяет нам увидеть себя так, как другие видят нас, и испытывать эмпатию к другим. Это еще раз говорит о нашей исключительной способности представить себя в каком-то другом месте, где мы окажемся в реальности на следующей неделе, и потом уже в воображении обдумать и спланировать свои дальнейшие действия. Это и позволяет нам представить себя на месте другого и спросить, что бы он на его месте чувствовал и делал. Неважно, насколько плохо мы используем или вообще не используем или же пренебрегаем этими способностями, они представляют рудименты нашей способности возлюбить ближнего своего, этической чувствительности, видеть правду, создавать красоту, посвящать себя идеалам и умереть за них, если это потребуется.

Чтобы реализовать этот потенциал, необходимо стать личностью. Именно это и имеется в виду в иудео-христианской религиозной традиции, когда говорится о том, что человек сотворен по образу и подобию Бога.

Но эти дары доступны по высокой цене, и их цена: тревога и внутренние кризисы. Рождение Я - вопрос не простой, и его не так легко решить. Ведь теперь ребенку придется столкнуться с пугающей перспективой, когда ему нужно стать самостоятельным, действуя одному и без абсолютной поддержки его решений со стороны родителей. Неудивительно, что когда он начинает воспринимать себя как отдельную личность, он может ощущать себя крайне беспомощным в сравнении с могущественными и сильными взрослыми, окружающими его. Так одной девушке, которая как раз пыталась стать независимой от своей матери, приснилось такое яркое сновидение: «Я очутилась в маленькой лодке, привязанной к большой лодке. Мы оказались в океане, и нас, с обеих сторон, накрыло огромной волной. Я так и не поняла, была ли маленькая лодка все еще привязана к большой лодке».

Здоровый ребенок, который чувствует себя любимым и ощущает поддержку, но не избалован своими родителями, будет развиваться, несмотря на тревогу и кризисы, с которыми он сталкивается. И мы не увидим здесь каких-то особых признаков травмы или явного непослушания. Но когда родители осознанно или бессознательно эксплуатируют его в каких-то личных целях или ради собственного удовольствия или же ненавидят или отвергают его, так что он уже не может быть уверен хотя бы в минимальной поддержке, пробуя какие-то новые способы обретения независимости, ребенок будет цепляться за родителей и использовать свою способность к независимости лишь в форме негативизма и упрямства. И если, когда он делает первые робкие попытки сказать «нет», его родители начинают действовать скорее с позиции силы, нежели демонстрируя ребенку свою любовь и как-то подбадривая его, то впоследствии его «нет» будет не проявлением подлинной независимости, но всего лишь сопротивлением.

Или же, как это часто случается в наши дни, сами родители испытывают тревогу и неопределенность среди тех бурных изменений, когда они не уверены в самих себе и сомневаются сами, тогда их тревога переносится и на ребенка, и все это приводит к тому, что у ребенка возникает ощущение, что он живет в мире, в котором опасно предпринимать что-то для того, чтобы стать самим собой.

Безусловно, подобные небольшие наблюдения можно считать лишь схематичными и подразумевается, что именно они должны предоставить нам, как взрослым, некую ретроспективу, позволяющие нам лучше понять, как человек терпит поражение в обретении своего Я. Многие из этих конфликтов - родом из детства - отсылают нас к тем взрослым, которые все еще ведут борьбу, в воспоминаниях или уже в нынешних отношениях, чтобы преодолеть то, что изначально в их прошлой жизни представляло блок для того, чтобы произошло их полное рождение как личностей. Практически каждый взрослый, в той или иной степени, по-прежнему ведет борьбу в этом долгом путешествии, связанном с обретением личности, беря за основу те паттерны, которые были представлены в его раннем опыте в семье.

Равно как мы не можем не принимать во внимание тот факт, что личность всегда рождается в социальном контексте. Если говорить о генезисе, то здесь Оден совершенно прав:

.. Ибо эго - лишь мечта до той поры
Пока ближнему не понадобится создать его и дать ему имя.¹⁴

Или же, как мы уже отмечали выше, личность всегда рождается и развивается в межличностных отношениях. Но «эго» не переходит в ответственную личность, если оно отражает, главным образом, социальный окружающий контекст. И именно в нашем мире, когда конформность является сильнейшим разрушителем личности, - в нашем обществе, в котором соответствие «паттерну» становится все более некоей нормой, а «быть принятым», получить так называемый билет, как средство спасения, - здесь необходимо подчеркнуть не только всем известный факт, что мы в какой-то степени создаем друг друга, но также и нашу способность переживать определенный опыт и создавать самих себя.

Я как раз изучал все эти процессы, когда один интерн рассказал мне в своей психоаналитической сессии одно сновидение, которое, в сущности, может перекликаться со сновидением любого человека, находящегося в кризисе, что связано с личностным ростом. Этот молодой человек первоначально обратился за психоаналитической помощью, будучи студентом медицинского института, из-за приступов тревоги, которые были настолько сильными и продолжительными, что он вообще находился на грани и хотел бросить институт. Его проблемы были обусловлены, главным образом, очень сильной связью с матерью, крайне нестабильной, но сильной и доминирующей женщиной. Успешно завершив обучение в институте, он стал подающим надежды молодым специалистом и собирался номинироваться на очень ответственный пост в больнице в следующем году. За день до того, как ему приснилось это сновидение, он получил письмо из больницы от руководства, в котором сообщалось о том, что он получил это место, и выражалась признательность за отличную работу в качестве интерна. Но вместо того чтобы радоваться, у него был приступ тревоги. Вот как он сам описывал это сновидение:

Я ехал на велосипеде в свой родительский дом, где провел детство, и где жили мои мать с отцом. Место казалось замечательным. Когда я вошел туда, то почувствовал себя свободным

¹⁴ W.H. Auden, *The Age of Anxiety*, New York, Random House. (Оден, *Век тр - воги*)

и сильным, как я ощущаю себя в своей реальной жизни сейчас, работая врачом, и чего не было, когда я был мальчиком. Но мать и отец не узнали меня. Я боялся выразить свою независимость из страха быть выгнанным из дома. Я чувствовал себя совершенно одиноким и в полной изоляции, как если бы оказался на Северном полюсе, и вокруг не было ни души - лишь только снег и лед на тысячи миль вокруг. Я обошел дом, и в разных комнатах там были таблички с надписями «Вытирайте ноги» и «Мойте руки».

Тревога, испытанная им после того, как ему предложили желаемую должность, свидетельствует о том, что в этой должности или в ответственности, которую она за собой влечет, было нечто, сильно пугающее его.

И это сновидение рассказывает нам почему. Если он сам ответственный и независимый человек - в отличие от того мальчика, «цепляющегося за мамкину юбку», - то будет ощущать себя в изоляции, оторванным от семьи и одиноким. Интересные символы, такие как «вытирайте ноги», как бы подчеркивают то, что этот дом скорее похож на военный лагерь, а вовсе не дом, в котором царит любовь.

Естественно, реальный вопрос, который задает себе этот молодой человек, - почему ему вообще приснилось, что он поехал домой. Зачем ему нужно было вернуться к матери и отцу и в тот дом, который он представлял себе как внешне красивый в своем сновидении, когда ему пришлось задуматься о своей ответственности? К этому вопросу мы еще вернемся. Сейчас же давайте лишь подчеркнем то, как становление человеком, идентичность как таковая, представляют естественное развитие, которое начинается в детском возрасте и переходит во взрослую жизнь, независимо от того, сколько человеку может быть лет; и кризис, следующий за этим, может вызвать огромную тревогу. Неудивительно, что многие люди стараются подавить этот конфликт и всю жизнь пытаются бежать от своей тревоги!

Что же это значит «переживание своего Я как отдельного Я»? Переживание собственной идентичности - одно из тех основных положений, в соответствии с которым мы все начинаем свой путь как психологические существа. Этому нельзя дать некое логическое обоснование, поскольку самоосознание как раз и является исходной предпосылкой этого процесса. Здесь всегда будет некий элемент тайны, - что касается осознания человеком

своего бытия, - и тайна состоит в том, что проблема простирается гораздо шире. Ведь такое осознание и является предпосылкой исследования своего Я. Иными словами, даже когда человек только задумывается над проблемой собственной идентичности как отдельного Я, это означает, что он уже находится в процессе самоосознания.

Некоторые психологи и философы относятся с недоверием к концепции Я. Они спорят по этому поводу, потому что не принимают идеи выделения человека из континуума животного мира и считают, что концепция «Я» «переходит в разряд научного эксперимента. Но отказываясь от концепции «Я» как «ненаучной», поскольку ее нельзя свести до математических величин, мы подходим, грубо говоря, к тому же самому; к тем же самым спорам, которые велись два или три десятилетия тому назад, о том, что теории Фрейда и концепция «бессознательной» мотивации были «ненаучными». Этой науке, в основе которой лежат догмы, приходится держать оборону, и, соответственно, ее нельзя назвать истинной наукой, в которой бы использовался определенный научный метод, как Прокрустово ложе, и которой отклоняются все формы человеческого опыта, не соответствующие этому. Вне всякого сомнения, тот континуум, который существует между человеком и животными, следует воспринимать определенно и реалистично; но человеку не стоит прибегать к необоснованным выводам, что тогда и нет никакого разделения между человеком и животным миром.

Нам не нужно доказывать существование Я как отдельного «объекта». Необходимо лишь показать, как у человека возникает способность соотносить себя с другими существами. Я выполняет организующую функцию у индивида, и это та функция, благодаря которой человек может вступать в отношения с другими. Это предшествовало, но не было целью нашей науки; это предопределено тем фактом, что человек может стать ученым.

Человеческий опыт всегда выходит за пределы определенных методов понимания его в какой-то конкретный момент, и лучший способ понять идентичность человека как отдельного Я - это рассмотреть собственный опыт. Так, например, давайте представим, что происходит во внутреннем мире какого-нибудь психолога или философа, которые пишут работу, отрицая концепцию самоосознания. Он пишет эту работу в течение нескольких недель и, конечно же, уже много раз представлял себе,

что когда-нибудь она «увидит свет». Так, скажем, еще до того, как в действительности приступить к написанию этой работы и впоследствии, когда он уже сидел за своим столом в процессе работы, он периодически представлял в своих фантазиях, что его коллеги могут сказать по поводу этой работы, выскажет ли Профессор такой-то свое одобрение, скажут ли другие коллеги «До чего же это здорово!», а другие могут подумать, что это глупо, ну и так далее. И всякий раз, при возникновении подобной мысли, он будет рассматривать себя как отдельную личность с той же долей определенности, как он отнесется к кому-то из коллег, переходящих дорогу. Каждая его мысль в ходе споров по поводу самоосознания подтверждает это самое осознание себя.

Осознание своей личности как Я, безусловно, вряд ли стоит относить к интеллектуальной сфере. Французский философ Декарт, на пороге новой эры три века тому назад, залез в печь, согласно легенде, дабы провести один день в одиночестве и размышлениях, пытаясь отыскать главный принцип человеческого существования. Вечером, выйдя из печи, он изрек свою знаменитую фразу: «Я думаю, следовательно я существую». Иными словами, это означает, что я существую как Я, т.е. существо, способное думать. Но этого оказывается недостаточно. Мы с вами никогда не думаем о себе, как о некоей отвлеченной идее. Скорее мы рисуем себе картину того, как что-то делаем, подобно психологу в процессе написания своей работы, и лишь потом, в своем воображении, мы представляем те чувства, которые у нас возникнут, когда в действительности будем это осуществлять. Иными словами, мы ощущаем себя как думающие - интуитивные - чувствующие и действующие существа. Таким образом, Я - это не просто сумма различных «ролей», которые человек исполняет, - это способность, благодаря которой человек *знает*, что он исполняет эти роли; это центр, из которого человек видит и осознает эти так называемые различные «стороны» самого себя.

После всех этих, возможно, довольно высокопарных фраз давайте вспомним, что помимо всего прочего опыт собственной идентичности или становления человеком - это самый простой опыт в жизни, несмотря на то, что одновременно он и наиболее глубокий. Каждый из нас знает, что если мы, поддразнивая маленького ребенка, назовем его не тем именем, это вызовет у него бурю эмоций, и он будет негодовать. Это как если бы вы, посту-

пая таким образом, забирали у него его идентичность - самое ценное, что есть у него. В Ветхом Завете было сказано «Пусть они будут уничтожены из книги жизни, и они не могут быть записаны с праведным», дабы уничтожить их идентичность, как если бы они вообще никогда не существовали - и это еще более сильная угроза, нежели физическая смерть.

Две маленькие девочки-близнецы могут быть очень яркой иллюстрацией того, насколько важно ребенку ощущать себя как отдельная личность. Эти маленькие девочки хорошо дружили между собой, и особенно это было возможным потому, что они дополняли друг друга. Одна была экстравертом и всегда в центре внимания общественности, в то время как другая любила оставаться одна, рисовать цветными карандашами и сочинять короткие стишки. Родители близнецов, как правило, одевают их одинаково, и эти родители не были исключением, собирая своих девочек на прогулку. Когда им исполнилось около трех с половиной лет, та маленькая девочка, которая была экстравертом, стала выражать желание всякий раз надеть какое-нибудь другое платье, не такое, как у ее сестры. Если она одевалась после своей сестры, она даже могла, если это было нужно, надеть старое и не столь красивое платье, лишь бы оно не было таким же, как у ее сестры. Или же если сестра одевалась после нее, когда им нужно было куда-то пойти, она умоляла ее, иногда даже плакала, не надевать такое же платье. Родители были несколько озадачены, поскольку больше ребенок никак не проявлял тревогу. И, наконец, они решили поинтересоваться у маленькой девочки: «Когда вы идете по улице, тебе нравится, что люди обращают на вас внимание и говорят «Посмотрите на этих замечательных близняшек?»» И маленькая девочка тотчас же ответила: «Нет, мне хочется им сказать «Посмотрите на этих двух разных людей!»»

Подобный спонтанный ответ, очевидно, вскрыл нечто очень важное для маленькой девочки, что нельзя объяснить, утверждая лишь то, что ребенок хотел внимания; поскольку она смогла бы получать больше внимания, если бы одевалась, как близнец. Скорее это показывает ее потребность быть отдельной личностью, иметь собственную идентичность - потребность, которая гораздо важнее для нее, даже чем внимание или престиж.

Эта маленькая девочка говорила о цели каждого человека - стать личностью. Любое живое существо имеет одну и только одну главную потребность в жизни - реализовать свой собствен-

ный потенциал. Желудь становится дубом, щенок вырастает и становится собакой и имеет теплые и лояльные отношения с людьми, которые являются его хозяевами, что устраивает собаку; и это все, что требуется от дуба и собаки. Но перед человеческим существом в реализации своей природы стоит гораздо более сложная задача, поскольку он должен сделать это осознанно. Иными словами, его развитие никогда не будет автоматическим, но в какой-то степени он должен сам выбирать и подтверждать его. Как писал Джон Стюарт Милл «Из всего того, что делает человек, какую жизнь человека можно считать полностью реализованной, если говорить о созидании и достижении красоты, когда первостепенную важность, вне всякого сомнения, имеет сам человек... Природа человека - это не машина, которую можно построить по шаблону и в точности воспроизвести какую-то определенную модель, но дерево, требующее роста и развития само по себе, со всех сторон, сообразно его внутренним силам, делающим его живым». В этом потрясающем высказывании Джон Стюарт Милл, к сожалению, упустил самое важное, «эти внутренние силы», делающие человека живым существом, а именно: то, что человек не развивается сам по себе, как дерево, но реализует свой потенциал, поскольку только он сам может планировать и выбирать, осознавая при этом свои действия.

К счастью этот длительный и затяжной период младенчества и детства в жизни человека - в отличие от якоря, брошенного на землю, который уже остается на одном месте, или щенка, которому приходится самому защищать себя уже через несколько недель - подготавливает человека к этой непростой задаче. Он способен получить некие знания и обрести внутреннюю силу, поскольку должен начинать делать собственный выбор и принимать решения, и у него есть для этого все возможности.

Кроме того, человек должен делать свой выбор как отдельная личность, так как индивидуальность является одним из аспектов самоосознания. Мы сможем увидеть это совершенно отчетливо, когда поймем, что самоосознание - это всегда уникальное действие; я никогда не могу точно знать, как вы воспринимаете себя, и вы никогда точно не знаете, как я отношусь к себе. Это некое внутреннее убежище, где каждый человек должен остаться один наедине с самим собой. Этот факт во многом объясняет трагедию и изоляцию в жизни человека, которой невозможно избежать, но это опять же означает то, что нам необходимо об-

рести силу в самих себе, чтобы мы могли находиться в своем собственном внутреннем убежище как отдельная личность. И поскольку наши союзы с друзьями не создаются автоматически, этот факт означает то, что мы должны научиться любить друг друга через собственные обязательства.

Любой организм, если он оказывается неспособным реализовать свои потенциальные возможности, заболевает, так же как если вы никогда не будете ходить, у вас просто отсохнут ноги. Но сила ваших ног - это не все, что вы потеряете. Поступление крови, биение сердца - весь ваш организм будет ослаблен. И по аналогии с этим, если человек не реализует свой потенциал, как личность, он становится в той же мере ограниченным и больным. В этом и есть суть невроза - неостребованный личностный потенциал, блокированный враждебными условиями в окружении (ранее или в настоящее время), а также собственными интериоризованными конфликтами, которые проникли внутрь и послужили причиной заболевания. Как сказал Уильям Блейк «Энергия - вечный восторг. А тот, кто желает и не действует, тот плодит чуму».

Так, перед Кафкой стояла непростая задача изобразить людей, которые не используют свой потенциал и, соответственно, утрачивают свое чувство бытия как люди. У главных героев в *Процессе* и *Замке* нет имени - к ним обращаются с заглавной буквой, безмолвным символом, и там отсутствует какая бы то ни было идентичность. В *Превращении*, шокирующей и пугающей аллегории, Кафка показывает то, что происходит, когда человек лишается своего потенциала. Главный герой в этой новелле - это типичный молодой человек, который живет достаточно пустой рутинной, бессодержательной жизнью коммивояжера, регулярно приходя каждый вечер в свою добропорядочную семью, съедая тот же самый ростбиф каждое воскресенье, в то время как его отец засыпает прямо за столом. Кафка говорит о том, что жизнь этого молодого человека была настолько пустой, что однажды утром он проснулся уже не человеком, а тараканом. И это все потому, что он не реализовал свое человеческое предназначение и лишился своих потенциальных возможностей, присущих человеку. Таракан, как вши, крысы и хищники, живет за счет других существ. Это паразит, и, по мнению большинства людей, - символ всего непонятного и отталкивающего. Стоит ли искать какой-то еще более яркий символ, указывающий на то,

что происходит, когда человек оставляет свою надежду реализоваться как личность?

Но в тех случаях, когда нам удастся реализовать свой личностный потенциал, мы испытываем глубочайшую радость, на которую только способен человек. Когда маленький ребенок только учится делать свои первые шаги или поднимать коробку, он будет пытаться вновь и вновь, вставая всякий раз после падения и начиная все сначала. И, наконец, успешно справившись с чем-либо, он хохочет от удовольствия, тем самым выражая радость от осознания своей силы. Но это ничто в сравнении с той радостью, когда подросток впервые может воспользоваться своими новыми возможностями и завязать дружбу или же радостью взрослого, когда он способен любить, планировать и создавать. Радость - это то чувство, которое мы испытываем, используя свои возможности. Скорее радость, а не счастье, есть цель жизни, поскольку радость - это эмоция, которую мы переживаем, реализуя свою человеческую природу. Она связана с опытом переживания собственной идентичности человека, имеющего чувство собственного достоинства, который способен подтвердить свое существование, в случае необходимости, находясь среди других существ, равно как и во всем неорганическом мире. Эту возможность, в идеальном выражении, можно показать на примере жизни Сократа, который был настолько уверен в себе и собственных ценностях, что мог относиться к своей жизни, будучи приговоренным к смерти, не ища защиты и компромиссов, но стремясь к более полной реализации. Но мы вовсе не хотим сказать, что подобную радость способны испытывать лишь героические и выдающиеся личности; в той же мере, в качественном выражении, ее можно проследить в поступке любого существа, вне зависимости от того, насколько он известен или нет, что является честным и ответственным проявлением его возможностей.

Презрение к самому себе, суррогат самоуважения

Но здесь нам следует остановиться и прояснить два момента. Некоторые читатели могут подумать, что такое акцентирование необходимости и ценности самоосознания приведет к тому, что люди будут «проявлять слишком сильное беспокойство» по поводу самих себя. Первый момент - это возможность того, что

приводит человека к «чрезмерной интроспективности», а второй - человека начинает переполнять гордость за самого себя. Люди, которых волнует как раз второе, могут негодовать «Разве нам не говорят о том, что мы не должны быть слишком высоко-го мнения о себе? И разве не считалось всегда, что когда человек гордится собой - это и есть корень всех зол в наше время?»

Давайте остановимся сначала на последнем. Несомненно, не следует быть слишком высокого мнения о себе, а мужественное смирение говорит о зрелости человека и его реалистичных взглядах на жизнь. Но если человек ставит себя слишком высоко, в смысле собственной инфляции и самомнения, это не связано с более глубоким самоосознанием или возросшим чувством самоуважения. В действительности, это как раз идет от обратного. Собственная инфляция и самомнение, - это, как правило, внешние признаки внутренней пустоты и сомнений в самом себе; демонстрация того, что человек преисполнен чувством собственного самоуважения, - одно из наиболее распространенных прикрытий тревоги. В 20-е годы, когда царила всем известная «золотая лихорадка», одной из основных характерных черт людей была гордыня, но теперь нам известно, что именно в этот период повсеместно отмечалась подавленная тревога. Человек, который ощущает себя слабым, становится агрессором; человек, стоящий ниже по рангу - склонен к бахвальству; сильные мышцы, бесконечная болтовня, самоуверенность, стремление держаться развязно - все это симптомы скрытой тревоги у отдельно взятого человека или группы лиц. Проявления невероятной гордыни можно увидеть и в фашизме, и это известно каждому, кому довелось видеть распятого Муссолини и психопата Гитлера; но к фашистам примыкают как раз те люди, которые ощущают внутри пустоту, тревогу и отчаяние; так, они пытаются ухватиться за обещания людей, страдающих манией величия.

Если еще более углубляться в этот вопрос, многие из этих аргументов в наши дни, связанных с чувством гордости за себя, а также разного рода наставления по поводу мнимого самопожертвования, связаны с несколько иной мотивацией, чем смирение или смело противостоять той ситуации, в которой оказался человек. Так, например, многие из этих аргументов вскрывают достаточно сильное презрение к себе. Как писал Олдос Хаксли, «Поскольку все мы больше всего печалимся и убиваем соб-

ственную жизнь, в которой нам приходится жить самим с собой». К счастью, здесь сразу же можно отметить, что это обобщение, очевидно, будет не совсем верным; эмпирически это не будет подтверждением того, что самые мрачные и страшные часы, которые пережил Спиноза, - это те часы, которые он провел наедине с самим собой; или Торо или Эйнштейн или Иисус или многие другие люди, которые не были знамениты, но которым удалось, как отмечал Кьеркегор, прийти к самоосознанию. На самом деле, я действительно сомневаюсь в том, будет ли замечание Хаксли верным, как таковое, или Рейнольда Нибура или других людей, которые с такой самоуверенностью и упорством обнаруживают пороки человека, который пытается как-то самоутвердиться. Ведь в наши дни действительно очень легко получить внимание аудитории, если человек выступает против самомнения и гордыни, так как большинство людей ощущает себя настолько пустыми и убеждены в том, что они все равно не представляют никакой ценности, что с легкостью принимают правоту того, кто их порицает.

Это подводит нас к наиболее важному моменту из всего того, что было сказано выше, относительно понимания динамики самобичевания, столь частого явления в наше время, а именно: *обличать самого себя - это самый простой путь получить некое замещение ощущения собственной ценности*. Люди, которые практически, но еще не до конца, утратили ощущение ценности, как правило, испытывают очень сильную потребность обличать себя, поскольку это самый проверенный способ притупить сильную боль, связанную с ощущением ничтожности и испытанным унижением. Как если бы человек говорил себе «Ведь я, наверное, что-то представляю из себя, если заслуживаю столь сильное презрение» или же «Посмотрите, какой я важный: у меня такие высокие идеалы, и мне настолько стыдно за себя, что я не оправдываю ожиданий. Однажды один психоаналитик многозначительно заметил, что когда некто в процессе психоанализа долгое время ругает себя за какие-то мелкие прегрешения, он как будто спрашивает у вас «Ну и какой же я по-вашему?» Очень часто человек, склонный к самобичеванию, пытается продемонстрировать собственную значимость, что даже Бог решил наказать его.

Таким образом, самобичевание во многом говорит о высокомерии. Те люди, которые считают, что они преодолели свою гор-

дость, презирая себя, могли бы поразмыслить над изречением Спинозы «Никто так не склонен к презрению, как человек, преисполненный гордости к самому себе». В древних Афинах, когда политик, пытаясь получить голоса у рабочего класса, появился перед ними очень скромно одетый в каком-то истрепанном пальто с зияющими дырами, Сократ, желая сорвать с него маску лицемерия, воскликнул: «Каждая дырка на твоём пальто говорит о твоём тщеславии».

И в наше время подобный механизм презрения к самому себе можно наблюдать на примере психологических депрессий. Так, например, ребенок который чувствует, что он нелюбим своими родителями, может, как правило, говорить самому себе: «Если бы я был другим, если бы я не был плохим, то они бы любили меня». Таким образом, он избегает того, чтобы посмотреть правде в глаза, и испытать ужас от осознания того, что нелюбим. И со взрослыми все обстоит таким же образом: если они могут осуждать себя, тогда им не нужно испытывать боль, связанную с собственной изоляцией или пустотой и тем фактом, что они нелюбимы, и тогда уже не возникает сомнений относительно их значимости как личности. Ведь они всегда могут сказать «Если бы не тот или иной грех или плохая привычка, то меня бы любили».

В наш век полых людей, когда во главу угла ставится презрение к самому себе, в этом есть нечто сродни тому, когда хлестают большую лошадь: это позволяет испытать временный подъем, но, в конечном счете, приближает наступление коллапса, если говорить о чувстве собственного достоинства человека. Замещение самооценки, когда человек говорит о себе с презрением, позволяет человеку избегать того, чтобы открыто и честно соприкоснуться со своими проблемами изоляции и бесполезности, и способствует скорее псевдо-смирению, нежели честному смирению того, кто стремится реалистично посмотреть на свою ситуацию и конструктивно сделать все от него зависящее. Кроме того, замещение, когда человек говорит о себе с презрением, позволяет человеку рационализировать собственную ненависть и, таким образом, еще больше усиливает его тенденцию ненавидеть самого себя. И поскольку в отношении человека к другим, как правило, можно усмотреть некую параллель с тем, как он относится к самому себе, некие скрытые тенденции ненавидеть других также рационализируются и усиливаются. И здесь всего

лишь один шаг от ощущения бесполезности своего я, до ненависти к самому себе и ненависти к другим.

В тех кругах, где презрение к самому себе считается чем-то само собой разумеющимся, безусловно, никогда не объясняется, почему человек оказывается столь дурно воспитан и невнимателен, чтобы навязывать свое общество другим, если он себя считает таким скучным и лишенным жизненной энергии. И кроме того, множество самых разных противоречий так никогда и не находят адекватного объяснения в той доктрине, согласно которой нам следует ненавидеть себя, свое Я и любить всех прочих, конечно же, ожидая при этом, что они будут любить нас, этих презренных созданий, коими мы являемся; или же чем больше мы презираем себя, тем больше мы любим Бога, совершившего ошибку в тот роковой момент, создавая Я, это ничтожное творение из всех.

Однако, к счастью, нам уже больше не приходится оспаривать то, что любовь к самому себе не только необходима и позитивна, но и то, что она является необходимым условием любви к другим. В своем глубоком анализе *Эгоизм и любовь к себе* Эрих Фромм доходчиво показал, что эгоизм и чрезмерная озабоченность самим собой, в действительности, уходят корнями в ненависть к самому себе, глубоко сокрытую внутри. Он обращает внимание на то, что любовь к самому себе не только не то же самое, что эгоизм, но на самом деле нечто, *противоположное* этому. Иными словами, человек который ощущает себе бесполезным внутри, - это такой человек, который должен произвести внутреннюю настройку в себе посредством эгоистического возвеличивания. Тот же человек, который умеет воспринимать себя как нечто ценное, кто любит самого себя, имеет все необходимые предпосылки к тому, чтобы поступать великодушно по отношению к своему ближнему.

К счастью, это также можно проследить и в более глубокой религиозной перспективе, когда существующие сильное осуждение и презрение к себе в наше время являются результатом каких-то определенных проблем. Высокомерное представление Кальвина о личности было непосредственно связано с тем фактом, что люди ощущали себя настолько незначительными в тот период развития индустрии в обществе. А уж презрительное отношение к себе в двадцатом веке берет свое начало не только в кальвинизме, но также связано и с нашим недугом, - пусто-

той. Таким образом, все более презрительное отношение человека к себе вряд ли может отражать непреходящие иудейско-христианские традиции. Наиболее убедительно это показал Кьеркегор:

Итак, если кто-то так и не научился у христианства любить себя должным образом, тогда он не сможет полюбить и ближнего своего... Любить себя так, как это должно быть, и возлюбить ближнего своего - все это очень близкие понятия, в сущности, одно и то же... Поэтому, закон гласит «Возлюби ближнего своего, как самого себя, когда ты любишь его, как самого себя».¹⁵

Самоосознание не есть интроверсия

Но здесь у читателя может возникнуть иное возражение, о чем мы уже говорили выше, - «А не нужно ли нам попытаться забыть о себе? Не приводит ли самоосознание к тому, что человек становится напряжен, социально скован и пребывает в замешательстве?» Кто-то здесь, конечно же, сразу вспомнит всем известную стоножку, которая оказалась в затруднительном положении, потому что слишком много «думала о том, которая из ног будет следовать дальше, а потому так и осталась лежать в канаве, не понимая, что происходит вокруг». Очевидно, ход рассуждений стоножки таков «Посмотрите, что произойдет с вами, если вы будете слишком много думать о том, что вы делаете».

Прежде чем давать ответ на эти вопросы, нам следует отметить, что, к сожалению, самоосознание в этой стране связывают с болезненной интроспекцией, застенчивостью и смущением. Само собой разумеется, последнее, чего бы любому человеку хотелось в этом мире - это быть неловким. Но наш язык заигрывает с нами. Немецкий язык в этом отношении более точен: слово самоосознание также означает «уверенный в себе», как и следовало быть.

Пример, который мы приведем ниже, внесет некоторую ясность; то, о чем мы говорим, является лишь чем-то противоположным смущению, застенчивости и болезненной интроверсии. Один молодой человек, несмотря на то, что он был очень умным и производил впечатление очень успешного человека, обратился в терапию в связи с тем, что его спонтанность была почти полностью блокирована. Он не мог никого любить и не получал

¹⁵ *A Kierkegaard Anthology*. Robert Bretall, ed. Princeton, 1946, p. 289. *Ант - логия Кьеркегора*, Роберт Бретолл, изд. Принстон, 1946.

истинной радости от человеческого общения. Эти проблемы сопровождались значительной тревогой и последующей депрессией. Он всегда имел привычку отстраняться и смотреть на себя со стороны, никогда не давая воли своим чувствам, до тех пор, пока подобная забота о себе не стала уже причинять ему невероятную боль. Слушая музыку, его настолько беспокоило, насколько хорошо он слушает, что он вообще ничего не слышал. Даже занимаясь любовью это происходило так, как если бы он находился где-то вовне, наблюдая за собой и спрашивая себя «А как я это делаю?» Как и можно предположить, из-за этого у него возникали разного рода препятствия. В самом начале терапии, узнав о том, что ему придется в большей степени начать осознавать все происходящее с ним, он опасался, что станет еще более «застенчивым», и число проблем от этого, соответственно, только возрастет.

Он был единственным ребенком тревожных родителей, которые слишком опекали его. Так, например, они никогда и ни с кем не могли его оставить на ночь, чтобы самим пойти отдохнуть, из-за боязни оставить его одного. Несмотря на то, что родители придерживались якобы «либеральных» и «рациональных» взглядов в воспитании сына, он никогда не мог вспомнить за все время своего детства, чтобы когда-нибудь что-то обсуждал с ними. Родители хвастались перед родственниками его достижениями в школе, делали вырезки из тетрадей, свидетельствующие о его успехах, и были преисполнены гордости от того, что его заслуги оказались значительнее, чем у двоюродных братьев. Но при этом они редко выражали именно ему подлинное восхищение. Таким образом, еще ребенком он не мог развить у себя чувство собственного достоинства, не завися при этом от других, а использовал в качестве замещения чрезмерное беспокойство по поводу похвалы, которую он получал, по крайней мере косвенно, завоевывая медали в школе. К этому можно добавить то, что будучи подростком он оказался в гитлеровской Германии, где ему постоянно указывали на его очевидную бесполезность, как еврея. Таким образом, то, что он держался на расстоянии и постоянно смотрел на себя, как на взрослого, было сродни тому, что он продолжал делать вырезки из журналов, рассматривая и оценивая себя, пытаясь доказать себе, что нацисты были неправы, и пытаясь получить реальное одобрение себя как человека, от своих родителей. Безусловно, данный случай можно считать достаточно упрощенным. Нам бы хотелось лишь показать то,

что болезненное самоосознание этого человека, а также его неспособность к спонтанности и проявлению искренности, были связаны, главным образом, с недостатком знаний о самом себе, а именно: *отсутствием опыта, когда он был действующим Я*. Быть лишь «наблюдателем» своего я, относиться к своему я, как к объекту - значит быть посторонним для своего я.

Всем известный случай со стоножкой, как правило, представляет некую рационализацию, к которой прибегают те, кто не хочет проходить через сложный процесс роста самоосознания. Кроме того, здесь много неточностей. Так, например, чем меньше вы знаете о том, как водить машину или о ситуации на дороге, тем большее напряжение испытываете, и тем более тогда вам нужно рассчитывать на себя. Но с другой стороны, чем более опытни вы, как водитель, и чем больше вам известно о проблемах на дороге, и что следует предпринимать в экстренных случаях, тем более вы можете позволить себе расслабиться, находясь в машине, ощущая свою силу. Вы осознаете то, что это вы ведете машину; иными словами, вы контролируете ситуацию. На самом деле, самоосознание расширяет контроль за нашей жизнью, а за этими расширенными возможностями следует способность давать волю своим чувствам. И это действительно так, несмотря на кажущийся парадокс, что чем более человек осознает себя, тем более спонтанным и креативным он может быть в одно и то же время.

Несомненно, совет забыть свое детское Я, инфантильное Я, - это хороший совет. Но он редко может нам что-то дать. Кроме того, человек действительно в каком-то смысле забывает себя в творческой деятельности, как это мы увидим в следующей главе. Но сначала мы должны рассмотреть сложный вопрос, как человек приходит к тому, чтобы начать осознавать себя.

Ощущение своего тела и чувства

В процессе, связанном с самоосознанием, многим людям необходимо вернуться и начать с самого начала, а также заново открыть свои чувства. Удивительно, как много людей имеет лишь общее представление о том, что они чувствуют - они говорят вам, что чувствуют себя «прекрасно» или «паршиво», с той же долей неопределенности, как если бы произносили «Китай находится где-то на Востоке». Они испытывают столь же отда-

ленную связь с собственными чувствами, как если бы это был междугородний разговор по телефону.

Они не выражают своих чувств прямо, но лишь высказывают какие-то суждения по поводу этих чувств; их не затрагивают какие-то сильные чувства; их эмоции не приводят ни к каким действиям. Как показал Элиот в своем стихотворении «Полые люди», они ощущают себя как

Бесформенный контур, бесцветный контур,
Парализация силы и неподвижность жеста...
(Пер. Н. Берберовой)

В психотерапии, когда такие люди оказываются неспособны к переживанию своих чувств, им зачастую приходится учиться чувствовать, отвечая на этот вопрос изо дня в день, а именно: Так что же я сейчас чувствую? Наиболее важно не то, сколько этих чувств человек испытывает, и мы, безусловно, вовсе не собираемся говорить о необходимости играть; скорее это сентиментальность, но не сантименты; аффектация, но не аффекты. И важным, скорее, здесь будет тот опыт, что это «Я», действующее, кто испытывает эти чувства. Он испытывает их прямо и непосредственно; человек переживает эмоции на всех уровнях своего Я. И тогда у него возникают более яркие чувства.

И вместо чувств, которые ограничивают его, подобно сигналам горна, зрелый человек становится способен дифференцировать чувства на самые разные нюансы, сильные и яркие эмоции, или же изящные и тонкие, как в различных музыкальных пассажах в симфонии.

Это также означает, что нам необходимо по-новому начать осознавать свое тело. У ребенка первый опыт, связанный с обретением личностной идентичности, отчасти идет через осознание своего тела. По мнению Гарднера Мерфи «Мы можем назвать тело, - как его ощущает младенец, - первым ядром личности». Ребенок без конца трогает свою ногу и потом, в результате, он приобретает некий опыт, что «Вот моя нога; Я ощущаю ее, и она принадлежит мне».¹⁶ Сексуальные чувства становятся особенно важными, поскольку это самые первые чувства, которые ребенок может непосредственно соотносить с самим собой. При

¹⁶ Culture and Personality, eds. Sargent and Smith, p. 19. Культура и личность, изд. Аргент и Смит)

стимулировании сексуальных зон в игре или через одежду закладываются рудиментарные основы опыта, связанного с ощущением своего Я. К сожалению, сексуальные чувства, а также все то, что связано с приучением к туалету, долгое время было табуировано в нашем обществе, и ребенку давалось понять, что подобные чувства «дурные». Поскольку такие чувства отчасти представляют некую возможность самоидентификации, табу, безусловно, будет означать «Ваше представление о себе как о чем-то нечистоплотном». Конечно же, это одна из тех важных составляющих, лежащих в основе презрительного отношения человека к себе в нашем обществе.

Способность осознавать свое тело имеет огромное значение на протяжении всей жизни человека. Любопытным является тот факт, что большинство взрослых настолько теряют способность к осознанию, что если вы их спросите, они не смогут вам сказать, что они ощущают в ноге или щиколотке или среднем пальце или какой-то иной части тела. В нашем обществе есть лишь несколько категорий людей, способных осознавать разные части своего тела: это, как правило, пациенты с пограничным шизофреническим расстройством и вторая категория - это люди, практикующие йогу или иные восточные практики. Большинство людей действуют по принципу «Пусть рука или нога чувствует все, что угодно, а я должен идти на работу». Так, подавляя свое тело на протяжении нескольких веков, когда оно стало безжизненной машиной, подчиненной целям современной промышленности, люди гордятся тем, что они не обращают внимания на свое тело. Они рассматривают его, как объект для манипуляций, как если бы это был некий автомобиль, которым нужно управлять до тех пор, пока у него не кончится горючее. Все, что их беспокоит, как та мысль, которая посещает их каждую неделю, столь же поверхностная, что и телефонный звонок своему родственнику: поинтересоваться, как у него дела, но при этом никоим образом не воспринимая его ответ всерьез. И тогда природа «вступает в свои права», если говорить метафорически, и «посылает» человеку простуду или более серьезные заболевания, как если бы она говорила «Так когда же ты научишься слушать свое тело?»

Обезличенное, отстраненное отношение к своему телу можно также увидеть в том, как большинство людей, как только они физически заболевают, начинает реагировать на болезнь. Они говорят в пассиве «Я заболел», представляя свое тело как объ-

ект, точно так же как они могут сказать «*Меня сбила машина*». Тогда они лишь пожмут плечами, а свою ответственность будут видеть только в том, чтобы лечь в кровать и передать себя целиком и полностью в руки докторов и новейших магических медицинских препаратов. Таким образом, они используют научный прогресс в качестве рационализации собственной пассивности: они знают, как микробы или вирусы или аллергии атакуют тело, и им также хорошо известно, как пенициллин или какая-то вакцина или иной препарат вылечит их. Подобное отношение к болезни - это не отношение человека, наделенного самоосознанием, который относится к своему телу как части самого себя, но отношение человека, который ощущает себя раздираемым на части и способен выражать лишь свое пассивное отношение, например, в следующей фразе «Пневмококк сразил меня, а пенициллин - вернул к жизни».

Безусловно, здесь необходимо руководствоваться здравым смыслом, чтобы оказать помощь своему Я, опираясь на предоставленную научную базу, но нет никакой причины отказываться от полной власти над собственным телом.

Когда человек отказывается от своей автономии, он становится незащищенным перед разного рода психосоматическими заболеваниями. Многие нарушения, связанные с функциями тела, начинающиеся с таких простых вещей, как неправильное хождение или неверные позы или дыхание, обусловлены тем, что люди ходили всю свою жизнь так, - если взять какую-то одну простую иллюстрацию, - как если бы они были машинами и никогда не испытывали каких-либо ощущений в ступнях или ногах или других участках тела. Так, например, коррекция двигательной активности зачастую требует, чтобы человек научился вновь ощущать, что происходит, когда он ходит. В процессе лечения психосоматических заболеваний или хронических болезней, например, туберкулез, важно научиться «прислушиваться к своему телу», принимая решения, когда следует работать, а когда отдыхать. Удивительно, сколько намеков, ориентиров и интуитивных ощущений появляется у чувствительного человека, имеющего уши для того, чтобы слышать: что говорит его тело. Для того, чтобы быть настроенным на ответы, которые посылает ваше тело, равно как и собственные чувства в эмоциональных отношениях с миром и людьми вокруг вас, необходимо

следовать в направлении здоровья, хотя периодически могут и происходить сбои.

Люди не только отделяют свое тело от своего Я, используя его в качестве инструмента для работы, но сходным образом они отделают его своего Я, стремясь получать удовольствия. С телом обращаются как с неким механизмом, позволяющим получать удовольствия, из которых можно отметить определенные гастрономические удовольствия и сексуальные чувства, если с ним грамотно обращаются, подобно тому, как человек настраивает телевизор. Отстраненное отношение к сексу, на что мы уже обращали внимание в предыдущей части, связано именно с этой тенденцией отделять тело от всего остального Я. В статье Кинси говорится о сексуальном партнере, как сексуальном «объекте», и многие люди мыслят в том же направлении, скорее в категориях «мои сексуальные потребности требуют определенного выхода», нежели «Я хочу и выбираю сексуальные отношения с этим конкретным человеком». Тенденция отделять сексуальную активность от любой другой активности Я, что ни для кого не секрет, может находить объяснение, с одной стороны, в пуританском отношении. Но люди пока еще не так хорошо осознают то, что распушенность, нечто, противоположное пуританству, совершает ту же самую ошибку, а именно: отделение секса от своего Я.

Мы можем лишь предложить и одобрить, чтобы тело воссоединилось с Я. Это означает, как я уже предположил, восстановление активного осознания своего тела и подразумевает *ощущение* своего тела - получать удовольствие от еды или отдыха или возбуждения от усиления мышц или удовлетворения сексуальных импульсов и страсти - как аспектов действующего Я. Это не такая позиция, что «Мое *тело* чувствует», но «я чувствую». В сексуальных отношениях это переживание сексуального желания и страсти, как один из аспектов межличностных отношений. В действительности, отделение секса от всего прочего, что составляет нашу личность, не более обоснованно, чем отделить гортань и говорить о том, что «мои связки хотели бы поговорить с моим другом».

Кроме того, нам бы хотелось предложить поместить свое Я в центр общей картины телесного здоровья: это «я», которое заболевает или выздоравливает. Мы бы хотели услышать скорее *активный*, а не *пассивный* голос в заболевании; вышедшее из

употребления выражение «я *зачах*» будет здесь наиболее точным. К счастью, по крайней мере при одном заболевании точно, в описании процесса выздоровления используется активный залог - пациенты, больные туберкулезом, говорят «я *вылечился*» в том или ином санатории. В данном случае мы можем предложить рассматривать болезнь - будь-то физическая или психологическая - не как нечто, периодически происходящее с телом (или с «личностью» или «душой»), но как естественный способ перевоспитания всей личности.

Так, в одном письме, которое написал больной туберкулезом своему другу, показывается, как болезнь привела к перевоспитанию человека. «Эта болезнь случилась не просто потому, что я слишком много работал или где-то подцепил туберкулезную палочку, но потому, что я пытался быть тем, кем я не был. Я жил как «явный экстраверт», стремясь поспеть и здесь и там, работая на трех работах и оставляя неразвитой и неиспользованной ту часть моего Я, которая могла бы скорее размышлять, читать, думать и «приглашать мою душу», чем постоянно куда-то бежать и работать на полную катушку. Заболевание наступает как требование и возможность обнаружить вновь утраченные функции своего Я. Это как если бы через заболевание природа говорила нам: «Ты должен обрести целостность. До тех пор, пока ты этого не сделаешь, ты будешь болен; и ты сможешь выздороветь только тогда, когда станешь самим собой». К этому нам остается добавить лишь то, что существуют реальные клинические факты, свидетельствующие о том, что люди, которые рассматривают свою болезнь как возможность восстановления личности, становятся более здоровыми как психологически, так и физически, и больше реализуются как личности после серьезного заболевания.

Подобный опыт заболевания и выздоровления поможет нам преодолеть дихотомию между телом и душой, которая оказывается столь мучительной для современного человека. Когда человек смотрит на различные заболевания с позиции своего Я, он видит, что физические, психологические и духовные (используя новейшие определения для обозначения отчаяния и ощущения бессмысленности в жизни) болезни - все это составляющие одних и тех же трудностей, с которыми сталкивается Я, пытаюсь обрести себя в своем мире. Так, например, хорошо известно, что различные заболевания могут выполнять взаимозаменяе-

мые цели для человека. Физическая болезнь может освободить от психологических трудностей, некоторым образом фокусируя «блуждающую» тревогу - тогда у человека появляется нечто конкретное, о чем он может беспокоиться, и это значительно менее травматично, чем неопределенная «блуждающая» тревога; или она может дать необходимую отсрочку от ответственности тем, кто не научился брать на себя ответственность, как зрелый человек. И очень часто человек, схватив простуду или столкнувшись с более серьезным заболеванием, «освобождается» от чувств вины, вне зависимости от того, насколько неконструктивным может быть такой метод. Таким образом, поскольку научный прогресс помог нам справиться с такими заболеваниями, как дифтерия, туберкулез и иные заболевания - то, чего можно было только желать - *не помогая* людям преодолеть свою тревогу, чувство вины, пустоту и бесцельность, заболевание лишь загоняется в какое-то новое русло. Это может звучать как неосторожное заявление, но в принципе я считаю это верным. Борьба против болезни, которая ведется на разрозненных участках, подобна сражению Геркулеса против семиглавой Гидры - всякий раз, когда он отрубал ей голову, на том же самом месте тотчас вырастала новая. В битве за здоровье можно одержать победу лишь на более глубинном уровне, через интеграцию всей личности. Безусловно, это не преумаляет огромную ценность новых медицинских открытий, и здесь нужно подчеркнуть то, что нам необходимо и дальше следовать по пути прогресса и стремиться быть здоровыми; кроме того, помимо нахождения средств борьбы с микробами, бактериями и внешними организмами, поражающими тело, также постараться изыскать способы помочь самим себе и другим людям с тем, чтобы как-то упрочить свое существование в этом мире, и чтобы не нужно было уходить в болезнь.

Осознание своих чувств подготавливает почву для второго шага: знание того, что человек *хочет*. Это может казаться очень простым на первый взгляд - кто же не знает, чего он хочет? Но как мы уже отмечали в первой главе, удивительно, насколько мало людей, которые в действительности это знают. Если честно посмотреть на себя со стороны, не выяснится ли, что большая часть из того, что он хочет - всего лишь рутинная. Например, рыбалка в пятницу; или же его желания ограничиваются тем, что бы ему *следовало* хотеть - предположим, быть успешным на ра-

боте; или же он хочет, положим, научиться тому, чтобы возлюбить ближнего своего? Зачастую человек может точно видеть, как проявляются эти желания у детей, прямо и открыто, прежде чем их научат прибегать к обману. Ребенок говорит «Я люблю мороженое, я *хочу* монетку», и в этом нет никакой путаницы, что касается того, кто и чего хочет. Такие непосредственные желания зачастую можно сравнить с глотком свежего воздуха на этой мрачной земле. Возможно, именно в этот момент ему не нужна та самая монета, но обязанность родителей, очевидно, как раз и состоит в том, чтобы сказать «да» или «нет», если ребенок еще недостаточно зрел для того, чтобы самому принимать решения. Но только пусть родители не учат ребенка искажать свои эмоции, пытаясь убедить его в том, что он не хочет эту монету!

Осознание своих чувств и желаний вовсе не означает беспорядочное их выражение, какими бы они ни были. Выносить суждения и принимать решения, как мы увидим позднее, - это способность любой зрелой личности. Но как человек может судить, что он будет делать, а чего нет, до тех пор пока он сначала не узнает, чего же он *хочет*? Для подростка осознание того, что у него возникает эротическое влечение к лицу противоположного пола, сидящего напротив него в трамвае, или же к собственной матери, вовсе не означает, что он будет действовать согласно этим импульсам. Но предположим, что он никогда не позволит этим импульсам достичь порога осознания, потому что они не являются социально одобряемыми? Как же он сможет узнать по прошествии многих лет, когда уже будет женат, вступает ли он в сексуальные отношения со своей женой, потому что правда этого хочет или же потому, что это является одобряемым и «ожидаемым» актом, некой рутинной?

Люди, которые с осторожностью относятся к тому предположению, что до тех пор пока желания и эмоции будут подавляться, они будут постоянно давать о себе знать в том или ином направлении, и их так и будут переполнять сексуальные желания к собственной матери или жене лучшего друга, имеют в виду *невротические* эмоции. На самом деле, известно и то, что именно те эмоции и желания, которые ранее подавлялись, впоследствии возвращаются и приобретают характер навязчивости. Человеку-гироскопу в Викторианскую эпоху приходилось ригидно контролировать свои эмоции, поскольку заперев их в

тюрьме, он превращал их в то, что приводило к правонарушению. Но чем более интегрирован человек, тем менее компульсивными становятся его эмоции. У зрелого человека чувства и желания имеют *конфигурацию*. Возьмем простой пример и рассмотрим обед, как часть некоей постановки на сцене, когда человек не хочет есть, когда он пришел посмотреть постановку, а не есть. Или же слушая певицу на концерте, человеком не овладевает сексуальное желание, даже если она может быть очень привлекательной; конфигурация устанавливается тем фактом, что человек принимает решение придти и послушать музыку. Безусловно, как мы уже отмечали в данной книге, никому из нас - в тот или иной момент времени - не удастся полностью избежать конфликтов. Но это все же несколько иное, чем быть компульсивно одержимым эмоциями.

Любой прямой и непосредственный опыт, связанный с ощущениями и желаниями, является уникальным и спонтанным. Иными словами, хотеть и желать отражают исключительно какую-то конкретную ситуацию в какое-то конкретное время и в конкретном месте. Спонтанность означает способность непосредственного реагирования на ситуацию в целом - или же, оперируя техническим языком, реагировать на «конфигурацию схема-причина». Спонтанность - это активное «Я» которое становится частью «схемы-причины». Задний фон всегда является неотъемлемой частью хорошего портрета; таким образом, действия зрелого человека являются неотъемлемой частью его Я в отношении мира вокруг. Итак, спонтанность является чем-то существенно отличным от разного рода волнений или эгоцентричности или же позволения себе выражать свои чувства вне зависимости от окружения. Спонтанность, скорее, - это действующее «Я», реагирующее на определенное окружение в какой-то конкретный момент времени. Именно в этом свете можно понимать оригинальность и уникальность, которые всегда сопутствуют спонтанному чувству. И поскольку точно такая же ситуация никогда не происходила ранее и никогда не будет ее повторения, поэтому чувство, возникшее у человека в тот момент, будет новым и никогда в точности не повторится. И лишь невротичное поведение ригидно повторяется из раза в раз.

Третий шаг наряду с открытием вновь наших чувств и желаний состоит в том, чтобы выявить наше отношение к подсознательным аспектам своего Я. К этому мы можем добавить

лишь незначительный комментарий. Поскольку современный человек отказался от верховной власти над своим телом, так же он отказался и от бессознательной части своей личности, и она стала практически враждебной для него. В предыдущих частях мы уже могли видеть, как подавление «иррационального», субъективных и бессознательных аспектов опыта очень тесно связано с потребностью современного человека поставить во главу угла регулярную, рациональную деятельность в мире индустрии и коммерции. Поэтому теперь нам придется найти и вернуть, насколько это возможно, все то, что мы подавляли. Во все времена, еще до того как Иосиф начал толковать сновидения Фараону и до наших дней, люди, например, относились к своим сновидениям как некоей мудрости, руководству и инсайту. Но большинство из нас в наше время относится к своим сновидениям как неким странным эпизодам, чему-то столь же чужеродному, что и какой-то непонятный церемониальный танец в Тибете. Это привело к сокращению чрезвычайно большой и значительной части нашего Я. И тогда зачастую мы уже не можем использовать значительную часть этой мудрости и возможности бессознательного. Из-за этого мы оказываемся в ситуации, когда пытаемся управлять колесницей, запряженной одним только конем, традиционный образ во времена Платона, в то время как четыре или пять других коней тянут совсем в ином направлении. Несмотря на то, что эти тенденции и интуитивные ощущения блокируются в бессознательном и не допускаются до осознанного понимания, они по-прежнему являются частью нашего Я, и к ним можно получить доступ - в той или иной степени - и сделать осознанными. Чем быстрее мы сможем достичь суверенитета в этой области, тем лучше.

Более подробный анализ сновидения может увести нас слишком в сторону от рассматриваемой нами темы в этой главе. Понимание сновидений, безусловно, тонкий и сложный вопрос - хотя он не настолько сложен, как может показаться, когда мы сталкиваемся с экзотерическими символами во многих современных интерпретациях сновидений. Эти экзотерические символы опять возвращают проблему назад и вновь к иностранному языку - и это уже другой метод, возможно, типичный современный метод капитуляции нашего суверенитета перед бессознательными аспектами нашего Я. Это как если бы мы говорили, что авторитетные лица и те, кто знает магические

ответы, могут понять наши сновидения, но мы сами этого не можем! В последней книге Эриха Фромма *Забывтый язык* он отмечает, что сновидения, наподобие мифов и сказок, - это вовсе не иностранный язык, но в действительности это часть нашего единого универсального языка, которым владеет все человечество. Книгу Фромма можно порекомендовать читателю, не владеющему техническими навыками, но который хотел бы узнать что-то еще об этом бессознательном «языке своей отчизны».

В данной главе нам хотелось лишь высказать некую понимающую позицию в отношении сновидений и иных проявлений подсознательных и бессознательных аспектов нашего Я. В сновидениях находят свое выражение не только конфликты и подавленные желания, но также и приобретенные ранее знания, возможно, много лет тому назад, и которые, как человеку может показаться, он забыл. Даже человек, не имеющий какой-то определенной квалификации, если он будет придерживаться позиции, что то, что ему говорят его сновидения, не стоит отвергать как какую-то глупость, сможет получить иногда полезное руководство в своих снах. И человек, который научается понимать, что он говорит самому себе в своих сновидениях, может получать от них, время от времени, удивительно ценные подсказки и инсайты в решении своих проблем.

В заключении данной главы нам бы хотелось показать, что чем более у человека развито самоосознание, тем более он является живым. Как говорил Кьеркегор «Чем больше осознания, тем больше Я». Стать человеком означает это возросшее осознание, этот возросший опыт «самости», этот опыт, что это я, действующий, кто является субъектом происходящего.

Итак, подобная точка зрения, - что же значит стать человеком, - позволит нам избежать двух ошибок. Первая - это *пассивность*¹⁷ - что позволяет детерминирующим силам в нашем опыте занять место самоосознания. Можно предположить, что некоторые тенденции в более ранних формах психоанализа могли быть использованы для рационализации пассивности. Это было своеобразным эпохальным открытием Фрейда, когда он

¹⁷ Я использую здесь это слово для обозначения неконструктивной (невротичной) формы пассивности. Некоторые формы пассивности, такие как мечтания и расслабленность, могут быть естественными и конструктивными; но в этих формах Я по-прежнему находится в центре осознания; это «Я», которое находится в расслабленном состоянии или предается мечтаниям.

показал, насколько любого человека «толкают» бессознательные страхи, желания и самые разные влечения, и что человек, в действительности, гораздо меньше является хозяином в своем владении, коим является его душа, по сравнению с человеком, наивно верящим в «силу воли». Но помимо столь пагубного заключения особое внимание также уделялось детерминизму сил бессознательного, жертвой которых отчасти пал сам Фрейд. Так, например, один из первых психотерапевтов Гродек писал «Нами управляет бессознательное», а Фрейд в одном из писем высказывал ему свое почтение за то особое внимание, которое он уделял «пассивности эго». Но здесь нам необходимо подчеркнуть, дабы скорректировать отчасти возникшее недопонимание, что цель, в общем и целом, анализа Фрейдом бессознательных сил состояла в том, чтобы помочь людям довести эти силы до сознания. Как он неоднократно повторял, цель психоанализа состоит в том, чтобы сделать бессознательное осознаваемым; повысить сферу осознания; помочь человеку начать осознавать свои бессознательные влечения, когда он привык помыкать своим Я, подобно мятежным матросам, захватившим власть под палубой корабля; и, таким образом, помочь человеку осознанно управлять своим собственным кораблем. Поэтому, в данной главе и делается акцент на повышении самоосознания и дается предупреждение относительно пассивности, что резонирует с теми мыслями, которые высказывал Фрейд.

Другой ошибкой, позволяющей нам избежать подобной точки зрения в отношении человека, является *активность* - т.е. когда человек использует *активность* как некое замещение *осознания*. Под активностью мы подразумеваем столь распространенную в этой стране тенденцию показать, что чем большую человек проявляет активность, тем более он является живым. Должно быть вполне наглядно, что когда мы использовали определение «активное Я» в этой книге, мы вовсе не имели в виду бизнес или просто выполнение каких-то действий. Многие люди постоянно чем-то заняты, и это позволяет им - так или иначе - прятаться от тревоги; их активность - это способ убежать от самих себя. Таким образом, они имеют псевдо и временное ощущение, что они живы, постоянно куда-то спеша, как если бы нечто происходило, если бы они просто находились в движении, и как если бы быть занятым являлось доказательством собственной значимости. Чосер в *Кентерберийских рассказах* говорил об этом

типе, представленном в образе купца, не без доли лукавства и дальновидности «Сдается мне, он казался более занятым, чем был на самом деле».

Наш акцент на самоосознании, безусловно, включает в себя действие как выражение живого, интегрированного Я, но это нечто противоположное активности - т.е, когда мы имеем действие как уход от самоосознания. Энергичность зачастую означает способность не действовать, пребывать в творческом бездействии - может оказаться куда более сложным для многих современных людей, нежели быть чем-то занятым. Роберт Льюис Стивенсон очень точно говорил о том, что «пребывать в бездействии требует сильного чувства личностной идентичности». Как мы и предположили, самоосознание вновь приводит нас к более спокойным видам энергичной активности - например, искусство для размышлений и медитация, утраченные в Западном мире, и в этом как раз и кроется опасность. И возникает новое понимание того, чтобы *быть* чем-то, а не просто *делать* что-то. С таким отношением к себе, работа для современных людей - которые являются огромными тружениками и производителями - не будет уходом от самих себя или способом попытаться доказать собственную ценность, но творческим выражением непосредственного потенциала человека, который осознанно подтвердил свое бытие, руководствуясь своими связями и отношениями с миром и окружающими его людьми.

Глава 4

Борьба за то, чтобы быть

Но не сопряжен ли путь самоосознания с еще большими превратностями, перипетиями, а также пиковыми и рискованными переживаниями, когда мы сталкиваемся с разного рода трудностями и конфликтами, в отличие от того, о чем говорилось в предыдущей главе? Несомненно, и теперь мы перейдем к более функциональным аспектам становления человека. Ведь для большей части людей, в частности, тех взрослых, которые пытаются разрешить волнующие их вопросы в своем раннем опыте, препятствующем им стать личностью, осознание своего Я связано с борьбой и конфликтом. Они приходят к выводу, что личностный рост требует от них не только научиться тому, как чувствовать, испытывать различные переживания и хотеть, как мы уже отмечали в предыдущей главе, но и работать с тем, что препятствует этим чувствам и желаниям. Они обнаруживают некие цепи, сдерживающие их, и эти цепи, в сущности, представляют собой определенные узы, связывающие их с родителями, в особенности, с матерью в нашем обществе.

Мы уже могли видеть, что развитие человеческого существа представляет собой некий континуум в дифференциации от «массового» к независимости, как отдельного человека. Также мы отмечали, что личность, которая потенциально должна сформироваться, исходно имеет связь с матерью. Так, плод в утробе матери автоматически получает пищу через пуповину, и при этом как у матери, так и ребенка, отсутствует выбор. Когда ребенок появляется на свет, и физическая пуповина разрывается, он становится по природе своей отдельным существом, и уже тогда его питание - это осознанный выбор обеих сторон. Ребенок может поднять крик, требуя пищи, а мать может сказать «Да» или «Нет». Но ребенок по-прежнему практически полностью зависит от родителей, в особенности от матери, которая ухаживает за ним. Его процесс личностного развития будет продолжаться и в дальнейшем - осознание своего Я вместе с рудиментарными зачатками ответственности и свободы, значительное отделение от родителей, когда он идет в школу, проявление признаков сексуального развития в пубертате, борьба, происходящая внутри, когда он захочет совершать самостоятельные шаги, обучаясь в

колледже и делать профессиональный выбор, принятие на себя ответственности уже в собственном браке и так далее. Таким образом, в разные периоды своей жизни человек оказывается в этом континууме, когда ему приходится дифференцировать себя от целого, после чего он что-то предпринимает, дыба обрести новую интеграцию. И действительно всю эволюцию можно описать как процесс дифференциации части от целого, индивида от масс, когда отдельные части впоследствии соотносятся между собой на более высоком уровне. Поскольку человек, в отличие от камня или какого-то химического компонента, может наполнить свою индивидуальность только через осознанный и ответственный выбор, он должен стать психологически и этически, равно как и физически, личностью.

Собственно говоря, процесс рождения человека из утробы, высвобождение из этой массы, когда зависимость сменяется выбором, - все это связано с любым выбором в жизни, и это тот выбор, который приходится делать человеку даже на смертном одре. Разве это не способность смело встретить смерть, не последний шаг в том континууме, где ему приходилось учиться стоять на своих собственных ногах и покинуть это целое?

Таким образом, жизнь любого человека можно изобразить графически как некую дифференциацию - насколько ему удалось освободиться от автоматических зависимостей, стать личностью, способным устанавливать связи с теми, с кем он находится в контакте, на новом уровне выбираемой им самим любви, ответственности и творческой работы? А теперь мы переходим к той психологической борьбе, которая связана с выделением человека из общей массы.

Разрывая психологическую пуповину

Ребенок становится физически отдельной личностью, когда разрывается пуповина при его рождении, но до тех пор, пока в свое время психологическая пуповина также не будет разорвана, его можно сравнить лишь с ребенком, только что научившимся ходить и который «привязан к столбу во дворе» у своих родителей. И он не может вырваться дальше длины этой веревки. Его развитие блокируется, а свобода, связанная с ростом, от которой он отказывается, переходит внутрь и начинает терзать его, что выражается в ненависти и гневе. Эти люди несмотря на то, что может создаваться впечатление, что они вполне неплохо

держатся, будучи привязанными этими разными веревками, как ребенок, только начинающий ходить, испытывают очень сильное разочарование, вступая в брак или когда они приступают к работе или, в конце концов, когда им приходится встретить свою смерть. В любом кризисе они стремятся фигурально или буквально «вернуться к матери». Как заметил однажды один молодой муж «Я не могу достаточно любить свою жену, потому что я слишком люблю свою мать». Его единственной ошибкой было применение слова «любовь» в отношении своей матери. Реальная любовь экспансивна и никогда не исключает того, чтобы любить других: и *лишь связь* с матерью представляет некую исключительность и выступает неким блоком при выражении своей любви к жене. В наше время тенденция поддерживать эту связь особенно сильна, ведь когда общество настолько разрозненно, что оно перестает быть «матерью» в смысле предоставления личности минимальной последовательной поддержки, человек стремится еще больше цепляться физически за свою настоящую мать.

Реальный случай может помочь нам увидеть более конкретно, что представляют эти связи, а также трудности, связанные с их преодолением. Следующий случай вряд ли можно считать каким-то необычным; в действительности, практически единственное его отличие от всех прочих состоит в том, что поведение той матери не было столь изощренным или маскируемым, как в большинстве случаев. Одаренный человек тридцати лет испытывал беспокойство по поводу своих гомосексуальных наклонностей, отсутствия каких бы то ни было позитивных чувств в отношении женщин, но при этом, в то же самое время, очень сильных страхов в отношении женского пола. Он вообще избегал близости, кроме того, у него возникали определенные блоки в связи с завершением докторской диссертации на соискание ученой степени. Единственный ребенок в семье, он стал презирать своего отца, который был слабым и находился под пятой у его матери. Мать часто унижала отца в присутствии мальчика; и однажды он подслушал, как она говорила отцу, приводя свои доводы: «Лучше бы ты умер, но ты всегда был труслив и боялся сделать какой бы то ни было выбор, что касается собственной жизни». Когда мальчик пошел в школу, мать тщательно подходила к выбору его одежды. Он не мог драться, и она обычно приходила в школу, чтобы защитить его от грубых мальчишек,

в случае необходимости. Оставаясь наедине с ним, она, как правило, поверяла ему разные тайны, рассказывая о том, как страдалась от его отца, и просила его помочь ей одеться, что ему больше всего не нравилось. Даже уже учась в колледже и приезжая на каникулы, он, всякий раз, цепенел от тревоги, слыша, как его мать поднимается ночью по ступеням и боясь, что она может войти в его комнату, когда он не одет. Еще ребенком он помнил ее внебрачную связь, которую она даже не скрывала, что его очень сильно расстраивало. И, как это часто случается в подобных ситуациях, он еще более ревностно стал относиться к ее знакам внимания. Впоследствии, когда он уже был подростком, она пыталась препятствовать его знакомству с девушками, но когда он уже начал встречаться, она стала предпринимать попытки устраивать встречи с теми девушками, семьи которых могли как-то упрочить ее социальное положение.

В детском возрасте очень много времени уделялось его игре на фортепиано, а также декламации стихов в школе и Воскресной Школе. Однажды, во время занятий в Воскресной Школе, он очень сильно озадачил своих родителей, когда не смог повторить наизусть вслух одну из заповедей «Возлюби отца своего и мать свою». И когда его мать заставляла исполнять что-то на фортепиано на тех вечеринках, которые устраивались для девушек, он, как правило, забывал какой-то фрагмент, вне зависимости от того, насколько хорошо знал его раньше. Это был очень яркий ребенок, он был невероятно успешен в школе и впоследствии пользовался определенным успехом в армии, но его мать относилась к этому, как некоей возможности упрочить его престиж в обществе. Читатель, конечно же, уже обратил внимание на то, что в его блоках, связанных с защитой докторской диссертации, можно увидеть много общего с тем, как он забывал свое соло на пианино - это было не что иное, как бунт против эксплуатации матерью его успеха. Ведь один из способов удостовериться в том, что никто не будет эксплуатировать ваши успехи, - это вообще не достигать ничего, что может присвоить себе другой. В период, когда он проходил терапию, его мать писала ему письма, подробно излагая свои жалобы и рассказывая о тех небольших сердечных приступах, которые она пережила, наряду с открытым требованием, чтобы он увернулся домой и взял за нее ответственность, а также намекая на то, что у нее мо-

жет случиться очередной приступ, если он не проявит большего участия.

Проблемы данного молодого человека, представленные нами достаточно упрощенно, в чем-то типичны для многих молодых людей в нашем обществе. Во-первых, он страдал от недостатка эмоциональных чувств, сексуальные роли были смещены, а потенция отсутствовала - это касалось как сексуальности, так и его работы. Вторым, достаточно типичным аспектом был его семейный паттерн. Здесь следует отметить то, что эта семья в значительной степени отличалась от тех патриархальных семей, которые имел в виду Фрейд в своей доктрине об Эдиповом комплексе. В семье нашего молодого человека мать была доминирующей фигурой. Отец был слабым и представлял в некотором роде конкуренцию для своего сына. Третий аспект состоял в том, что мальчику благоволила мать, она делала из него принца-супруга и ставила его на место отца. Мальчик пользовался подобным привилегированным положением до тех пор, пока он удовлетворял мать. Но «Тяжела ты, шапка Мономаха!» В действительности молодой человек не чувствовал себя в безопасности и сильным, находясь на этом троне, поскольку он был там не из-за собственной силы, но как марионетка в руках своей матери. В данном случае, мы, безусловно, имеем классическую ситуацию Эдипова комплекса, но с некоторыми существенными различиями: мальчик до смерти боится кастрации (утратить свою власть), но именно мать кастрирует его, не отец. Отец не представляется слишком серьезным соперником - мать позаботилась об этом. У сына отсутствовала какая бы то ни было сильная мужская фигура, с которой он мог бы себя идентифицировать, поэтому у него нет и естественного источника, в котором он мог бы черпать силу, уже будучи подростком. В качестве замещения подобному отсутствовавшему источнику силы, он имел лишь преклонение матери, избалованность и деспотическое внимание. Как и можно было предположить, этому молодому человеку часто снились сновидения о том, что он и правда принц. Его нарциссизм был невероятным, поскольку ему нужно было как-то компенсировать свое реальное внутреннее ощущение, что он практически совершенно бессилен. Он мог немного восстать против своей матери, но не предпринимая чего-либо или иногда позволяя себе какие-то неллицеприятные высказывания в ее адрес, но это было лишь пассивным протестом раба

против своего господина. Поэтому, вовсе неудивительно то, что этот молодой человек до смерти боялся женщин; равно как и нет ничего странного в том, что он должен был испытывать столь сильный внутренний конфликт, что был неспособен куда-то продвигаться в работе, любви или каких бы то ни было близких отношениях с людьми.

Есть ли какой-то выход из подобной сложившейся нездоровой связи? Безусловно, ребенок может временно отдалиться, пытаясь защититься от эксплуатации и став настолько незначительным, чтобы «избежать хитросплетений и стрел злодейки фортуны». Один молодой человек, обращаясь к своему детству, в котором он испытывал на себе перекрестный огонь между слабым отцом-алкоголиком и доминирующей, и в то же самое время великомученицей матерью, в своем стихотворении описал то, как он видел себя в эти ранние годы своего развития

А ты все и стоишь у стола

И все сильнее прижимая к себе игрушечного мишку...

Его едва видно, и они вряд ли вообще смогут отыскать его...

И тогда ты остаешься один,

Чтобы защитить то, чего они не захотели-

Даже не были способны это заметить.

Или же - как правило, это происходит позже - он может попытаться «что-то предпринять в отношении всех этих проблем» и начать активную борьбу для достижения своей личностной свободы. К этому мы сейчас и перейдем.

Борьба против матери

В драме Ореста, одной из величайших драм нашего времени, показана борьба за такую свободу. Давайте попробуем посмотреть на эту проблему через те инсайты, которые открылись нам в этой драме. Это может нам помочь не только потому, что историческая перспектива дает некое новое видение настоящего, но также и в связи с тем, что глубинный человеческий опыт, подобно тому, который мы можем видеть в драме Эдипа или Книге Иова, более отчетливо прослеживается в тех классических формах, которые продолжают иметь место уже на протяжении многих веков.

Эта величайшая история человеческого конфликта была впервые описана Эсхилом в Древней Греции, а недавно мы получили возможность ознакомиться с современным переложением этой истории у Робинсона Джеффера в «Башне, возвышающейся над трагедией». Пока Агамемнон, король Микен, был на войне против Трои и возглавлял греческую армию, любовником его жены Клитемнестры становится ее дядя Эгист. По возвращении Агамемнона из Трои она убивает его. Потом изгоняет своего младенца сына Ореста из королевства и держит дочь Электру в рабском положении. Достигнув совершеннолетия, Орест возвращается в Микены, чтобы убить свою мать. Когда он появляется перед дворцом с мечом в руках, Клитемнестра пытается вызвать у него жалость, обвиняя его отца, «Тяжела моя доля, дитя мое»; и только потом она прибегает к угрозам, восклицая «Остерегайся моих проклятий, проклятий матери, выносившей тебя». Когда же и эти стратегии оказываются неэффективными, как описывает Робинсон Джефферс, она, наконец, пытается пленить Ореста лживыми обещаниями в ее любви, прижимая его к себе и страстно целуя. И вдруг Орест отходит, опустив свой меч, со словами «Я ничего не смогу сделать, я сражен». В этой неожиданной инертной пассивности можно выделить интересный момент, который столь явно прослеживается в наши дни во многих случаях современных людей, с которыми приходится сталкиваться психотерапевту, - отреагирование утраты потенци в борьбе с собственной властной матерью. И лишь когда Орест замечает, что мать быстро воспользовалась моментом его пассивности, чтобы призвать на помощь свою армию, и понимает, что ее так называемая любовь вовсе и не любовь, а стратегия подчинить его своей власти, - мы видим, как он собирается с силами, призывая все свое мужество, и отражает удар.

Но тогда Орест правда сходит с ума. Его начинают преследовать «Фурии», суровые «духи ночи», с локонами, «опутанными клубком змей». Все это характеры из греческой мифологии, олицетворяющие самобичевание и нечистую совесть, и вновь поражает, насколько метко и точно древние греки описывают эти символы, связанные с тем чувством вины, которое терзает человека, лишает сна и может довести его до невроза и даже психоза.

Орест, преследуемый Фуриями, истощенный и лишенный сна, припадает, наконец, к алтарю Аполлона в Дельфах, где он

временно обретает убежище. Тогда, под покровительством Аполлона, его отправляют в Афины, где ему выносятся обвинение огромным судом, возглавляемым Афиной. Здесь важнейший вопрос, требующий принятия решения, состоял в том, нужно ли признать человека виновным в убийстве властного и эксплуатирующего родителя. На самом деле, поскольку результат очень важен для последующих поколений, боги с Олимпа спускаются, чтобы принять участие в этих спорах. После многочисленных речей Афина обращается к судьям, заклиная их не «сбрасывать с ваших стен всю верховную власть», сохранять «почтение к богам и священный трепет» и избегать двойной опасности «анархии», с одной стороны, и «рабского господства», с другой. Судьи проводят голосование; и количество голосов оказывается равным. Поэтому самой Афине, богине гражданских добродетелей, объективности и мудрости, приходится отдать свой решающий голос. Она обращается к суду, что если человечество будет идти вперед, люди должны освободиться от своих цепей, связывающих их с ненавистными родителями, даже если это повлечет за собой убийство родителя. Таким образом, Орест получает прощение благодаря ее голосу.

Но за этим схематичным и кратким изложением можно увидеть ужасающую борьбу страстей человеческих, столь серьезного и глубинного конфликта, как и любой человеческий опыт. Главной темой здесь будет убийство матери, но не менее важна и борьба Ореста, ее сына, за свое существование как личности. Это борьба не меньше, чем «быть или не быть» психологическим и духовным существом. То, на что обращали внимание Афина и другие в своих речах перед судом, - это споры между «прежними» способами, традициями и нравственными нормами, представленными в духе Клитемнестры и Эриний, сестер из темного подземелья, и «новыми», отстаиваемыми Аполлоном и Афиной и которые символизирует поступок Ореста. Безусловно, эти истории можно интерпретировать социологически как борьбу нового патриархата против старого матриархата, на что обращает внимание Эрих Фромм в своей книге *Забытый язык*. Тем не менее, для нас здесь важны психологические значения данного конфликта.

Эсхил, со свойственной ему невероятной психологической пронизательностью, отмечает, что «у Ореста не оставалось иного выбора, как овладеть этими высотами» и что он так бы всегда

и оставался «болен», если бы не совершил этот поступок. И в заключительном крещендо, которое исполняет греческий хор перед Эсхилом, мы слышим «И все озарилось светом, и наступил рассвет». Иными словами, поступок Ореста в мир приходит новый свет и смысл.

Для многих людей самым шокирующим в этой драме, когда мы соотносим ее со своими сегодняшними проблемами, вряд ли будет то, что в ней рассказывается об Оресте, но в том скрытом смысле, что некоторые матери подобны Клитемнестре. Безусловно, действия Клитемнестры - это крайность; в действительности, мотивы человеческого существа не представляют одновременно ненависть или любовь или желание власти, но скорее совокупность этих мотивов. Верно и то, что Клитемнестра в большей степени является символом, нежели человеком - символом властных и авторитарных тенденций у родителя, которые, как правило, «изгоняют» и в корне душат какие бы то ни было возможности потенциального развития у ребенка. Также верно и то, что эта драма, при всей той глубине и смелости, характерных для греческой литературы, не может отыскать подходящих слов, чтобы отразить эти базовые человеческие конфликты. В наши дни многие из нас, придерживающиеся более поверхностной диеты, находят это лекарство слишком сильным, исходя из собственных ощущений.

Так что же означает убийство родителя? Сущность этой борьбы заключается в том, что растущий человек, в данном случае Орест, борется с авторитарными силами, которые могут разрушительно действовать на его рост и свободу. Такие силы в семейной системе могут быть сосредоточены в большей степени у отца или матери. В действительности Фрейд полагал, основываясь на той прописной истине, что данный конфликт, как правило, происходит между отцом и сыном - когда отец пытается изгнать сына, лишить его власти, «кастрировать» сына; и что сыну, подобно Эдипу, приходится убить своего отца, дабы обрести собственное право на существование. Однако, теперь нам известно, что Эдипов «комплекс» не является универсальным, но зависит от культурных и исторических фактов. Фрейд вырос в обществе «немецкого отца». В нашей стране, в середине Двадцатого века, можно найти немало доказательств тому, что мать, а не отец, является властной фигурой в семьях людей, которым теперь, скажем, от двадцати до тридцати, что такая связь

с ней представляет самую большую проблему и что миф об Оресте - это как раз то, что они переживают и что наиболее глубоко выражает их собственный опыт. Я говорю об этом, беря за основу не только какие-то глубинные чувства и сновидения людей, с которыми мне довелось работать профессионально в рамках психотерапии, но также исходя из опыта других терапевтов, с которыми мы обсуждали подобные проблемы. Как в случае, описанном выше, такой сын зачастую оказывается прикованным к своей матери в том смысле, что он научается получать вознаграждение, лишь доставляя ей удовольствие. Это как если бы сын мог обрести собственную потенцию лишь с целью соответствия высоким ожиданиям его матери. А потенция, безусловно, вообще не является силой, когда она становится доступной только по приказанию кого-то. Таким образом, он, очевидно, так и не сможет использовать свою власть с целью саморазвития как личности или чтобы проявлять теплые чувства к другим людям до тех пор, пока не избавится от ее уз.

Как мы уже отмечали, подобный конфликт с доминирующими матерями может напомнить многим читателям ту «материнскую опеку», что до недавнего времени было обычным явлением.

Я вряд ли могу сказать, насколько соответствует истине такого рода «материнская опека». Но, тем не менее, могу предположить, что в у подобного «поколения коварных людей» появляется некая возможность обрушиться с хулой на собственную мать, когда в действительности то, что реально стоит за этим и что столь сильно заставляет страдать человека, - это непосредственная зависимость от нее. Как бы то ни было, можно привести множество доказательств того, что эта система «в нашей стране начинает напоминать матриархат», как отмечает психиатр Эдвард А. Штрекер. Психоаналитик Эрик Эриксон, рассматривая в своей работе *Детство и Общество* истоки развития матриархата, считает, что «мать в большей степени является жертвой, нежели победителем» и что американская мать была вынуждена действовать с позиции силы, поскольку отец, - будучи на работе пять дней в неделю, оказываясь дома только по выходным, - сложил с себя полномочия, что касается его главенства в семье. «Мать стала «мамой», только когда отец стал «папой».

Матриархат - это один из аспектов, но у нас по-прежнему остается вопрос относительно того *необходимого* качества, что

касается той силы, которую женщины оказывают в современном матриархате. Кстати здесь следует подчеркнуть, что мы говорим не о *настоящем* поколении матерей; они пребывают в некотором замешательстве. В частности, это идет от предыдущего поколения матерей, что касается возникновения такого рода проблем в нашем обществе. Мне неведомы психосоциологические причины данной ситуации. Все, что мы можем сделать, - это обратить внимание на то, что матери этих пациентов в психотерапии, подобно кастрирующей матери данного молодого человека, вели себя так, как если бы они испытывали какое-то очень сильное разочарование. Клитемнестра сказала, что она совершила этот поступок «из-за давней своей ненависти». Безусловно, вряд ли кто-либо, подобно Клитемнестре, попытается осуществить такого рода эксплуатирующую и требовательную власть до тех пор, пока для этого не возникнет соответствующий повод. Как правило, причина состоит в том, что ей самой была причинена сильная боль, и она чувствует, что единственный способ защитить себя от страданий в будущем, - это доминировать над другими. Не говорит ли нам это о том, что женщины предыдущего поколения в нашем обществе имели какие-то невероятные ожидания относительно того, что они могли бы получить от мужчин? Не являлось ли это результатом пограничной психологии с особой ценностью женщины наряду с тем отношением, которое было характерно для поздней Викторианской эпохи, когда женщины были возведены на пьедестал? И в дальнейшем, нельзя ли отметить радикальные изменения в их функционировании как женщин? В действительности, нам известно то, что это поколение женщин в поздней Викторианской эпохе представляло собой очень фрустрированную сексуальную группу, и вполне возможно, что и в других направлениях тоже. Разве женщины могли предаваться радости и получать удовольствие от того, что они просто женщины, когда их боготворили и помещали на пьедестал где-то на границе, и в то же самое время от них ожидалось, что они научатся вести себя цивилизованно на этой самой границе? Не будет ли ответом на наш вопрос то, что это поколение матерей, которых подвели к тому, что они стали ожидать каких-то удивительных вещей от мужчин, глубоко разочарованных своими мужьями и проявлявших это разочарование в чрезмерном обладании и доминировании над сыном?

Возможно, все эти моменты некоторым образом связаны с той связью (мать-ребенок), которая существует в нашем обществе. Но греки, не готовые еще рассматривать эти вопросы социологически и психологически, пытались опровергнуть данные открытия, достаточно наивно предполагая, что причина может крыться в определенной биологической связи между матерью и ребенком, что делает освобождение ребенка от матери столь важным и трудным. Этот вопрос поднимается в драме таким образом, что богиней, отдавшей свой голос, в результате чего Орест получает прощение, - является Афина - богиня, которая по ее выражению «никогда не ведала, где находится могила матери, выносившей меня», но явилась на этот свет в полном облики из головы своего отца, Зевса.

Это потрясающая идея, над которой стоит поразмыслить. Для начала достаточно интересно рождение, лишенное всех привилегий нахождения в утробе, но в этом можно увидеть даже некую неуверенность, когда мы рассматриваем связанное с тем фактом, что греки сделали Афины богиней *мудрости*. Афина говорит о том, что отдает свой голос за Ореста, потому она, никогда до этого не находившаяся в утробе, находится на пороге чего-то «нового». Не означает ли это то, что человеческая жизнь - от зависимости, предубеждения и незрелости к независимости, мудрости и зрелости, - в лучшем случае представляется настолько трудной, настолько наталкивающейся об те связи с физической и психологической пуповиной, что мифологическую богиню мудрости и гражданских добродетелей следует представлять как некое создание, которому никогда не приходилось вести борьбу с этой пуповиной? Нам известно, что ребенок имеет более сильную связь с матерью, которая его вынашивает и вскармливает грудью, нежели с отцом: не подразумевали ли греки таким образом то, что поскольку ребенок - это кровь от крови матери и плоть от ее плоти, у него всегда будет с ней связь и что отношения с матерью скорее всегда будут *консервативными*, нежели *революционными*, ориентированные больше на прошлое, чем будущее? Греки лучше знали то, что мудрость существует в вакууме отсутствия связи; или же что нет ничего плохого в связях как таковых. Но они могли иметь в виду то, что соблазн к тому, чтобы тебя «оберегали», опуститься до регрессии, быть «пассивным» и «слабым», о чем говорил Орест, - все это свидетельствует о стремлении вернуться во чрево, а также о

том, что зрелось и свобода личности есть нечто, противоположное всем этим тенденциям. Не объясняет ли это то, что их богиня мудрости «никогда не знала, что такое материнская утроба».

Мы оставим эти вопросы читателю до тех пор, пока он не будет готов на них ответить, и вернемся к Оресту. Для нас реальный интерес здесь представляет то, как этот молодой человек, будучи прототипом данного человека в эмоциональном конфликте, обретает свободу жить как личность. Уже совершив этот акт и на какое-то время лишившись рассудка, Орест гуляет в лесу, «больной от преследующих его видений». Робинсон Джефферс показывает, как Орест возвращается во дворец в Микенах, где его сестра Электра приглашает его стать королем во дворце его отца. Орест взирает на нее с изумлением и недоумевает, как она может считать, что он совершил ужасное злодеяние, убив собственную мать, чтобы стать королем в Микенах и занять место Агамемнона. Нет, теперь он уже «опередил в росте этот город» и принял решение уйти. Электра, высказав предположение, что его проблемы связаны с тем, что «ему нужна женщина», предлагает вступить с ним в брак. И тогда он восклицает «Это в тебе говорит Клитемнестра» и отмечает, что все проблемы в их несчастливой семье идут от incesta. И в своих скитаниях по лесу

...Казалось, что мы брели где-то в ночи; все, что было сделано или о чем мечталось

В отношении друг друга, когда мужчина преследовал женщину, а женщина прижималась к мужчине, поэтам и королям

В объятиях друг друга в темноте, преисполненные любви или раздираемые противоречиями изнутри, каждый из нас, из этих потерянных людей

Ищущий глазами другого, чтобы другой как-то высказал ему свое одобрение; никогда не были заняты поиском чего-то собственного, но другого...

... Оглядываясь назад, они могли видеть лишь человека, оказавшегося у самых истоков,

Или же впереди, кто-то уже дошел до конца; или вверху, на небе, посреди того великолепия и зла они поступали так, как хотели, и предавались наслаждениям

Так кого вы величаете Богами...

Все это обращено вовнутрь, все ваши желания основаны на кровосмешении...¹⁸

Для себя Орест решил, что он «не будет даром терять время внутри». Если ему следует внять ее мольбам и остаться в Микенах, о чем он говорил своей сестре, тогда он будет «как движущийся камень» - т.е. он предаст свою уникальную человеческую природу и станет неживым. И уходя оттуда с целью обретения «человеческой природы» и прочь из этого инцестуозного гнезда в Микенах, он бросает фразу, которая может по-прежнему звучать через века как цель психологической интеграции человека «Я влюбился, и моя любовь где-то там, во внешнем мире».

Неслучайно в этих нескольких фразах Орест использует эти определения «внутренний» и «внешний» несколько раз, а также указывает на то, что главной бедой в Микенах был «инцест». Ведь инцест лишь сексуальный физический символ обращенности внутрь семьи и неспособности, соответственно, «любить вовне». Психологически инцестуозные желания, когда они продолжают уже после пубертата, представляют сексуальный симптом морбидной зависимости от родителя и отмечаются, главным образом, у людей, которые «не выросли», не разорвали психологическую пуповину, связывающую их с родителем. Тогда сексуальное удовлетворение не слишком отличается от орального удовлетворения, которое получает ребенок, когда его кормит мать. Также важным в инцестуозных отношениях, как говорил Орест, является потребность получать восхищение от другого, когда «другой должен возвеличивать его».

Орест у Джефферса, с особенной проникновенностью, что свойственно поэзии, говорит о том, что даже религия у этих людей является инцестуозной. Они видят только проекции самих себя в небе, «мужчин, поступающих так, как хотят, и предающихся наслаждениям», которых они величают богами. Их боги - это отражение не новых и более высоких уровней устремлений и интеграции, но их собственной потребности вернуться к инфантильным зависимостям. Безусловно, религиозно и физиологически это является точной противоположностью тому, о чем говорил Иисус «Не думайте, что Я пришел

¹⁸ Robinson Jeffers, "The Tower Beyond Tragedy", from *Roam Stallion*. Reprint - ed by permission of Random House, Inc. Copyright 1925 by Boni & Liveright. (Робинсон Джефферс, «Башня, возвышающаяся над трагедией»)

принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку - домашние его».* Иисус, безусловно, не призывает к ненависти и отделению, как таковым, но он старается донести наиболее радикально то, что духовное развитие предполагает *уйти* от инцеста и *перейти* к способности возлюбить ближнего и любого незнакомого человека. И это правда, что «И враги человеку - домашние его», если он по-прежнему связан с ними.

Табу в отношении инцеста практически в любом обществе обусловлено в значительной степени психосоциальными ценностями, поскольку необходимо, чтобы добавилась «новая кровь» и «новые гены» или же, если быть еще более точным, - расширились возможности, связанные с изменениями и развитием. Инцест не причиняет физического вреда ребенку: он лишь удваивает ту же самую наследственность и лишает возможностей, которые могли бы у него быть, если бы родитель взял себе в супруги не члена семьи. Иными словами, запрет инцеста способствует еще большей дифференциации в развитии человека и требует, чтобы интеграция достигалась не через сходство, но на более высоком уровне. Таким образом, к нашему утверждению в начале данной главы мы можем добавить лишь то, что *диапазон дифференциации, как странствие в жизни человеческого существа, требует перехода от инцеста к способности «любить где-то вовне».*

Борьба против собственной зависимости

Очевидно, мораль драмы Ореста не в том, что любой может достать оружие и убить собственную мать. Как мы уже отмечали, то, что должно быть уничтожено, - это инфантильные узы зависимости, связывающие человека с его родителями и, таким образом, удерживающие его от того, чтобы любить вовне и создавать что-то новое независимо.

Это вовсе не простая работа, которую можно инициировать внезапным решением и осуществить единым мощным порывом в стремлении к свободе, равно как этого невозможно достичь одной невероятной «вспышкой гнева» против собственных родителей. Драма Ореста - и это прослеживается в драмах - конденсирует «борьбу, чтобы быть» в течение нескольких недель. В действительности, в реальной жизни это вопрос длительного тя-

желого роста, чтобы достичь новых уровней интеграции, - когда рост означает не автоматический процесс, но перевоспитание, переживание новых инсайтов, принятие осознанных решений и желание решать иногда или часто очень непростые вопросы. Зачастую человеку в психотерапии приходится работать над собственными паттернами не один месяц, чтобы понять, насколько сильные у него связи, которые он даже не осознает, и в который раз увидеть то, что эти цепи не позволяют ему любить, работать или вступать в брак. Впоследствии он обнаруживает, что его борьба за то, чтобы стать человеком по собственному праву, зачастую сопряжена с серьезной тревогой, а иногда и реальной угрозой. Неудивительно, что те, кто пытается разорвать такие узы, испытывают невероятные эмоциональные нарушения и конфликты, которые можно сравнить с временным помешательством Ореста. В сущности, этот конфликт представляет переход из знакомого известного места во что-то новое, связанное с независимостью, от поддержки к временной изоляции, когда в то же самое время человек ощущает собственную тревогу и бессилие. Такая борьба принимает угрожающие (т.е. невротичные) формы, когда человек оказался неспособным расти на предыдущих этапах своего развития; таким образом, число невротических конфликтов возрастает и разрушения, в конечном счете, оказываются еще более травматичными и серьезными. Подобный конфликт между Орестом и его матерью происходил столь травматично из-за той ненависти, которая предшествовала этому, инцестуозных отношений и морбидности в межличностных отношениях, которые были приняты в Микенах.

Так что же продолжает удерживать человека от его родителя? Эсхил, и это типично для Греции, изображает источник проблемы как нечто *объективное* - определенные негативные вещи происходили не в одном поколении королевской семьи в Микенах, и у Ореста, соответственно, не оставалось иного выбора, как решить убить свою мать. Шекспир, произведения которого по-прежнему актуальны, представляет аналогичную «борьбу за то, чтобы быть» у Гамлета как внутренний, субъективный конфликт со своей совестью, виной, амбивалентной смелостью и нерешительностью. Правда состоит в том, что правы оба - и Эсхил и Шекспир: такая борьба является одновременно и внутренней и внешней. Авторитарное сдерживание, знакомое человеку на самых ранних этапах своей жизни, является внешним: подрас-

тающий ребенок, будь то ребенок эксплуатирующих родителей или, скажем, еврей, рожденный в стране с антисемитскими настроениями, является жертвой внешних обстоятельств. Ребенку необходимо научиться противостоять опасностям и адаптироваться, всеми правдами и неправдами, к миру, в котором он появился на свет. Но постепенно в развитии любого человека авторитарная проблема становится *интернализированной*: растущий человек перенимает правила и культивирует их в себе; и у него всю жизнь отмечается тенденция поступать так, как если бы он по-прежнему боролся с теми первоначальными силами, которые поработили его. Но теперь это уже принимает форму внутреннего конфликта. К счастью, здесь можно выделить одно счастливое обстоятельство: поскольку человек перенимает эти сдерживающие силы, и они по-прежнему имеют над ним власть, он также обладает способностью справиться с ними.

Тогда для взрослых, которые оказываются в ситуации открытия себя заново, это сражение становится, главным образом, внутренним. *Борьба за то, чтобы стать человеком, происходит внутри самого человека.* Безусловно, никому из нас не удастся избежать того, чтобы выступить против эксплуатирующих лиц или внешних сил в собственном окружении, но главное психологическое сражение, которое мы должны выдержать, - это сражение против собственных потребностей в зависимости, а также нашей тревоги и чувства вины, которые будут возникать по мере приближения к свободе. Если говорить в общем и целом, то базовый конфликт происходит между той частью человека, которая стремится к росту, экспансии и здоровью, и той частью, которая по-прежнему остается на каком-то незрелом уровне, все так же связанная психологической пуповиной и получающая эту псевдо-защиту и поддержку родителя в обмен на зависимость.

Этапы самоосознания

Как мы уже могли заметить, для того, чтобы стать личностью, необходимо пройти несколько этапов осознания своего Я. Первый этап - это невинность младенца, прежде чем у него появляется самоосознание. Второй, - это этап *протеста*, когда человек пытается стать свободным, чтобы самостоятельно обрести некую внутреннюю силу. Этот этап наиболее четко прослеживается у ребенка двух или трех лет или подростка, и он

может включать в себя некий вызов и враждебность, как это было показано в самых крайних формах в борьбе Ореста за его свободу. В той или иной степени протест представляет необходимый переходный этап по мере того, как разрываются старые связи, и человек занят поиском новых. Но протест не стоит путать со свободой.

Третий этап мы можем назвать *обычным самоосознанием*. На этом этапе человек может в каком-то смысле видеть свои ошибки, учитывая собственные предрассудки, использовать чувства вины и тревогу как некий опыт, который может помочь ему чему-то научиться и принимать решения с определенной долей ответственности. Именно это подразумевается, когда говорят о том, что человек здоров.

Но есть и четвертый этап осознания, который является необычным в том смысле, что большинство людей оказывается на этом этапе крайне редко. Этот этап наиболее ярко отражает такую ситуацию, когда у человека неожиданно возникает инсайт какой-то проблемы - внезапно, как будто бы из ниоткуда, человек получает ответ, который он тщетно пытался обрести в течение многих дней. Иногда такие инсайты приходят в сновидениях или в те моменты, когда он предается фантазиям, думая о чем-то еще: в любом случае, нам известно, что ответ берет свое начало в том, что называется подсознательные уровни личности. Такое осознание может происходить в ходе научной, религиозной или художественной деятельности; иногда этому дают популярное название «проблесков» идей или «вдохновения». Подобный уровень осознания присущ любой творческой деятельности, что знакомо всем студентам, которые, так или иначе, связаны с различными направлениями в творчестве.

Так как же следует называть этот уровень? «Объективное самоосознание», некоторые восточные практики могли бы дать этому такое определение из-за тех мимолетных впечатлений, которые они представляют для объективной истины? Или же «сознание, превосходящее себя», как это мог назвать Ницше? Или же «само-трансцендентное осознание» в этико-религиозной традиции? Все эти определения искажают в той же мере, что и проясняют. Здесь мне бы хотелось предложить определение, не столь драматичное, но, возможно, наиболее подходящее для нашего времени - это *творческое самоосознание*.

Классическим определением психологии подобного осознания будет экстаз. Буквально это означает «выходить за пределы собственного Я», т.е. увидеть или пережить нечто такое, под углом зрения, за пределами обычного ограниченного видения. Как правило, все то, что человек видит в объективном мире, окружающем его, - это всегда, в той или иной степени, претерпевает изменения и сопряжено с тем, что он видит это *субъективно*. Все то, что мы видим, как люди, - это всегда видение с собственного ракурса и интерпретируется каждым человеком через призму собственного внутреннего мира; за нами всегда «ходят по пятам», т.е. мы испытываем дихотомию между субъективностью и объективностью. Этот четвертый уровень осознания уменьшает расщепление между объективностью и субъективностью. На какое-то время мы можем переступить обычные границы осознающей личности. Посредством того, что называется инсайтом или интуицией, или процессов, лишь смутно осознаваемых другими людьми и связанных с креативностью, мы можем получить проблески объективной истины так, как она существует в реальности, или обнаружить некую новую нравственную возможность, скажем, в опыте любви, лишенной эгоизма.

Это то, что переживал Орест в своих мыслях, гуляя по лесу после совершенного им поступка.

....они не могли найти подходящих слов, дабы пересмотреть какие-то вещи, за пределами времени и пространства,

И чтобы все это произошло в одночасье...

.. ..как же я могу выразить то совершенство, которое мне удалось обрести, бесцветное, но с четким изображением;

Ничего необычного, но приводит в экстаз....

....никаких желаний, но самореализация, умиротворенность, без взрыва чувств...¹⁹

Дабы внести некоторую ясность, - поэтический язык Джефферса может увести читателя от конкретной проблематики, - давайте еще раз отметим, оперируя психологическими терминами, что имел в виду Орест.

¹⁹ Robinson Jeffers, *op. cit.* Робинсон Джефферс, (в цитир.произв.)

Это просто следующий этап, когда человек способен как-то преодолеть эту тенденцию, которой придерживались мужчины в Микенах, видеть только себя в глазах других людей, когда «все обращено вовнутрь», когда всех их волновали лишь проекции собственных предубеждений, которые они в своей самонадеянности величают «истиной». Скорее, быть «настроенным вовне» означает выйти в своем воображении за пределы того, что известно человеку в данный момент. И это не будет сентиментальностью, лишенной научного обоснования, утверждать, подобно Ницше и любому другому писателю, который имеет отношение к этике, что человек в ходе самореализации проходит некий процесс «трансценденции» своего Я. Это просто один из аспектов основных характеристик повышения здоровья человека, что время от времени он расширяет границы осознания им своего Я и собственного мира. Как отмечает Симона де Бовуар в своей книге, посвященной проблемам этики, «Жизнь - это стремление сохранить себя, одновременно превзойти себя»; «если все в ней подчинено сохранению себя, тогда жизнь - это едва ли не смерть, а человеческое существование вряд ли будет сильно отличаться от нелепой растительной жизни...».

Подобное творческое самоосознание - это этап, к которому большинство из нас приближается лишь в редкие моменты; и никому из нас, за исключением святых, религиозных или очень творческих мирских личностей, не удастся проводить значительный отрезок своей жизни на этом уровне. Но это тот самый уровень, который придает значение нашим действиям и опыту на каких-то менее важных уровнях. Многие люди могут испытывать подобные переживания лишь в какие-то особые моменты, скажем, слушая музыку или в каком-то новом опыте любовных или дружеских отношений, что временно выводит их из неподвижной рутины их жизни. Это как если бы в какое-то мгновение человек оказался на вершине горы и рассматривал свою жизнь с этой широкой перспективы, не имеющей границ. У человека возникает подобное ощущение направленности именно с той самой вершины горы, где он делает наброски своей ментальной карты, направляющей его все то долгое время, когда он терпеливо поднимается вверх и вниз по этим не столь высоким холмам, когда все усилия оказываются бессмысленными, а «вдохновение» становится очевидным, ввиду его отсутствия. Ведь тот факт, что в какие-то мгновения мы были способны увидеть правду, не при-

крытую нашими собственными предубеждениями, полюбить других людей, ничего не требуя для нас самих, а также что-то создавать в экстазе, когда мы полностью поглощены в этот процесс - тот факт, что нам знакомы подобные проблески, представляет некий базис значимости и направленности всех наших последующих действий.

Подобный четвертый уровень - это то, о чем говорится в утверждениях из Библии, чтобы отдать свою жизнь ради тех ценностей, в которые верит человек. Верно и то, что на этом уровне самоосознания можно говорить о некоем самозабвении. Но слово самозабвение - плохое определение; подобное осознание в несколько ином смысле есть наиболее реализуемое состояние человеческого опыта.

Человек не может *требовать* осознания, о котором мы говорим, и, как мы уже отмечали, зачастую это происходит скорее в моменты особой восприимчивости и релаксации, нежели действия. Тем не менее, данные, полученные в результате исследований творческих людей, свидетельствуют о том, что они переживают такие важные инсайты в отношении подобных проблем, над которыми так упорно бились, даже если сам инсайт мог происходить в момент временного затишья. Так, например, человек не может *управлять* своими сновидениями, но он может извлекать из них творческие инсайты в той мере, что его действительно это волнует, и он может научиться не терять бдительности, что касается чувствительности к собственным сновидениям.

Ницше так описывал этому человека, имеющего творческое самосознание, когда он говорил о Гете: ...когда он говорил о Гете: «Он дисциплинировал себя и обрел некую целостность, он создал себя...Дух, который *становится свободным*, оказывается во Вселенной не без доли доверчивого фатализма, вселяющего радость и *веру* в то, что...в общем и целом, возрождается и укрепляется - такой дух *уже больше не отвергает своего существования*».

Часть 3

ЦЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ

Глава 5

Свобода и внутренняя сила

Что может произойти с человеком, если его полностью в буквальном смысле лишит свободы? Мы подойдем к этому вопросу, представив в своих фантазиях некую воображаемую аллегория. Эту аллегория можно было бы назвать

Человек, которого поместили в клетку

Однажды вечером в какой-то неведомой стране король стоял у окна, смутно прислушиваясь к музыке, отзвуки которой доносились в коридор из комнаты для приема гостей в другой части дворца. Король был утомлен после дипломатического приема, с которого он только что вернулся, и, глядя в окно, размышлял о путях мироздания в целом, ни о чем конкретном. Его взгляд остановился на каком-то мужчине на площади - очевидно, это был рядовой мужчина, собирающийся свернуть за угол, чтобы сесть на трамвай и поехать домой, который путешествовал по этому маршруту пять раз в неделю на протяжении многих лет. Король последовал за этим человеком и далее в своем воображении - он представил, как тот приходит домой, наспех целует свою жену, съедает свой поздний ужин, интересуется, все ли в порядке у детей, читает газету, ложится спать, возможно, занимается любовью с женой, а может быть и нет, засыпает, пробуждается и на следующий день вновь отправляется на работу.

И вдруг королем овладело любопытство, которое на некоторое время рассеяло его скуку «Интересно, а что может произойти, если человека посадить в клетку, как держат животных в зоопарке?»

Итак, на следующий день король пригласил психолога, поведал ему о своей идее и попросил понаблюдать за данным экспериментом. Потом король отдал приказание, чтобы из зоопарка принесли клетку и поместили туда обычного мужчину.

Сначала мужчина пребывал в некотором замешательстве и все повторял психологу, стоящему несколько поодаль от клетки, «Мне нужно успеть на трамвай, мне нужно попасть на службу, посмотрите, сколько сейчас времени, я могу опоздать на работу». Но уже через какое-то время он начал трезво оценивать всю

ситуацию, осознавая произошедшее с ним, и тогда уже он начал с пеной у рта протестовать «Король не может так со мной поступить! Это несправедливо и противозаконно». В его голосе звучал «металл», а в глазах читался гнев.

И все остальное время, в течение этой недели, мужчина по-прежнему приводил свои решительные доводы. Когда король подходил к клетке, - это был ежедневный ритуал, - мужчина высказывал свое мнение непосредственно монарху. Но король, по обыкновению, отвечал «Посмотри, у тебя вдоволь еды, хорошая кровать, и тебе не нужно работать. Мы должным образом заботимся о тебе - так чему же ты противишься?» Через несколько дней, мужчина стал жаловаться все меньше, а вскоре его протесты и вовсе прекратились. Он молча сидел в клетке, отказываясь даже разговаривать, но психолог мог видеть ненависть, вспыхнувшую, как огонь, в его глазах.

Спустя несколько недель у психолога сложилось ощущение, как будто бы этот мужчина позволил себе некоторую передышку после ежедневного напоминания короля о том, что о нем должным образом заботятся; и вдруг ненависть куда-то исчезла из его глаз, как если бы он спрашивал сам себя, что, возможно, то о чем говорит король, - это правда.

А еще через несколько недель этот человек начал обсуждать с психологом, как это здорово, когда человеку предоставлены пища и кров, и что в любом случае человек будет жить так, как ему предначертано судьбой, и отчасти мудрость и состоит именно в том, чтобы принять свою судьбу. Поэтому, когда группа профессоров и студентов последипломного образования однажды вошли посмотреть на этого мужчину в клетке, он был настроен вполне доброжелательно и начал объяснять, что сам выбрал подобный образ жизни, что есть огромные преимущества, когда ты находишься в безопасности, и о тебе заботятся, что они, безусловно, и сами все поймут, насколько это разумно и так далее. Как странно, подумал психолог, и сколько патетики в его словах - почему же ему так важно получить от них одобрения подобного образа жизни?

В один из последующих дней, когда король прогуливался во дворе, этот мужчина стал подавать ему призывные знаки из своей клетки и начал благодарить его за пищу и кров. Но когда короля не было во дворе, и мужчина не знал о том, что психолог где-то рядом, выражение его лица было совершенно

иним - мрачным и унылым. Когда зритель передавал ему через клетку еду, мужчина часто опрокидывал блюда или разливал воду, а потом смущался из-за собственной глупости и нерасторопности. Разговор с ним происходил все больше в одном направлении: и около философские размышления относительно ценности того, когда о тебе заботятся, сменились простыми репликами «Это судьба», что он повторял вновь и вновь или же просто бормотал себе под нос «как есть».

Сложно сказать, когда возникла эта последняя фаза. Но психологу стало понятно, что лицо человека, казалось, не выражало уже ничего определенного: его улыбка уже больше не была льстивой, а лишь пустой и бессмысленной, наподобие гримасы, которую строит ребенок, страдающий коликами. Этот мужчина съедал свою пищу и, время от времени, перекидывался несколькими фразами с психологом; его взгляд был обращен куда-то вдаль, и он выглядел отстраненным; и хотя он смотрел на психолога, создавалось впечатление, что на самом деле он его никогда не видел.

И теперь этот мужчина в своих отрывочных беседах уже никогда больше не использовал слово «Я». Он смирился со своей клеткой. Он не испытывал гнев, ненависть или не прибегал к рационализациям. Но теперь уже он был психически болен.

Той ночью психолог, находясь в своем кабинете, пытался написать заключительный отчет. Но ему было очень сложно сделать какое-то резюме, поскольку внутри он ощущал огромную пустоту. Он пытался как-то переубедить себя «ведь говорят, что ничего не потеряно, что здесь лишь речь идет об энергии и возвращении обратно». Но он ничего не мог поделать с тем ощущением *утраты* чего-то, что было взято из Вселенной в этом эксперименте, а в результате образовалась зияющая пустота.

Ненависть и раздражение как цена отрицаемой свободы

Один из моментов в приведенном выше отрывке, на который следует обратить особое внимание, - это ненависть, которая нарастала у этого мужчины, когда он понял, что оказался в рабстве. Тот факт, что может возникнуть такая сильная ненависть, когда людям приходится отказываться от своей свободы, еще раз подтверждает то, насколько важна свобода ценностей для них. Зачастую в реальной жизни человек, которому приходит-

ся в значительной степени отказываться от своей свободы, как правило, корни этого следует искать в детстве, когда он ничего не мог сделать и отказывался от права и возможности существования как личности. На первый взгляд может показаться, что он принял ситуацию и «смирился» со своей капитуляцией. Но нам не нужно слишком углубляться, чтобы увидеть, что возникло что-то еще, дабы заполнить этот вакуум, а именно: ненависть и чувство обиды к тем, кто заставил его отказаться от свободы. И эта медленно утихающая ненависть оказывается, как правило, прямо пропорциональной тому праву на существование отдельной личности, которого лишился человек. Безусловно, ненависть подавляется; поскольку рабу не позволено выражать свою ненависть по отношению к хозяину; но это все равно имеет место и может проявляться, в случаях с детьми, например, в разного рода симптомах - скажем, плохая успеваемость ребенка в школе или чрезмерная болезненность или же недержание мочи ночью, когда он уже вышел из раннего детского возраста, и так далее. В действительности, человек не может отказаться от своей свободы, не получив что-то взамен для восстановления внутреннего баланса - нечто, берущее начало во внутренней свободе, когда отрицается его внешняя свобода, - и это нечто как раз и есть ненависть к своему завоевателю.

Ненависть или негодование - зачастую это единственная возможность, позволяющая человеку удержаться от того, чтобы совершить психологическое или духовное самоубийство. Их функция - сохранение чувства собственного достоинства, некое ощущение собственной идентичности, как если бы человек или люди, в случае с целыми народами - обращались про себя к своим завоевателям «Вы победили меня, но я сохраняю за собой право ненавидеть вас». В тяжелых случаях невротиков или психотиков зачастую особенно бросается в глаза то, что человек, загнанный в угол более ранними неблагоприятными обстоятельствами, сохраняет в своей ненависти некую внутреннюю цитадель, последний оплот собственного достоинства и гордости. Как у негра в романе Фолкнера *Осквернитель праха*, несмотря на подобное презрительное отношение к завоевателям, у него все еще сохраняется ощущение собственной идентичности, даже если внешние условия лишают его важнейших прав человека.

Кроме того, в случаях терапии, когда силы человека резко истощаются, и он оказывается неспособен, спустя какое-то время, как человеческое существо, испытывать или выражать свою ненависть или недовольство, - тогда прогнозы оказываются еще менее благоприятными. Так же как и способность маленького ребенка наблюдать за своими родителями важна для того, чтобы он мог стать свободной личностью, так и способность человека, которому была причинена боль, в конечном счете испытывать ненависть или гнев является свидетельством его внутренних потенциальных возможностей, чтобы противостоять своим угнетателям.

Другое свидетельство того, что если люди отказываются от своей свободы, то они должны испытывать ненависть, можно увидеть в том факте, что тоталитарные Правительства должны предоставлять своим гражданам некий объект для ненависти, что генерируется тем, что Правительство лишило их свободы. Евреи были козлом отпущения в гитлеровской Германии вместе с «враждебными нациями», впоследствии сталинизм, подогреваемый ненавистью русских, обратился с, «пропагандой войны» против западных стран. Как это показано наиболее отчетливо в романе *1984*, если Правительство собирается лишить людей их свободы, это должно как-то «откачать» их ненависть и направить ее на какие-то внешние группы - в противном случае, люди поднимут восстание или впадут в коллективный психоз или станут психологически «мертвыми» и инертными, ничего из себя не представляющими ни как люди, ни как силы для борьбы. Это один из наиболее жестоких аспектов Маккартизма²⁰: когда наживаются на бессильной ненависти, которую многие люди в этой стране испытывают по отношению к тем, кто поставил их в безвыходное положение в Корее. Речь идет о русских коммунистах, и, таким образом, ненависть этих граждан переносится на своих собратьев.

Безусловно, мы вовсе не хотим сказать, что ненависть или негодование, как таковые, являются чем-то позитивным или же что судить о том, насколько человек здоров, можно по тому, как сильно он ненавидит, равно как мы не хотим сказать, что цель

20 Маккартизм (англ. *McCarthyism* — по фамилии сенатора Джозефа Рэ-монда Маккарти) — движение в общественной жизни США, имевшее место между концом 1940-х и концом 1950-х годов, сопровождавшееся обострением антикоммунистических настроений и политическими репрессиями против инакомыслящих.

роста состоит в том, чтобы всякий человек ненавидел своих родителей или тех, кто является для него авторитетом. Ненависть и негодование являются разрушительными эмоциями, и показатель зрелости - это трансформировать их в конструктивные эмоции, как мы это увидим ниже. Но тот факт, что человек скорее будет что-то разрушать, - как правило, в конечном счете, самого себя, - нежели откажется от своей свободы, еще раз показывает то, насколько важна для него свобода.

В произведениях Кафки, как и во многих других работах в современной литературе, мы можем наблюдать депрессивную картину современного человека, утратившего способность противостоять своим врагам. Главный герой в *Процессе* у Кафки был арестован, но он так никогда и не получил объяснения, в чем же в действительности состоит его вина. Он приходит в суд и обращается там к судье, к юристу, потом снова идет в суд, невнятно на что-то жалуясь и обращаясь к кому-то еще за разъяснением того, в чем же его обвиняют, но при этом он никогда не отстаивает свои права, никогда не разграничивает «Дальше я не пойду, пусть хоть меня убивают». Когда священник в церкви обрушивается на него с криком «Вы хоть что-нибудь понимаете?» - это был тот вопль, который не мог себе позволить представитель среднего класса и обладающий хорошими манерами, как нас учит церковь, но в нем можно было ощутить глубокое чувство достоинства одного человека в отношении другого, в котором был сокрыт следующий смысл «Так осталась у вас хоть какая-то искра? Разве вы не можете собраться с силами и постоять за себя?». В самом конце романа, двое исполнителей приходят к К. и предлагают ему нож, чтобы он мог совершить самоубийство. Основной вывод, который можно сделать, прочитав эту трагедию, - это утрата человеком последних признаков чувства собственного достоинства, что он не мог даже распоряжаться собственной жизнью.

В светских кругах в наши дни вряд ли можно предположить, что человек подтвердит свою ненависть, как это было сорок лет тому назад, когда нельзя было признаваться в своих сексуальных влечениях, и два десятилетия тому назад гнев и агрессия считались чем-то неприличным в хорошем обществе. Эти негативные эмоции, в то время как на них можно было не обращать внимания как на случайные упущения, не соответствовали иде-

альному представлению о великодушном, контролирующем себя, всегда уравновешенном, хорошо адаптированном буржуа.

Как следствие, ненависть и негодование обычно подавлялись. И теперь уже это хорошо известная психологическая тенденция, что подавляя какие-то свои мнения или эмоции, мы пытаемся их уравновесить, действуя или придерживаясь, на первый взгляд, такой позиции, которая на самом деле является противоположной. Так, например, зачастую вы можете видеть, что ведете себя особенно вежливо с человеком, который вам не нравится. Если в действительности вы не испытываете тревогу, возможно, вы хотите сказать этой формальной вежливостью, цитируя Св. Павла «Я хорошо отношусь к своему врагу, чтобы собирать ему на голову горящие уголья». Но если вы не чувствуете безопасности, то можете попробовать убедить себя, что «преисполнены любви» к этому конкретному человеку, которого вы ненавидите. Нет ничего удивительного в том, что человек, чрезмерно зависимый от властной матери или отца или, например, другой авторитарной фигуры, будет действовать по отношению к другому так, как если бы он «любил» его с тем, чтобы скрыть свою ненависть. Как боксер в клинче, он вплотную подходит именно к тому, кто является его врагом. В реальной жизни человек не может избавиться от ненависти и негодования подобным образом; человек, как правило, перекладывает свои эмоции на других людей или обращает их внутрь, преисполненный ненависти к самому себе.

Таким образом, здесь крайне важно здесь, чтобы мы были способны встречаться лицом к лицу с собственной ненавистью. И это даже более важно, чем сталкиваться с собственным негодованием, поскольку это форма, которую обычно принимает ненависть, которая выражается в вежливости и иных цивилизованных проявлениях. Многие люди в нашем обществе, пытаясь разобраться с самими собой, могут не осознавать собственной ненависти к чему-то конкретному, но при этом у них, вне всякого сомнения, можно обнаружить все признаки достаточно сильного негодования. Возможно, тот факт, что негодование является настолько распространенной хронической и разрушительной эмоцией за все эти четыре века конкуренции людей

²¹ «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» – Римлянам 12:20-21. – Примеч. перев.

между собой, объясняется тем, что ненависть в большинстве случаев подавлялась.

Кроме того, если мы не будем противостоять открыто собственной ненависти и негодованию, то рано или поздно они перейдут в аффект, который никогда и никому не приносил ничего хорошего, а именно: жалость к самому себе. Жалость к себе - это «скрытая» форма ненависти и негодования. Человек может потом «лежать» свою ненависть и сохранять психологический баланс, испытывая жалость к самому себе, утешая себя мыслью о том, какая ему выпала тяжелая доля, сколько ему пришлось страдать, ничего не предпринимая в этой связи.

Фридрих Ницше в свое время очень остро и глубоко ощущал эту проблему, связанную с проявлением негодования. И опять он вторит нам из эпицентра психологических конфликтов современного человека, ведь подобно многим другим чувствительным людям, которые являлись его современниками, он негодовал против отрицания свободы, но никогда не мог до конца миновать этап отрицания. Сын лютеранского священника, умершего, когда он был еще мальчиком, воспитанный в опустошающей атмосфере своих родственников, Ницше испытывал очень сильную боль в связи с жесткими правилами немецкой среды; но, в то же самое время, он всегда боролся против этого. Глубоко религиозный человек в душе, даже если он и не придерживался каких-то вероучений, то видел ту огромную роль, которую играло негодование в формировании конвенциональных норм поведения в том обществе, в котором он жил. У него было ощущение, что средний класс исчез по причине подавляемого негодования, и что он косвенно возник в форме некоей «морали». Он считал, что «...негодование лежит в основе нашей морали», а «христианская любовь - это мимикрия беспомощной ненависти...».²² Любой человек в наши дни, желающий получить иллюстрацию так называемого «нравственного закона», которого побуждает к этому негодование, может ограничиться лишь сплетнями в своем маленьком городишке.

И даже те, кто считает точку зрения Ницше односторонней, что в действительности так и есть, согласятся с тем, что никто не сможет придти к подлинной любви или нравственности или свободе до тех пор, пока он не посмотрит правде в глаза и не проработает свое негодование. Ненависть и негодование следу-

²² W. Kaufmann, *Nietzsche*, Princeton University Press, 1950, p. 91.

ет использовать как движущие силы для восстановления своей подлинной свободы: человек не сможет трансформировать эти деструктивные эмоции в конструктивные до тех пор, пока он этого не сделает. И первым шагом будет узнать, *кого* и *что* человек ненавидит. Возьмем, к примеру, людей, которые испытывали на себе диктат со стороны государства, тогда их первым шагом на пути обретения свободы будет перенести собственную ненависть на самих диктаторов.

Ненависть и негодование позволяют сохранить на какое-то время внутреннюю свободу человека, но рано или поздно он должен будет как-то с этим справиться, чтобы обрести свободу и чувство собственного достоинства в реальности, в противном случае - собственная ненависть его же самого и разрушит. И цель будет состоять в следующем, как сказал один поэт в своем стихотворении «Ненавидеть, чтобы одержать совсем иную победу».

Что не является свободой

Мы сможем лучше понять, что же такое свобода, если рассмотрим, для начала, чем свобода не является. Свобода - это не бунт. Бунт - это естественный *промежуточный* этап на пути к свободе. Отчасти это происходит в тот момент, когда маленький ребенок пытается как-то отстоять свою независимость, пробуя свою силу говорить «Нет»; это прослеживается более отчетливо, когда подросток пытается стать независимым от своих родителей. В подростковом возрасте (возможно, и на других этапах также) сила бунта против того, за что ратуют родители, зачастую оказывается невероятной, поскольку молодой человек борется против собственной тревоги, вступая в этот мир. Когда родители говорят «Не делай этого», зачастую от него можно услышать пронзительный крик, в котором выражается все его неповиновение, поскольку это «не делай» как раз то, что он ощущает, как говорит его запуганная сторона, та его часть, которая испытывает соблазн укрыться от стен родительской защиты.

Но бунт зачастую путают с самой свободой. Это некая искусственная гавань, куда попадают в шторм, поскольку дает бунтарю иллюзорное чувство, что он действительно независим. Бунтарь забывает о том, что бунт всегда предполагает некую внешнюю структуру - правила, законы, ожидания - против которых человек восстает; а его безопасность, ощущение свободы и сила

действительно зависят от этой внешней структуры. Они оказываются «заимствованными» и могут быть устранены подобно банковскому займу, который может потребоваться вернуть в любой момент. Психологически многие люди останавливаются на этом этапе бунта. Их ощущение внутренней нравственной силы основывается только на знании того, каким нравственным убеждениям они не соответствуют; они получают смутное ощущение уверенности, декларируя свой атеизм и неверие.

В 20-е годы психологическая жизнеспособность во многом черпала свои силы в бунте. Это можно увидеть в романах Ф.Скотта Фитцджеральда, Д.Х. Лоуренса и отчасти - Синклера Льюиса. Интересно, что теперь, читая *По эту сторону рая* Фитцджеральда или же другие его романы, представляющие своеобразные «библейские заповеди» для эмансипированных молодых людей того времени, мы можем обратить внимание на то, какой фурор производила целующаяся девушка или же какие-то иные поступки, которые сейчас мы можем рассматривать лишь как маленькие слабости. Д.Х. Лоуренс в своем романе *Любовник леди Чаттерлей* произвел огромный фурор, утверждая то, что Леди Чаттерлей, муж которой был парализован, имела право завести себе любовника, который оказался рабочим в поместье. Писатель-романист в наши дни вряд ли бы счел необходимым говорить о парализации мужа, ведь сексуальная свобода сейчас считается чем-то само собой разумеющимся.

Причина состояла не в том, что сами идеи не заслуживали серьезного обсуждения, - например, тема «свободной любви», «свободы выражения» в воспитании детей и так далее. Дело в том, что им давали негативное определение и, главным образом, это касалось того, против чего выступал человек. Мы выступали против внешних необъяснимых влечений в любви, против ригидного сдерживающего свободного развития детей. И если мы возьмем последний пример, акцент был сделан на том, что родитель *не должен* делать - он не должен вмешиваться, а в крайних формах этой доктрины ребенку следует позволять делать все, что он хочет. В действительности, не наблюдалось того, что подобный стиль, лишенный всякой структуры, приводил к повышению тревоги у детей. Также не было отмечено, что родитель должен принимать на себя значительную ответственность за действия ребенка, и что позитивная свобода включает в себя то, что родитель делает это в контексте подлинного уважения

к ребенку, как личности, реально и потенциально, что он действительно предоставляет все необходимые возможности для развития потенциала ребенка и не требует от ребенка фальсифицировать его желания и эмоции.

Те из нас, кому довелось учиться в колледже в конце 20-х годов, могут вспомнить то ощущение силы, связанное с подобными мотивациями и разного рода кампаниями, ведь нам было известно, против чего весь этот бунт: будь-то война или сексуальные табу или брак, при заключении которого соглашением супругов определяется количество детей и условия развода, вечеринки или запреты или что бы то ни было. Но в этом смысле теперь бунтовщику было не так просто собрать для себя зрителей. Х.Л. Менкен, один из известных людей, борющихся с традиционными верованиями и предрассудками, был в те годы корифеем; и в кампусе, казалось, его читал любой. А кто читает его сейчас? В наше время подобный бунт довольно скучное занятие. Ведь когда нет определенных стандартов, против которых имеет смысл совершать бунт, человеку нет смысла бунтовать. И проблема не в том, что банк может потребовать возврата займа: этот банк просто рухнул, а займ уже не имеет больше никакой ценности. К середине двадцатого века этот процесс разрушения вновь вернулся в век девятнадцатый - разрушение, представляющее собой одну из сторон трансформации стандартов - сделал свою работу, и мы теперь пожинаем пустоту и неразбериху. «Все печальные молодые люди», подобно тем, о которых писал ранний Ф. Скотт Фитцджеральд, что касается этого чувства всемогущества после поцелуя девушки: но поскольку теперь это всего лишь «рутина» и не дает человеку какого-то особого чувства всемогущества, то тем самым молодым людям приходится искать внутри себя какую-то силу, и очень часто они терпят в этом поражение.

Поскольку бунтарь получает жизненные силы и ощущение направленности и, подвергая нападкам существующие стандарты и нормы, ему не приходится совершенствовать свои собственные стандарты. Проявления бунта есть некое замещение более сложного процесса, когда ведется борьба с целью обретения собственной автономии, новой веры, чтобы человек смог установить и взять за основу какие-то новые ориентиры. Негативные формы свободы создавали некую путаницу, что касается свободы и разрешения, и игнорировали тот факт, что

свобода никогда не является чем-то противоположным ответственности.

Другая распространенная ошибка состоит в том, что свободу путают с *беспорядочностью*. Некоторые писатели в наши дни спорят о том, что если бы экономика свободной конкуренции - «позволить любому делать то, что он хочет» - претерпела изменения в ходе исторического развития, и наша свобода улетучилась вместе с ней. Эти авторы зачастую оперируют следующими понятиями: «Свобода подобна живому организму. Это нечто бесконечно малое. И если человека лишить права обладать средствами производства, он больше не сможет сам зарабатывать себе на жизнь. Тогда у него может вообще не оказаться никакой свободы».

И если эти писатели оказались правы, это действительно может привести нас к плачевным результатам - ведь кто же тогда сможет быть свободным? Не вы, и не я, и никто еще, за исключением очень маленькой группы людей, - поскольку в наше время огромных индустрий, лишь незначительные фракции людей могут - так или иначе - обладать средствами производства. Экономика свободной конкуренции *оказалась* великой идеей, в чем мы могли убедиться и на примере прошлых веков: но времена изменились, и практически любой в наши дни зарабатывает себе на жизнь посредством принадлежности к большой группе, будь-то индустрия или университет или профсоюз. Это гораздо более взаимозависимый мир, этот «единый мир» в нашем двадцатом веке, нежели мир предпринимателей в прежнее время или когда это у нас только начиналось; и свободу необходимо искать в контексте экономического сообщества и социальной ценности работы, а не в том, чтобы любой мог открыть собственную фабрику или университет.

К счастью, для такого рода экономической взаимозависимости не требуется разрушение свободы, если мы будем и дальше придерживаться своей перспективы. Пони экспресс оказалось неплохой идеей в те дни, когда отправить письмо с одного побережья на другое было неким приключением. Но, безусловно, мы преисполнены благодарности, - хотя можем и жаловаться на почтовые услуги в наши дни, - что теперь, когда пишем письмо другу куда-то на побережье, мы вряд ли станем задумываться о том, как оно будет доставлено; мы опускаем его в ящик в почтовом конверте с маркой и забываем об этом. Иными слова-

ми, мы можем посвящать больше времени и отводить больше внимания содержанию нашего письма к другу, нашему интеллектуальному и духовному взаимодействию в письме, потому что в мире, который стал меньше, благодаря специализированным способам коммуникации, нам не приходится придавать столь сильное значение тому, как это письмо туда попадет. Мы более свободны интеллектуально и духовно, главным образом, в силу того, что принимаем свою позицию в экономической взаимозависимости вместе со своими друзьями.

Я часто задавался вопросом, почему возникает такая тревога и столь сильный протест, что свобода будет утрачена, если мы не сохраним прежние практики невмешательства. Не будет ли одним из объяснений тот факт, что современный человек столь тщательно подчинил внутреннюю психологическую и духовную свободу всей той рутине, связанной с его работой и емкими паттернами, связанными с социальными убеждениями, что он понимает, что единственный имеющийся у него признак свободы - это возможность экономической экспансии. Не сделал ли он так, что свобода конкуренции со своим соседом является экономически последним напоминанием об индивидуальности, что, таким образом, и должно объяснять непосредственно значение свободы? Иными словами, если у представителей окраин нет возможности покупать автомобиль каждый год, выстроить большой дом и покрасить его в какой-то иной цвет, чем у соседа, не будет ли он тогда чувствовать, что его жизнь не имеет цели и что он перестанет существовать, как человек? Огромная ценность, которая придается конкуренции, свободе «ничегонеделания», как мне кажется, демонстрирует то, насколько нами было утрачено реальное понимание свободы.

Вне всякого сомнения, свобода является чем-то неделимым: и именно поэтому человек не может идентифицировать ее с какой-то определенной экономической доктриной или *сегментом* жизни, в меньшей степени с каким-то сегментом в прошлом; это живое существо, и его жизнь складывается, главным образом, из того, как сам человек соотносит себя с обществом окружающих его людей. Свобода означает открытость, готовность расти; она означает способность быть гибким, готовность к изменениям ради более высоких человеческих ценностей. Идентифицировать свободу с определенной системой, значит отрицать свободу - это кристаллизует свободу и переводит ее в

разряд догмы. Придерживаясь определенной традиции с подобными защитами, что если мы теряем нечто, хорошо работающее в прошлом, то мы теряем все, - никоим образом не отражает ни духовный аспект свободы, ни способствует росту свободы в дальнейшем. Наша вера должна соответствовать представлениям тех смелых людей, стоящих у истоков индустриализации, представителей коммерции и капиталистов шестнадцатого-девятнадцатого веков в западном мире, равно как и тех независимых жителей пограничной полосы нашей собственной страны, если мы будем имитировать их храбрость, отважиться мыслить столь дерзко, как это делали они, а также планировать наиболее эффективные экономические меры в наши дни, как это им удавалось в то время.

В настоящей книге акцент скорее делается на вопросах психологии, нежели экономики или социологии; и мы будем рассматривать более общую картину только потому, что человек всегда живет в социальном мире, и мир обуславливает его психологическое здоровье. Мы лишь хотели бы предположить, что наши социальные и экономические идеалы состоят в том, что общество, которое дает максимальные возможности для каждого человека в понимании себя, совершенствовании и использовании своих потенциальных возможностей, а также в труде, как человеку, имеющему чувство собственного достоинства, что-то отдающему и получающему от людей, окружающих его. Таким образом, хорошее общество - это такое общество, которое дает максимальную свободу своим людям - свободу, которой можно дать определение не в негативном смысле или защищаясь, но позитивно, как возможность реализовать свои более высокие человеческие ценности. Из этого следует, что коллективизм, как в случае с фашизмом и коммунизмом, есть отрицание этих ценностей, поэтому ему необходимо противостоять любой ценой. Но мы должны постараться как-то это преодолеть только потому, что посвящаем себя лучшим позитивным идеалам - это, главным образом, строительство общества, в основе которого будет лежать уважение людей и их свобода.

Что же такое свобода

Свобода - это способность человека как-то участвовать в собственном развитии. Это наша способность формировать себя. Свобода представляет другую сторону самоосознания:

если мы не способны к самоосознанию, то нас будет направлять инстинкт или автоматический ход истории, как пчел или мастодонтов. Но обладая той силой самоосознания, мы можем вспомнить, как мы поступили вчера или в прошлом месяце и извлекая для себя какие-то выводы из этих действий, мы можем оказывать влияние, даже пусть и незначительное, на то, как мы поступим сегодня. И мы можем представить в своем воображении какую-то ситуацию завтра - скажем, деловая встреча или интервью или встреча Совета Директоров - и, мысленно обдумав различные альтернативы, как мы будем действовать, мы сможем выбрать для себя наиболее подходящую.

Самоосознание позволяет нам выйти за пределы ригидной цепи стимулов и реакций, сделать некую паузу и, благодаря этой паузе, «пролить свет» на какую-то другую сторону, принять некое решение относительно того, какой может быть реакция.

Тому факту, что самоосознание и свобода сочетаются, можно найти подтверждение в том, что чем менее человек осознает себя, тем более он несвободен. Иными словами, чем более его поведение контролируется запретами, подавлением, некими детскими установками, которые он осознанно «забыл», но которые все еще управляют им на бессознательном уровне, тем более на него оказывают воздействие силы, которые он не в состоянии контролировать. Так, например, когда люди впервые обращаются за психотерапевтической помощью, они обычно жалуются на то, что ими «управляют» в самых разных направлениях: у них возникают неожиданные тревоги или страхи или они испытывают трудности в обучении или на работе, без какой-то конкретной причины. Они несвободны, т.е. ощущают себя связанными и руководствуются неосознаваемыми паттернами.

После нескольких месяцев психотерапевтической работы могут появиться незначительные изменения. Человек регулярно вспоминает свои сновидения; или же в ходе сессии он берет на себя инициативу, утверждая, что хотел бы изменить присутствующий субъект, получить какую-то помощь в решении определенной проблемы; или же он может заметить, что испытал злость на слова терапевта; или же он способен кричать, когда ранее никогда не мог себе позволить ничего подобного; или же неожиданно он начинает смеяться, свободно и открыто; или же он может говорить о том, что ему не нравится Мэри, с которой они формально были друзьями долгие годы, но ему симпатична

Кэролин. Таким образом, зарождающееся самосознание, - столь незначительный факт, как может показаться на первый взгляд, - все это очень тесно связано с его возрастающей способностью направлять собственную жизнь.

По мере того, как человек получает больше знаний о себе, пропорционально этому возрастает спектр его выборов и свободы. Свобода представляет собой суммарный результат; какой-то один выбор, содержащий в себе элемент свободы, способствует тому, что последующий выбор будет еще более свободным. Любое действие, связанное с обретением свободы, повышает пределы той периферии, в которой находится Я человека.

Мы вовсе не хотим сказать, что на жизнь человека не влияет огромное множество различных детерминирующих факторов. Если бы вам захотелось поспорить с тем, что мы детерминированы своим телом, ситуацией в экономике, тем фактом, что нам довелось родиться в двадцатом веке в Америке, я мог бы согласиться с вами; но к этому я бы добавил гораздо больше способов, способствующих психологической детерминированности, в частности, те тенденции, которые мы не осознаем. Но вне зависимости от того, насколько человек подвергает сомнению подобные мнения, имеющие отношение к детерминизму, он все же должен допускать то, что *существуют границы, в которых живой человек может осознавать, что является для него определяющим*. И даже если это произойдет на какие-то доли секунд, можно будет говорить о том, как он отреагирует на определенные детерминирующие факторы.

Таким образом, свободу можно увидеть в том, как мы относимся к реалиям жизни с разных ракурсов. Собираясь написать сонет, вы будете рассматривать иную реальность, с позиций законов ритма и ритмической структуры, а в случае необходимости, - соответствия слов; или же если вы собираетесь построить дом, то можете столкнуться с разного рода детерминирующими факторами, что касается выбора кирпича, известкового раствора и лесоматериала. Важно то, что вы знаете, с каким материалом работаете и принимаете его ограничения. Но то, *что* вы скажете в этом сонете, как отмечал Альфред Адлер, целиком и полностью принадлежит вам. Этот паттерн и стиль постройки вашего дома и есть результат того, как вы, располагая некоей свободой, используете в реальности конкретный материал.

Споры относительно «свободы *против* детерминизма» являются ошибочными просто потому, что неправильно считать свободу некоей отдельной электрической кнопкой под названием «свободная воля». Свобода в том, насколько она присутствует в жизни человека и согласуется с ее реалиями - реалиями столь простыми, как необходимость в отдыхе и еде или предельных данностях, таких как смерть. Мейстер Экхарт в одном из своих глубоких психологических исследований как раз говорил о таком подходе к свободе «Когда вы испытываете затруднения, ваши проблемы - в ваших установках». Свобода - это когда мы принимаем реалии не в силу слепой необходимости, но благодаря выбору. Это означает, что принятие ограничений вовсе не требует того, чтобы «отказываться», но может и должно представлять конструктивный шаг в направлении свободы. Кроме того, может оказаться, что вследствие такого выбора человек получит более творческие результаты, чем если бы ему пришлось вести борьбу против каких бы то ни было ограничений. Человек, преданный свободе, не тратит время, тщетно ведя борьбу с реальностью; напротив, как отмечал Кьеркегор, он «превозносит реальность».

В качестве иллюстрации давайте приведем ситуацию, когда людей очень сильно контролируют, т.е. они больны, и у них такое заболевание, как туберкулез. Практически всегда их действия ригидно обусловлены тем фактом, что они находятся в санатории строго режима, им приходится отдыхать в определенное время, они могут выходить на прогулку лишь пятнадцать минут в день и так далее. Но все же есть разница в том, как люди относятся к реалиям своего заболевания. Одни сдаются и в буквальном смысле зывают смерть. Другие делают то, что от них ожидается, но они постоянно сопротивляются тому, что «природа» или «Бог» наградили их таким заболеванием и хотя они открыто принимают это, внутри у них идет борьба. Как правило, эти пациенты не умирают, но и лучше им тоже не становится. Как мятежники в любой другой области в жизни, они выбирают стабильность, постоянно топчась на одном и том же месте.

При этом иным пациентам удастся честно посмотреть правде в глаза и признать тот факт, что они серьезно больны; и в те долгие часы, когда они лежат в своих кроватях на веранде санатория, этот трагический факт проникает в их сознание. Они пытаются что-то отыскать в своем сознании, чтобы понять, что

же они делали не так в своей жизни, что пали жертвой болезни. Они рассматривают этот жестко детерминированный факт своей болезни, как некую магистраль, чтобы почерпнуть новые знания о себе. Это та категория пациентов, которым удастся выбрать для себя определенные методы и самодисциплину и найти им подтверждение - которые никогда не могут быть представлены в виде правил, но претерпевают изменения каждый день; и которые победоносно проведут их через болезнь. Это те из них, которым удастся не только обрести физическое здоровье, но также, в конечном счете, выйти более свободными, обогащенными и обрета некую внутреннюю силу благодаря тому опыту, что они справились со своей болезнью. Они подтверждают свою элементарную свободу знать и формировать какие-то детерминированные события; они способны посмотреть правде в глаза и свободно признать этот жестко детерминированный факт. Достаточно спорно, может ли кто-то обрести здоровье, не подходя осознанно к своему выбору быть здоровым, но всякий, кто делает такой выбор, становится более интегрированной личностью в силу того, что он испытал на себе, что такое болезнь.

Благодаря этой способности сделать некий обзор своей жизни человек может выходить за пределы непосредственных событий, которые детерминируют его жизнь. Вне зависимости от того, был ли у него туберкулез или это раб, подобно римскому философу Эпикету, или узник, приговоренный к смертной казни, - он все еще волен сделать свободный выбор, как он будет относиться к этим фактам. И то, *как* он относится к столь безжалостному реалистичному факту, как смерть, может оказаться более важным для него, чем сама смерть. Наиболее драматичные иллюстрации свободы можно проследить в «героических» поступках, например, решении Сократа испить яда, чем пойти на компромисс; но даже более значительной является лишенная драматизма, непрерывная ежедневная практика реализации свободы любым человеком, который стремится к психологической и духовной интеграции в столь обезумевшем обществе, как наше.

Таким образом, свобода - это не просто сказать «Да» или «Нет» в отношении какого-то решения: это сила формировать и созидать самих себя. Свобода - это способность, - по словам Ницше, - «стать тем, что мы есть на самом деле».

Свобода и структура

Свобода никогда не происходит в вакууме; это не анархия. В начале этой книги мы уже отмечали, как самоосознание ребенка рождается в структуре его отношений со своими родителями. И мы уже подчеркивали то, что человек обретает психологическую свободу не так, как если бы он был Робинзоном Крузо на необитаемом острове, но в непрерывном взаимодействии с другими значимыми людьми в его мире. Свобода - это вовсе не попытки человека жить в изоляции. Это не значит, что когда человек способен противостоять своей изоляции, он может осознанно выбирать действия, с определенной ответственностью, в структуре своих отношений с миром, в особенности миром других окружающих его людей.

Абсурдные результаты, когда на структуре не делается адекватный акцент, можно проследить в некоторых работах лидера французского экзистенциализма, Жана Поля Сартра. Главный герой в романе Сартра *Возраст зрелости*, очевидно, представлен как поступающий свободно, на самом деле, непостоянство и нерешительность - вот главные спутники его жизни; неизменно возникающее у него сексуальное желание каждую ночь, некие ожидания от него его партнерши, а также другие случайные внешние события - все это влияет на его поступки. В результате, читая эту книгу, у человека может возникнуть ощущение вакуума и пустоты, и он может слегка недоумевать «А какая разница?» Настроение, возникающее в этом романе, прямо противоположно тому беспокойству о человеке и его свободе, отстаиваемые Сартром в его теории. В драме Сартра *Красные перчатки*, главному герою коммунисту недостает решительности исполнить свою миссию убить диктатора, и, в конечном счете, его доводят до этого, лишь когда он находит свою жену в объятиях другого мужчины. Таким образом, критики данной пьесы описывали главного героя (и, как мне видится, вполне оправданно) как взрослого бойскаута, с очень явными проявлениями сексуальной ревности.

Сущностью экзистенциализма Сартра, а также других направлений, является вера в способность человека позаботиться о своей свободе и внутренней интегрированности, когда можно умереть или совершить самоубийство, если это будет необходимо. Экзистенциализм Сартра возник как движение сопротивления во время последней войны во Франции, в которой Сартр

и другие демонстрировали невероятную смелость в борьбе; и вполне возможно, что такое движение в значительной степени позаимствовало витальность и структуру в этой борьбе за свободу Франции. Но что-то происходит не так, когда такое движение становится изощренной прихотью, о чем могут рассказать нам те, кому довелось путешествовать по Франции, некоей вдохновляющей идеей для юных парижских дилетантов.

Нельзя не согласиться с основополагающим мнением Сартра, что человеку никуда не уйти от необходимости самому принимать окончательные решения, и что его существование как личности опирается на эти выборы или терпит фиаско; и принятие этих решений в своем окончательном анализе, будучи свободным и наедине с самим собой, может сопровождаться как в буквальном смысле, так и фигуральном, агонией тревоги и внутренней борьбы. Но тот факт, что люди *могут* делать свободный выбор и иногда умирают за эту свободу (все это очень странные явления, в какой-то степени противоположные той или иной идее простого самосохранения), означает некие глубинные явления в отношении природы человека и человеческого существования. Никто не станет отдавать свою жизнь за что-то негативное в борьбе или иные отрицательные моменты. Человек может отдать свою жизнь за какое-то безнадежное дело, но он умирает за очень сильные позитивные ценности, такие как чувство собственного достоинства и целостность. Пустота, о которой говорит Сартр, возникает ввиду неспособности анализировать те самые предпосылки в отношении свободы, которым он открыто предан. Что же может произойти с экзистенциализмом Сартра по мере того, как он уходит еще дальше от движения французского сопротивления. Некоторые ярые критики утверждали, что это может перейти в авторитарность: Тиллих говорил о католицизме, а Марсель предсказывал, что это закончится марксизмом.

Мы не ставим здесь своей целью вдаваться в подробности относительно того, какой именно должна быть структура отношений человека с миром. Существует множество различных подходов. Греки называли это «логосом» (отсюда определение «логический»). Стоики говорили о «естественном законе», определенной «форме» жизни, которой человек руководствуется, чтобы быть счастливым. В семнадцатом и восемнадцатом веках существовала вера в «универсальную причину». Нам бы

хотелось лишь подчеркнуть то, что человек мыслящий в любом возрасте занят поиском и описанием различными способами некоей структуры; и что каждый человек предполагает, осознанно или бессознательно, некую структуру, в соответствии с которой он действует. Большинство людей старается придерживаться определенных правил, возникающих из их бессознательной конформности тому, что ожидается обществом. То, что мы описывали как «конформность» и «авторитарность», служат бессознательно признаваемой структурой для многих людей в наши дни. В любом случае лучше обратиться к своему Я вполне осознанно, какой структуры оно придерживается.

Адекватное представление о структуре, безусловно, представляет определенную проблему для философии, религии и этики, взаимодействующей с социальными науками, включая психологию. В данной книге мы затрагиваем, главным образом, психологию и уже отмечали некоторые доводы относительно нашей психологии с точки зрения понимания нами потребностей человека и его взаимоотношений, что имеет отношение к вопросу структуры. В последующих главах мы будем больше затрагивать вопрос, какая структура - в этике, философии и религии - способствует наиболее полному пониманию потенциальных возможностей человека.

«Выбирая свое Я»

Человек не может обрести свободу автоматически; она достигается. И ее нельзя обрести «в мгновение ока»; этого необходимо добиваться каждый день. Так, Гете еще и еще раз напоминает нам об этом окончательном уроке, усвоенном Фаустом:

Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил:
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.

Главный шаг в обретении внутренней свободы - это «выбор своего Я». Цитата Кьеркегора, которая звучит достаточно странно, еще раз подтверждает ответственность человека за свое Я и собственное бытие. Это отношение, которое является противоположным слепому случаю или рутинному существованию; это позиция, основанная на жизненности и решительности; она

означает, что человек признает то, что он существует в этом определенном месте во Вселенной и признает ответственность за свое существование. Это то, что подразумевал Ницше под «желанием жить» - это не просто инстинкт самосохранения, но желание принять тот факт, что человек имеет свое Я и брать на себя ответственность за реализацию собственной судьбы, что в свою очередь подразумевает принятие того факта, что человек должен сам делать свои главные выборы.

Мы сможем увидеть более отчетливо, что выбор своего Я и своего бытия означает взглянуть на противоположное - выбор не существовать, т.е. совершить самоубийство. О важности самоубийства свидетельствует тот факт, что существует множество способов, как люди фактически убивают себя. В действительности, это случается крайне редко, за исключением случаев психотиков. Но в психологическом и духовном смысле сама мысль о самоубийстве имеет более широкое значение. Существует такая вещь, как психологическое убийство, когда человек не лишает себя жизни, предпринимая какое-то определенное действие, но умирает потому, что он сделал свой выбор - возможно, до конца не осознавая этого - не жить. Не так редко нам приходится слышать о разного рода последствиях катастроф; например, недавно затонувшее рыболовное судно. Два человека - один молодой и второй постарше - зацепились за бревно в бушующем море. Около часа им удавалось как-то держаться на воде, и молодой человек сказал второму пожилому человеку, что чувствует себя совсем молодым, чтобы принять смерть. И вдруг, со словами «Я кончен; пока, Поп» он отпустил бревно и пошел ко дну. Безусловно, мы не можем судить о внутренних психологических процессах на основании тех фактов, что человек, у которого, по-видимому, все же оставались какие-то силы, очевидно, отказывается от борьбы и выбирает смерть; но здесь мы можем лишь предполагать, что он действовал в соответствии с какими-то внутренними убеждениями, выбирая - не жить больше.

Другой иллюстрацией может быть жизнь людей, посвятивших себя определенным задачам, например, заботиться о любимом больном человеке или закончить какую-то важную работу. Они продолжают идти вперед в непростых обстоятельствах, как если бы было принято решение, что им «приходится» жить; и потом, когда задача выполнена, когда «успех» достигнут, они устремляются к смерти, как будто бы руководствуясь каким-то

внутренним решением. Кьеркегором было написано двадцать книг в течение четырнадцати лет, последнюю он завершил, когда ему было около сорока двух лет, и потом - мы даже бы сказали «в заключение» - он лег на кровать и умер.

Подобные случаи, когда человек выбирает не жить, показывают, насколько решающим может оказаться выбор жить. Мы не уверены в том, может ли кто-то действительно начать жить, иными словами, подтвердить и выбрать собственное бытие до тех пор, пока он честно не встретится лицом к лицу с тем ужасающим фактом, что он мог положить конец своему существованию, но *выбрал* не делать этого. Поскольку человек свободен выбирать собственную смерть, он также свободен выбирать и свою жизнь. Тогда рушится вся его привычная рутина: он уже больше не существует как результат случайного зачатия своих родителей, а взрослеет и продолжает свою жизнь как бесконечно малая частичка на «беговой дорожке» причины и следствия. Этот человек вступает в брак, пускает на свет новых детей, становится старше и умирает. Поскольку он мог сделать свой выбор умереть, но не выбрал этот путь, соответственно, любое его действие впоследствии становилось отчасти возможным, благодаря этому выбору. Тогда любой поступок несет в себе особый элемент свободы.

Зачастую люди действительно переживают опыт психологического самоубийства в некоторых сферах своей жизни. Мы представим здесь две иллюстрации, которые, надеемся, прояснят главный вопрос. Некая женщина считает то, что она не сможет жить, если конкретный мужчина не будет ее любить. Когда он женится на ком-то еще, она предпринимает попытку самоубийства. Размышляя на эту тему в течение нескольких дней, она пускается в фантазии «Предположим, что я сделала это». Но потом она вдруг подумала, что «После того, как я сделаю это, все же было бы неплохо ощущать себя живой в иных сферах - ведь по-прежнему светит солнце, можно почувствовать живительную прохладу воды на своем теле, есть возможность что-то предпринять еще», и неожиданно это наводит ее на мысль, что могут быть и другие люди, которых можно любить. Поэтому она принимает решение жить. Если предположить, что данное решение принимается скорее в силу каких-то позитивных доводов, а не просто страха умереть или по инерции, в действительности благодаря данному конфликту она смогла обрести некую новую

свободу. Это как если бы какая-то часть ее, которая цеплялась за того мужчину, совершила самоубийство, и в результате она могла начать жизнь заново. Подобную возрастающую жизнеспособность Эдна Сент-Винсент Миллей описывает в стихотворении «Ренессанс»:

И совершил прыжок из норки
И возвестил тот мир, в котором мы живем,
Тем воплем радости-
Все тот, кто был когда-то мертв, и вновь живой.²³

Или же молодой человек полагает, что он никогда не будет счастлив, если не станет хоть немного известен. Он начинает осознавать свою компетентность и значимость, скажем, в качестве ассистента профессора; но чем выше он поднимается по лестнице, тем отчетливее видит, что всегда есть люди выше его, что «много званых, но мало избранных», что лишь очень немногие становятся известными, и что все может закончиться тем, что он просто станет хорошим и компетентным преподавателем. Потом он может ощущать себя как незначительную песчинку, всю свою жизнь бессмысленной, равно как и не чувствовать себя живым. В более депрессивном состоянии, у него появляются мысли о суициде. Рано или поздно он также задумывается «Ну, хорошо, предположим, что я сделал это - и что же тогда?» И неожиданно у него возникает мысль, что если бы ему удалось прийти в себя после совершенного самоубийства, в его жизни осталось бы столько самого разного, даже если бы он не был знаменит. И тогда он выбирает жизнь такой, какая она есть, не требуя славы. Это как если бы какая-то часть его, которая не могла жить, не получив известность, все-таки совершает самоубийство. И отказываясь от своей потребности в славе, он может также понимать на некотором промежуточном этапе, что те вещи, которые приносят неизменную радость и внутреннюю безопасность, - так или иначе, - имеют очень мало общего с внешними и изменчивыми стандартами общественного мнения. Тогда он сможет лучше оценить мимолетную мудрость фразы Эрнеста Хемингуэя: «Да кому, черт возьми, нужна сей-

²³ Lines from "Renascence" in *Renascence and other Poems*. Published by Harper & Brothers. Copyright, 1940 by Edna St. Vincent Millay. (Эдна Сент-Винсент Миллей, *Ренессанс и другие стихотворения*.)

час вся эта слава? Я хочу быть хорошим писателем - только и всего». И, в результате, отчасти совершив самоубийство, он может прояснить свои собственные цели и испытывать большую радость при реализации своих потенциальных возможностей, обнаружив и вобрав в себя истину, как ему это видится, и внося свой собственный уникальный вклад, который будет скорее результатом его честности, нежели зависимостью от славы.

Мы бы хотели еще раз подчеркнуть то, что реальный процесс этих частичных психологических самоубийств является гораздо более сложным, чем можно увидеть на примере этих иллюстраций. На самом деле некоторые люди - возможно, большинство людей - следуют в противоположном направлении, когда им приходится отказаться от своей потребности: они находят себе какое-то убежище, обедняют свою жизнь и становятся менее свободными. Но нам бы хотелось лишь прояснить то, что имеется некий позитивный аспект в частичном самоубийстве, и что смерть какой-то одной установки или потребности может оказаться, с другой стороны, рождением чего-то нового (что и является законом роста в природе, и это касается не только людей). Желая положить конец невротизму, зависимости, «зацепкам», человек потом обнаруживает, что он может сделать выбор жить как более свободная личность. И к той женщине в нашем примере во время более глубокого инсайта может придти осознание того, что ее так называемая любовь к мужчине, из-за которого она могла бы совершить самоубийство, - это никакая вовсе не любовь, но тот самый паразитизм, когда ей хочется зацепиться за кого-то, что граничит с желанием обрести власть над этим мужчиной. «Смерть» какой-то части своего Я зачастую сменяется возросшим осознанием жизни, возросшим ощущением возможностей.

Когда человек осознанно делает свой выбор жить, происходят две другие вещи. Во-первых, его ответственность за самого себя предстает в новом свете. Он принимает ответственность за собственную жизнь не как что-то такое, что было взвалено, некое бремя, возложенное на него: но как то, что он выбрал сам. Ведь теперь он, этот человек, существует как результат принятого им самим решения. Несомненно, любой думающий человек понимает теоретически, что свобода и ответственность следуют вместе: если человек несвободен, то он действует на автомате и, очевидно, у него отсутствует такое понятие, как ответственный-

ность, а если человек не может нести ответственность за самого себя, то ему нельзя доверить и свободу. Но когда человек «выбирает себя», такое партнерство свободы и ответственности становится больше, чем красивая идея: он и сам это чувствует; выбирая самого себя, он осознает, что выбрал одновременно и свободу личности и ответственность за самого себя.

Другой момент - это то, что дисциплина извне переходит в *самодисциплину*. Человек принимает дисциплину не потому, что ему так велено - ведь кто может приказать что-то тому, кто свободно несет ответственность за собственную жизнь? - но потому, что он осуществил свой выбор с еще большей степенью свободы, когда речь идет о том, что бы он хотел предпринять с собственной жизнью, и дисциплина необходима ради тех ценностей, которых он хочет достичь. Такого рода самодисциплине можно дать красивое определение - Ницше называл это «любовь к своей судьбе», а Спиноза говорил о повиновении законам жизни. Но вне зависимости от красоты данных определений или их отсутствия - все это, по моему разумению, и есть тот самый урок, который каждый из нас постепенно постигает в своей борьбе на пути к зрелости.

Глава 6

Творческое самоосознание

Человек - это «нравственное животное». Нравственное потенциально, даже если в действительности это, увы, не так. Его способность к нравственным суждениям - скажем, о свободе, мотивации и иных составляющих человеческого бытия - основана на знании самого себя.

Несколько лет назад, в психологической лаборатории в Гарварде, Доктор Хобарт Моурер провел небольшой эксперимент, который в дальнейшем получил известность. Цель данного эксперимента состояла в том, чтобы проверить «нравственные» чувства у крыс. Могут ли крысы устанавливать баланс между долгосрочными благоприятными и неблагоприятными последствиями своего поведения и действовать соответственно? Перед голодными животными были разбросаны в кормушках шарики из пищи, но план состоял в том, что они должны были усвоить своеобразный этикет крыс - подождать три секунды, прежде чем завладеть пищей. Если крыса не выжидала это время, то она получала наказание в форме электрического шока, который поступал через пол клетки.

Сразу же после наказания, когда крысам приходилось очень быстро схватить пищу, они вскоре научились тому, как «вежливо» подождать и лишь потом завладеть пищей и спокойно наслаждаться ей. Это означает, что они могли интегрировать свое поведение согласно установке «подожди немного или же ты пожалеешь о содеянном». Но когда наказание откладывалось, скажем, на девять или двенадцать секунд после того, как крысы нарушали это правило этикета, у них возникали очень серьезные проблемы. После того, как последовало наказание, большинство крыс уже не могло ничему научиться. Они становились «делинквентными» - т.е. схватывали пищу волей-неволей, вне зависимости от того, последует ли за этим наказание. Или же - «невротиками» - они все равно отходили от пищи и уходили голодными и фрустрированными. Здесь важный момент состоит в том, что они не могли найти некий баланс между негативными последствиями какого-то поступка в дальнейшем и их желанием пищи сейчас.

Этот небольшой эксперимент показывает разницу между человеком и крысами. Человек может «предусмотреть до и после». Он может выйти за пределы настоящего момента, может помнить прошлое и планировать будущее и, соответственно, выбирать хорошее, что оказывается сильнее, но не произойдет до какого-то определенного момента в будущем, отдавая предпочтение чему-то менее значительному, происходящему непосредственно сейчас. Таким же образом он может переживать потребности и желания кого-то другого, может представить себя на месте другого и, соответственно, сделать свой выбор, имея благие намерения, как для других, так и самого себя. Это начало способности, какой бы несовершенной и рудиментарной она ни была у большинства людей, «возлюбить ближнего своего» и осознать связь между собственными поступками и благополучием в обществе.

Человек может не только выбирать подобные ценности и цели, но он также является животным, которое должно поступать так, если он хочет достичь некой интеграции. Ведь ценность - цель, к которой он стремится, - является для него психологическим центром, неким ядром интеграции, объединяющим его возможности, как ядро магнита притягивает силовые линии магнитного поля. Мы уже отмечали в предыдущей главе, что знание того, чего человек хочет, является основным в самом начале формирования способности к саморегуляции у ребенка и молодого человека. Знание того, что хочет человек, - это просто элементарная форма того, что у зрелого человека представляет способность выбирать свои собственные ценности. Зрелость человека определяется тем, что его жизнь интегрирована вокруг целей, которые он выбрал сам: он знает собственные потребности уже не просто как ребенок, который хочет мороженого, но как взрослый человек планирует и осуществляет некую работу, будь-то творческие любовные отношения или достижения в сфере бизнеса или что бы то ни было. Он любит членов своей семьи не потому, что случай распорядился так, что он оказался именно в этой семье, но потому, что действительно считает их достойными и делает свой выбор любить их; и он не только действует и функционирует на автомате, но потому, что осознанно верит в ценность того, что он делает.

Как мы уже могли видеть в предыдущей главе, тревога, неопределенность и пустота - хронические психические расстрой-

ства нашего современника - переживаются человеком, главным образом, ввиду того, что его ценности оказываются запутанными и противоречивыми, и у него отсутствует психическое ядро. К этому мы теперь можем добавить то, что степень внутренней силы человека и его целостность будут зависеть от того, насколько он сам верит в те ценности, которыми руководствуется в жизни. В настоящей главе мы постараемся рассмотреть, как зрело и творчески человек может выбирать и утверждать собственные ценности.

Во-первых, ваши ценности и мои, а также наши сложности с их утверждением, - все это очень сильно зависит от того времени, в которое нам довелось жить. И это всегда было так: в переходный период, когда любая мысль сопровождалась сомнением и воспринималась не без доли скепсиса, перед человеком стояла более сложная задача. Гете, у которого не было необходимости отстаивать собственную точку зрения, чтобы обрести веру в обычном смысле этого слова, писал «Все эпохи, в которых царит вера, в какой бы то ни было форме, - являются восхитительными, значимыми и эффективными сами по себе, и все это ведет к процветанию. С другой стороны, все эпохи, в которых скептицизм, в какой бы то ни было форме, достигает сомнительного триумфа, даже если они и будут преисполнены гордости на какое-то время ввиду присвоенной славы, теряют смысл...» поскольку никто не может получить удовольствие от того, что он упорно ведет борьбу с тем, «что, в сущности, представляет стерильность».

Если в этом довольно высокопарном высказывании Гете подразумевает - и верит в это - убеждения, дозволенные в обществе, придавая им центральное значение, а у его членов возникает некое ощущение цели, тогда его утверждение будет исторически точным. Нам остается лишь вспомнить век Перикла в Греции или времена Исайи или Париж в девятнадцатом веке или Ренессанс и семнадцатом веке, чтобы увидеть, как подобные общие убеждения объединяют вместе творческие силы в определенный период времени.

Но в переходные периоды или этапы дезинтеграции исторического развития, как, например, на закате Эллинизма и в период упадка Средневековья также можно было наблюдать кризис «веры». Тогда, как правило, происходят две вещи. Во-первых, убеждения и традиции, укоренившиеся в обществе, как прави-

ло, принимают некие застывшие формы, подавляющие индивидуальную жизнеспособность. Так, например, символы, весьма распространенные в те годы, когда все шло на убыль в Средние века, становятся сухими, пустыми формами, которые легко оспорить, но лишены содержания. Второе, что происходит в подобные переходные периоды, - это то, что жизнеспособность отделяется от традиции и принимает характер диффузного непослушания, утратив свою силу, наподобие потока воды, который может устремиться в любом направлении на земле. В этом, если говорить в общих чертах, и состояла та причина, с которой мы столкнулись в 20-е годы.

Не в этом ли, грубо говоря, и состоит дилемма в наши дни? Не захватывают ли нас авторитарные тенденции, с одной стороны, и жизненные силы, лишённые какого бы то ни было направления, - с другой? Не знаю, согласятся ли все читатели с моей интерпретацией фрагментов истории, - безусловно, историю можно интерпретировать с разных позиций, и вряд ли стоит оспаривать то, что во времена социальных потрясений, как в наши дни, люди страдают от ощущения «отсутствия корней» и начинают стремиться к авторитарности и уже существующим институтам, как некоей гавани, в которой он может обрести безопасность в бурю. Как отмечают Доктор и Миссис Линд в своем исследовании американского небольшого городка в период депрессии, Миддлтаун в переходный период, «Большинство людей оказываются неспособны вынести изменения и неопределенность одновременно во всех сферах жизни». Поэтому жители Миддлтауна переходили к более консервативным авторитарным нормам в экономике и политике, более ригидным моральным установкам и скорее тяготели к консерваторам и фундаменталистам, нежели либерально настроенным институтам церкви.

Опасность в середине двадцатого века состояла в том, что люди, пребывающие в растерянности и испытывающие неопределенность, а иногда даже панику в отношении своей веры (как это происходило в Европе в 1930-е годы) начинают придерживаться деструктивных и каких-то сверхъестественных ценностей. Таким образом, наступил коммунизм, чтобы заполнить «этот вакуум веры, вызванный упадком существующей веры», как писал Артур М. Шлесингер. «Это дает некое ощущение Цели, способной исцелить от агонии тревоги и сомнений вну-

три». Мы можем не бояться того, что эта нация станет коммунистической, - как и я не являюсь коммунистом, - но принятие деструктивных ценностей само по себе проявляется и в других областях в нашем обществе. Есть неопровержимые доказательства того, что авторитарные, реакционные тенденции возрастают - в религии, в политике, в образовании, в философии, а также в тенденциях к догматизму в науке. Когда люди ощущают угрозу и тревогу, они становятся более ригидными, а испытывая сомнения, они, как правило, становятся еще более догматичными; и тогда они лишаются своих жизненных сил. На обломках традиционных ценностей они пытаются выстроить некое защитное укрытие и потом спрятаться за ним; или же открыто совершают панический регресс в прошлое.

Но многие сталкиваются с тем, что регресс в прошлое ничего не дает. К счастью, такие книги, как Возвращение к религии Генри Линка, являются столь преходящими по силе своего влияния, сколь и их временная популярность. Подобные попытки направлены, главным образом, на защиту самого себя: человек никогда не может применять некий «центр» извне. Возрождение интереса к религии, как это было в период распада в эпоху Эллинизма, поскольку начали «сдавать нервы», как отмечал Гилберт Мюррей, не несет в себе ничего хорошего ни для общества, ни для самих людей. Несмотря на всю сложность задачи, нам необходимо принять себя и то общество, в котором мы живем, а также обрести собственное нравственное ядро через более глубокое понимание самих себя, равно как и смело противостоя той исторической ситуации, в которой мы оказались.

В последние годы отмечался рост иного движения, которое очень отличается от «возврата к религии». Многие интеллигентные и тонко чувствующие люди стали все больше и больше осознавать свою утрату, будучи оторванными от религиозных и нравственных традиций в культуре. А людям, не очень хорошо знакомым с учениями Исаяи, Йоба, Иисуса, Будды, Лао-Цзы недостает какого-то главного смысла в век, когда человек должен заново открывать свои ценности. И они вновь обращаются к нравственной и религиозной мудрости прошлого. Некоторые свидетельства этих тенденций можно обнаружить в статьях Давида Райсмана, например, «Фрейд, наука и религия» в Американском теологе, а также в работах Хобарта Моурера. Четыре издания подряд в Партизан Ревью в 1950 году были полностью

посвящены статьям писателей, поэтов и философов по данной теме «Религия и Интеллигенция».

Поскольку подобные тенденции не только результат тревоги в наши дни, - и это далеко не так, - они оказывают воистину благотворное воздействие. Но опасность состоит в том, что некоторые интеллигенты, будучи новичками в данной области и, соответственно, менее способные дифференцировать в данный момент, склонны придерживаться более очевидных и существенных, но менее глубоких аспектов религиозной традиции. Если подобный интерес интеллигенции к религии будет существенно способствовать росту авторитарности и реакционности, то мы можем оказаться в еще большем проигрыше.

Таким образом, реальная проблема состоит в том, чтобы разграничить то, что можно считать здоровым в этике и религии, а для этого требуется безопасность, которая скорее повышает, а не умаляет ценность человека, его ответственность и свободу. По аналогии с предыдущими главами, давайте начнем с вопроса, как зарождается и совершенствуется здоровое нравственное сознание у человека.

Адам и Прометей

Человек - это нравственное животное, но его достижения, связанные с нравственным осознанием, не столь просты. Его нравственные суждения не возникают столь же просто, как у растущего цветка, который тянется к солнцу. В действительности, подобно свободе и другим аспектам самоосознания, нравственное осознание достигается только ценой внутреннего конфликта и тревоги.

Этот конфликт нашел свое отражение в удивительном мифе о первом человеке, в библейской истории об Адаме. В этой древней Вавилонской легенде, переписанной и перенесенной в Ветхий Завет около 850 лет до рождения Христа, показывается, как одновременно происходит нравственный инсайт и рождается самоосознание. Наподобие истории о Прометее и другим мифам, в этой легенде об Адаме находит отражение некая прописная истина, на которой выросло не одно поколение людей, не потому, что она относится к какому-то определенному историческому событию, но поскольку в ней представлен некий глубокий внутренний опыт, который переживают все люди.

Адам и Ева, как гласит история, живут в Эдемском Саду, и сказал Бог «да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево плодовитое, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо». В этом дивном месте им были неведомы ни усердный труд, ни желание. И что особенно важно, у них не было ни тревоги, ни чувства вины: они «не знали, что были оба наги». Им не приходилось в муках добывать себе пропитание, равно как они не испытывали ни внутренних психологических конфликтов, ни духовных конфликтов с Богом.

Но запретил Господь Адаму вкушать от древа познания добра и зла и древа жизни в Саду, «чтобы не уподобился он Богу в знании добра и зла». Когда Адам и Ева отведали плод этого первого дерева, «у них открылись глаза»; и первым свидетельством того, что они познали добро и зло, было их переживание тревоги и чувства вины. Они «поняли, что наги», и когда в полдень Бог прогуливался в саду во время одной из своих ежедневных прогулок, как повествует нам автор по-детски непосредственно и открыто, Адам и Ева спрятались от него за деревьями.

Придя в ярость из-за их непослушания, Бог повелел, что будет им за это наказание. Женщина должна была возделывать к своему мужу и в муках рожать детей, а мужчине Бог дал наказание в труде.

«в поте лица твоего будешь есть хлеб,
доколе не возвратишься в землю,
из которой ты взят,
ибо прах ты и в прах возвратишься»

В этой удивительной истории действительно описаны те простые вещи, которые происходили с первыми людьми в Месопотамии, что случается в развитии любого человека в возрасте от одного до трех лет, а именно: появление самоосознания. До этого человек жил Эдемском Саду, который является символом того периода существования в утробе и раннего детства, когда о человеке полностью заботятся его родители, его жизнь наполнена теплом и комфортом. Сад символизирует то положение, которое остается за детьми, животными и ангелами, когда нравственный конфликт и ответственность не существуют: это тот период невинности, когда человеку «неведомы ни стыд, ни

чувство вины». Подобные картины рая, когда отсутствует какая бы то ни было деятельность с результатами труда, можно встретить - в той или иной форме - в литературе, и они, как правило, представляют некий возврат к чему-то исходному в своем, преисполненном романтики, стремлении к тому раннему состоянию, предшествующему самоосознанию или более предельному состоянию, с которым эта пора невинности имеет много общего психологически, а именно: существование в утробе.

Далее в мифе говорится о том, что с утратой «невинности» и рудиментарных основ нравственной чувствительности человек наследует определенное бремя самоосознания, тревоги и чувства вины. Так же у него возникает и сознание того, - хотя оно может и не появиться до недавнего времени, - что он возник «из ничего». Иными словами, он понимает, что когда-то умрет; т.е. осознает свою конечность.

С позитивной стороны, вкусить плод с древа познания и получить знания о правильном и неправильном означает рождение психологической и духовной личности. В действительности, Гегель говорил о мифе «падения» человека как «падении вверх». Первые иудейские писатели, включившие этот миф в Книгу Бытия, также могли представить его как повод для исполнения божественных песен и веселья, ведь именно в этот день - а не в момент сотворения Адама - родился человек. Но поражает то, что все это представлено как происходящее против воли Бога и библейских заповедей. Бог изображается как преисполненный злости за то, что «человек стал, как один из нас; что он способен отличить добро от зла; и теперь предположим, что он может протянуть руку и также взять плод с древа жизни и, отведав его, - будет жить вечно!»

Можем ли мы поверить в то, что этот Бог не хотел, чтобы человек обрел знания и нравственную чувствительность - этот Бог, о котором нам только что упоминали в Книге Бытия, Бог, создавший человека по образу и подобию своему, если это вообще о чем-либо говорит, и означает подобие Богу, в отношении свободы, творческого самовыражения и нравственного выбора? Можем ли мы предположить, что Бог хотел держать человека в состоянии невинности и психологической и нравственной слепоты?

Подобные смыслы настолько не согласуются с тонкими психологическими инсайтами, связанными с этим мифом, что нам

следует постараться найти какие-то другие объяснения. Безусловно, этот миф, берущий свое начало в тот смутный период истории развития от трех тысяч до тысячи лет до появления Христа, отражает упрощенную точку зрения. Вполне можно понять, что эти первые рассказчики не могли как-то разграничить конструктивное самоосознание и бунт, принимая во внимание тот факт, что многим людям даже в наши дни очень непросто провести это различие. Кроме того, Богом в мифе был Яхве, древнейшее и самое первое иудейское родовое божество, печально известный как ревнивый и карающий бог. Именно против жестоких и безнравственных методов Яхве протестовали иудеи в более позднее время.

Мы можем пролить свет на это странное противоречие в мифе об Адаме, рассматривая параллельно греческие мифы о Зевсе и других божествах на Горе Олимпа, которые возникли в тот же самую древнюю эпоху. Самый близкий к истории об Адаме миф в греческой мифологии - это миф о Прометее, который украл огонь у богов и отдал его людям, чтобы они могли получать тепло и что-то производить. Разъяренный Зевс, увидев отдаленный свет на земле и поняв, что у смертных есть огонь, схватил Прометея и пригвоздил к Кавказскому хребту. В изощренном воображении Зевса родилась пытка, которая состояла в том, что прилетающий сюда каждый день орел расклевывал у Прометея печень, за ночь печень отрастала, и орел вновь прилетал и расклевывал ее; так этим мукам несчастного Прометея не было конца.

Что касается наказания, то по жестокости Зевс превзошел Яхве. Ибо греческий бог, затаившийся в гневе, узнав, что у человека теперь есть огонь, собрал все болезни, печали и пороки в сундук, по форме напоминающий мотыльков, и попросил Меркурия отнести эту коробку в земной рай (очень напоминающий Эдемский Сад), где жили в полной в безмятежности Пандора и Эпиметей. Когда любопытная женщина открыла этот сундук, оттуда вылетели все эти создания, и на человечество обрушились нескончаемые беды и несчастья. Принимая во внимание эти демонические поступки Бога по отношению к человеку, складывается не очень оптимистичная картина.

Поскольку история об Адаме является мифом о самоосознании, Прометей символизирует творчество - привнести новые способы жизни и показать их человечеству. На самом деле, имя

Прометей означает «предвидение», - как мы уже отмечали, способность смотреть в будущее, планировать, - это просто один из аспектов самоосознания. Пытки Прометея отражают внутренний конфликт, происходящий наряду с творчеством, - он символизирует тревогу и чувство вины, с которыми сталкивается человек, отважившийся представить человечеству какие-то новые формы жизни, о чем мы можем судить на примере таких творческих личностей, как Микеланджело, Томас Манн, Достоевский и многих других творческих людей. Но опять же, как и в мифе об Адаме, Зевс ревнует к высшим устремлениям и карает своим наказанием. И перед нами опять предстоит та же самая проблема - что же это значит, что боги ведут борьбу с творческим потенциалом человека.

Несомненно, в поступках Адама и Прометея можно усмотреть бунт против богов. Это тот ракурс, с которого можно рассматривать мифы, и в этом есть. Ведь грекам и иудеям было известно, что когда человек пытается преодолеть свои личностные ограничения, когда он совершает грех, страстно желая чего-то (как поступил Давид, взяв жену Урии) или преисполнен высокомерия (как гордый Агамемнон, завоевавший Трою) или присваивает себе какие-то вселенские способности (как в современной фашистской идеологии) или считает, что те ограниченные знания, которыми он располагает, - это истина в последней инстанции (как поступает догматик - от религии или науки), тогда он становится опасен. Сократ был прав: начало мудрости - это принятие своего невежества; человек может творчески использовать свои силы и, в какой-то степени, превзойти свои ограничения, только если он смиренно и честно признает эти ограничения. Эти мифы звучат очень убедительно, предостерегая от ложной гордости.

Но бунт, отраженный в этих мифах, представляет нечто явно позитивное и наряду с этим конструктивное; поэтому их нельзя опустить лишь как сюжеты, отражающие борьбу человека против его конечности и гордости. В них можно увидеть ту психологическую истину, что когда ребенок «открывает глаза» и начинает осознавать себя, - это всегда таит в себе потенциальный конфликт с теми, кто находится «у руля», будь то боги или родители. Но почему же мы потенциально осуждаем этот бунт, - без которого ребенок никогда не обретет свои потенциальные возможности, связанные со свободой, ответственностью и нрав-

ственным выбором, а самые ценные черты личности человека могут так и остаться нереализованными?

Мы можем допустить, что в этих мифах проявляется старый, как мир, конфликт между укоренившимся авторитетом, как это можно было видеть у сгорающих от ревности богов и зарождением новой жизни и творческого потенциала. Появление новых жизненных сил всегда, в какой-то степени, разрушает существующие традиции и убеждения и, таким образом, представляет угрозу и вызывает тревогу у тех, кто наделен властью, равно как и у самого человека, находящегося в процессе роста. И те, кто представляет «новое», могут испытывать неумолимый конфликт с этими неизменными силами - что мы могли наблюдать у Ореста и Эдипа. Тревога Адама и муки, которые испытывал Прометей, также сообщают нам психологически, что и у самого творческого человека присутствует страх продвижения вперед. В этих мифах говорится не только о той стороне человека, где присутствует смелость, но и зависимой стороне, предпочитающей комфорт свободе, безопасность - собственному росту. Тот факт, что в мифе об Адаме и Еве определенные им наказания представляют сексуальные желания и работу, и далее подтверждает нашу точку зрения. Ведь не есть ли стремление получать непрестанную заботу о себе, что может привести нас к осмыслению своей работы, - возможность возделывать землю и производить пищу, создавать что-то силой своих рук - не что иное, как наказание? Не будет ли это той стороной, в которой проявляется тревога личности, что скрывает сексуальное желание, как бремя само по себе, - и кастрировать себя, что в действительности и сделал Ориген, дабы избежать конфликта, умерщвляя желание? Конечно же, тревога и чувство вины, которые испытывает человек, когда ему приходится добывать средства к существованию, и проблемы, связанные с сексуальным желанием, а также иными аспектами самоосознания - все это очень болезненные моменты. Иногда они действительно таят в себе огромный конфликт и страдание. Но кто сможет поспорить с тем, что за исключением каких-то крайних случаев, например, психозов, тревоги и чувства вины, они представляют слишком высокую цену, которую человеку приходится платить за возможность быть личностью, а не оставаться невинным дитятей?

В этих мифах показывается, как авторитарная власть во всех религиозных традициях - греческой, иудейской или христианской - борется с какими-то новыми нравственными инсайтами. Это голос Яхве, ревнивого и карающего Бога; это голос короля, который, ревнуя к его положению и власти, отдал своего сына на съедение волкам, как отец Эдипа; это наследственный вор или священник, который стремится уничтожить все молодое, новое, растущее; это догматические убеждения и ригидные представления, которые оказывают сопротивление всякому новому творческому началу.

Безусловно, в любом обществе должны присутствовать обе эти стороны - то влияние, которое оказывают новые идеи и вновь обретают нравственные инсайты, и институты, выступающие за сохранение прежних ценностей. Ни одно общество не смогло бы выжить как без чего-то нового, так и прежних форм, а также изменений и стабильности; как в религии, в которой даются пророчества, и совершаются нападки на существующие институты, так и религии духовных лиц, защищающей эти институты.

Но специфической проблемой нашего времени, как мы уже могли видеть, является устойчивая тенденция к конформности. Человек, функционирующий как радарное устройство, который отчаянно пытается соответствовать ожиданиям от него группы, очевидно, будет считать моральные аспекты неким «приспособлением» к стандартам своей группы. В такие периоды, если говорить о нравственности, отмечается тенденция ко все большему и большему повиновению. Человек является «хорошим» в той мере, насколько он подчиняется диктату общества и церкви. Некритическое рассмотрение мифа об Адаме, безусловно, представляет очень точную рационализацию подобных тенденций - можно заметить, что если бы Адам не повиновался, он бы никогда не был изгнан из Рая. Подобные переживания еще более характерны для людей в наше время, когда мы сталкиваемся с разного рода крушениями, чем можно было представить, поскольку именно такого состояния, которое символизирует рай, где отсутствуют забота или желание или тревога или конфликт или потребность в личной ответственности, можно лишь искренне желать в век тревоги.

Таким образом, подразумевается, что награда, должна полагаться в том случае, когда не развивается самоосознание. Как если бы, чем больше послушания, не вызывающего вопросов, тем лучше, и чем меньше личной ответственности, тем лучше.

Но что же нравственного в послушании? Если бы цель человека состояла просто в послушании, то можно было бы научить собаку очень успешно выполнять требования. Тогда собака была бы более «нравственной», чем ее хозяин в лице человека, поскольку собака не может постоянно совершать невротический взрыв в форме какого-то «случайного» непослушания, как протеста за подавляемую и отрицаемую свободу. А на социологическом уровне, что можно считать нравственным с точки зрения соответствия приемлемым нормам? Человек, стремящийся реализовать этот идеал, в 1900-х годах столкнулся бы с подавленной сексуальностью, практически как и любой другой в это время; в 1925 году он мог бы слегка взбунтоваться в соответствии с принятыми тогда нормами; а в 1945 году он бы руководствовался в своих действиях тем, что в общем-то можно было видеть в отчете Кинси. Вне зависимости от того, достаиваем ли мы вниманием эти стандарты, называя их «культурными» или нравственными нормами или абсолютными религиозными доктринами, что же нравственного в подобной конформности? Очевидно, такое поведение исключает сущность нравственности человека - очень важное осознание человеком своих уникальных отношений с другим человеком, а также его стремление в какой-то степени к свободе и личной ответственности, что касается творческих отношений.

Одним из наиболее ярких свидетельств такого конфликта между нравственной чувствительностью и существующими институтами, а также тревогой, сопутствующей нравственной свободе, можно считать рассказ Достоевского о Великом Инквизиторе. Однажды Христос возжелал вернуться на землю. Он появился тихо, незаметно, и вот все - хотя это и странно - узнают его. Действие происходит в Испании, во время инквизиции, и старец инквизитор, великий инквизитор, встретив Христа на улице, приказывает бросить его в тюрьму.

Среди глубокого мрака старец великий инквизитор является к безмолвному Христу, дабы разъяснить ему, почему он никогда не должен был возвращаться на землю. На протяжении пятнадцати веков представители церкви ратовали за то, чтобы

исправить первоначальную ошибку Христа, дав людям свободу, и теперь они не позволят Ему уничтожить их труд. Ошибка Христа, говорит Инквизитор, состояла в том, что «вместо твердого древнего закона он возложил на человека бремя, когда «свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло», и «такое бремя, как свобода выбора, вселяющее страх» - это слишком страшное бремя для человека. Христос относился к человеку с излишним почитанием, - рассуждает Инквизитор, - и забыл о том, что на самом деле люди хотят, чтобы с ними обращались, как с детьми, и чтобы ими управлял некий «авторитет» и «чудо». Ему стоило дать им лишь хлебы, как искушал дьявол, но «ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами?...но кончится все тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас»...Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла?»

Есть лишь немного этих избранных, из тех могущественных, которые могли справиться с этой свободой, принесенной им Христом, продолжает старый Инквизитор, но то, к чему стремится большинство людей, - соединиться «в бесспорном общем и согласном муравейнике...Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать скорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается».

Церковь принимает этот дар: «Мы не будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей - все судя по их послушанию - и они будут нам покоряться весело и радостно...поскольку это избавит их от великой заботы и страшных мук, испытываемых ими сейчас, связанных с принятием личного и свободного решения. И задав свой, в какой-то степени, риторический вопрос «Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг твой», старый инквизитор сообщает, откланиваясь, что завтра Христа сожгут.

Безусловно, Достоевский вовсе не имеет в виду, что Инквизитор представляет все религии, будь-то католичество или протестантизм. Скорее, он изображает ту сторону, препятствующую претворению в жизнь религии, стремящейся к «общему...муравейнику», той составляющей в религии, которая поработает человека и, как правило, старается его подчинить, подобно Иса-

ву²⁴ с чечевичной похлебкой, самое дорогое, что у него было - за свободу и ответственность.

Таким образом, человеку в наши дни, стремящемуся найти ценности, которые он мог бы интегрировать в своей жизни, необходимо посмотреть правде в глаза и признать тот факт, что не существует простого и легкого пути. Он не может просто «обратиться к религии», равно как и обрести исцеление у собственных родителей, когда свобода выбора и ответственность становятся слишком невыносимым для него бременем. Поскольку существует двойная связь между этикой и религией, ту же двойную связь можно обнаружить между родителями и потомками. С одной стороны, пророки, со своими нравственными указаниями, во все времена появлялись на свет и воспитывались в религиозной традиции - достаточно лишь вспомнить Пророка Амоса, Исайю, Иисуса, Св. Франциска, Лао-Цзы, Сократа, Спинозу и многих других. Но с другой стороны, нельзя не отметить ту непримиримую вражду, которая существует между нравственными и чувствительными людьми и религиозными институтами. В борьбе с конформностью в отношении существующих норм человек испытывает нравственные переживания. В Нагорной Проповеди Иисус каждое новое нравственное переживание предваряет следующим рефреном «Вы слышали, что сказано древним, а Я говорю вам...» Это постоянный рефрен высоко нравственного человека: новое вино «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Матф.9:17)

И так было всегда. Нравственные и творческие люди, такие как Сократ, Кьеркегор и Спиноза были заняты поиском нового нравственного «духа», как противоположного формальному «закону» традиционной системы.

²⁴ Исав (Эсав) (ивр. *ישו* (Esav, Êśâw), «волосатый»; греч. Ἰσαὺ; Быт.25:25, ср.,23) — сын Исаака и Ревекки, старше своего близнеца Иакова; он продал свое первородство за красноватую снедь брату Иакову, почему и получил имя Едом, т.е. красный (Быт.25:30; Евр.12:16). Книга Бытие описывает Исав, любимого сына Исаака, как искусного зверолова, «человека полей», в противоположность любимцу Ревекки, кроткому Иакову, «живущему в шатрах» Быт.25:27); жены его были из хананеянок (26,34,36). Благодаря хитрости Ревекки он потерял благословение отца (27). После этого он со злобой преследовал своего брата до тех пор, пока они не встретились около Пенуэла и не примирились (гл. 33). Исав является родоначальником эдомитян (идумеев; Быт. 36:1, 8-9). – Прим. перев.

Всегда существовало напряжение, а иногда даже велась открытая борьба между лидерами, ратующими за нравственность, и существующими религиозными и социальными институтами, когда такой лидер зачастую совершает нападки на церковь, а церковь столь же часто делает из него изгнанника, как врага. Спиноза, «философ, опьяненный Богом», был отлучен от церкви; одна из книг Кьеркегора называется Нападки на христианский мир; где Иисус и Сократ были отправлены на казнь как «представляющие угрозу» нравственной и социальной стабильности. Интересно отметить тот исторический факт, что святые в какой-то один период в истории были так называемыми атеистами в период предшествующий.

В наши дни среди тех, кто совершал нападки на существующие религиозные институты, как нечто, противоположное нравственному росту, можно отметить Ницше, который говорил о том, что нравственный христианский закон приводится в действие гневом, а также Фрейда с его критикой религии как то, что позволяет удобно поместить людей в инфантильную зависимость. Вне зависимости от теоретических убеждений, их действительно волновало, с точки зрения нравственности, благополучие человека и его реализация. Несмотря на то, что в некоторых местах их учения рассматривают, как нечто враждебное религии (то же относится и к ним самим), я думаю, что главные открытия Фрейда и Ницше будут использованы в нравственно-религиозных традициях будущих поколений, а религия станет еще богаче и более эффективной, благодаря их вкладу.

Так, например, Джон Стюарт Милл* отмечает, что его отец, Джеймс Милл, считал религию «врагом нравственности». Старший Милл получил образование в пресвитерианской теологической семинарии в Шотландии, но впоследствии отошел от церкви из-за своего отказа верить в то, что Бог мог создать ад, зная, что люди шли туда, не делая собственного выбора, и в этом был их удел. Он считал, что религия «существенно опорочила эталон нравственности, сделав так, что она исполняла волю человека, щедро предоставляя самую разнообразную лесь, но которого - человека - в обыденной реальности она изображает как в высшей степени отвратительного». Милл в отношении данного типа «неверующего» в середине девятнадцатого века приводит следующую точку зрения: «Самые лучшие среди них являются подлинно религиозными, если мы говорим действи-

тельно о религии, нежели те, которые присваивают это право исключительно себе?»²⁵

Николай Бердяев, российский ортодоксальный теолог и философ, высказывался против тех же самых садистских доктрин, на что ссылался и старший Милл, а также против того факта, что «христиане выражали свое благоговение, прислуживая, раболепствуя и будучи покорными - все то, что характерно для поддобождения и униженного положения». Подобно любому пророку в истории, призывающему к нравственности, Бердяев отмечает, что он сначала «боролся против Бога во имя Бога» и добавляет к этому, что «невозможно совершить бунт, разве что с учетом и во имя каких-то предельных ценностей, позволяющих мне делать свои суждения, чему я решаю противостоять; иными словами, во имя Бога...»²⁶

В подобной борьбе между новыми переживаниями и сложившимися авторитетами так, как это можно видеть в конфликте Адама и Яхве, Прометея и Зевса, Эдипа и его отца, Ореста и матриархальных сил или пророков, призывающих к нравственности человека, в реальной истории имеется некий общий мотив. Не есть ли это тот же самый психологический мотив на другом уровне, на что мы обращали внимание в конфликте между ребенком и родителем? Или, если быть еще более точным, не является ли это конфликтом между потребностью любого существа в борьбе за расширение самоосознания, зрелость, свободу и ответственность и его стремлением оставаться ребенком и цепляться за родителей или фигур, замещающих их и предоставляющих защиту?

Религия - источник силы или слабости?

Рассматривая религию и личностную интеграцию, вопрос будет состоять не в том, способствует ли религия, как таковая, здоровью или неврозу, но какая именно религия и каково ее применение? Фрейд заблуждался, считая религию, саму по себе, неврозом навязчивости. Какие-то религии действительно можно отнести к этой категории, а какие-то нет. Любая область в жизни может оказаться компульсивным неврозом: философия может быть бегством от реальности в гармоничную «систему», как некая защита от тревоги и дисгармонии обыденной жизни или же смелой попыткой лучше понять реальность. Науку можно рассматривать как ригидную

²⁵ John Stuart Mill. Autobiography. Джон Стюарт Милл, избранный в парламент в 1865 году и открыто поддерживавший наделение женщин правом голоса.- Примеч. пер.

²⁶ Nicolai Berdyaev, Spirit and Reality. New York, Charles Scribner's Sons, 1935.

догматичную веру, посредством которой человек может совершать уход от эмоциональной неопределенности и сомнений или же это может быть непредвзятый поиск новой истины. В действительности, поскольку вера в науку оказалось чем-то более приемлемым в кругах интеллигенции в нашем обществе и, соответственно, это вызывает меньше сомнений, вполне может статься, что в наши дни вера все чаще играет роль навязчивого ухода от разного рода неопределенностей, нежели религия. Однако, формально Фрейд был прав, - и не только в этом, - что он задавал верные вопросы в отношении религии: повышает ли она зависимость и способствует тому, чтобы человек оставался инфантильным?

В то же самое время тех, кто находится на другом полюсе, поспешно заявляя и вызывая удовлетворение у масс тем, что религия способствует психическому здоровью, вряд ли можно считать правыми. Одни религии, безусловно, способствуют этому, в то время как другие, конечно же, нет. Все эти общие утверждения могут избавить нас от еще более сложного вопроса проникновения в глубь религиозных воззрений и оценивания их не как теоретических основ, но как функциональных аспектов, органически взаимосвязанных с жизнью человека.

Мы бы хотели здесь затронуть следующие вопросы: действительно ли религиозные убеждения человека могут сломить его волю, удерживая на инфантильном уровне развития и позволяя ему избежать тревоги свободы и личной ответственности? Или же они могут представлять для него некие основы, подтверждать чувство собственного достоинства и ценность, давать некое основание для того, чтобы смело принимать собственные ограничения и естественную тревогу, но которые помогают ему развивать свои сильные стороны, свою ответственность и способность любить ближних своих? Первый вопрос, который следует принимать во внимание, отвечая на эти вопросы, - это связь между религией и зависимостью.²⁷

²⁷ Я использую определение зависимость, как означающее «нездоровую зависимость», т.е. зависимость, которая допустима при более инфантильном развитии, но не соответствует тому состоянию, в котором сейчас находится человек. Безусловно, зависимость может быть вполне естественным состоянием: когда годовалого ребенка мать кормит из ложки - в этом нет ничего противоестественного, но когда то же самое происходит с восьмилетним ребенком, то это уже вряд ли можно считать естественным. Когда родители поддерживают десятилетнего мальчика, это абсолютно конструктивно для того этапа развития, на котором он находится, но когда родители под держивают тридцатипятилетнего человека - это уже совсем другая история. Зависимость в том значении, которое мы ей придаем, - это не просто неспособность расти; это динамический паттерн, представляющий бегство от тревоги. Верным синонимом зависимости в том значении, которое мы придаем этому определению, будет «симбиоз», т.е. такое состояние, когда один организм оказывается неспособным к жизнедеятельности, не присосавшись к другому.

Мать и дочь пришли к согласию, когда дочь была еще совсем юной, что она должна жить согласно воле Господа Бога. И именно к воле Бога, согласно их последующему соглашению, взывала мать в своих молитвах, о чем и сообщалось дочери. Невозможно не содрогнуться при мысли о том, сколь сильное влияние оказывала мать на эту девушку любой своей мыслью или поступком. Как же тогда способность девушки делать какой-то выбор может оказаться не задавленной - что и обнаружила эта девушка, испытывая боль, когда ей было уже под тридцать, и она оказалась перед неразрешимой дилеммой, потому что была неспособна самостоятельно принять решение, связанное с браком. Этот пример может показаться достаточно выхолощенным, поскольку мать и дочь принадлежали к консервативной евангелической секте, а подобный паттерн невозможно скрыть никакими изолированными рационализациями. Он иллюстрирует то, что когда человек относится к себе как рупору или партнеру Господа Бога, как ее мать, у него перестают существовать какие-либо сдерживающие факторы, что касается собственной власти в отношении других.

Зачастую это можно наглядно увидеть в терапии, когда человек обращается к религии, пытаясь обрести некую свободу от родительского контроля. Тогда родители, как правило, насколько им хватает деликатности, основной акцент делают на том аргументе, что это религиозное обязательство молодого человека придерживаться заданного его родителями курса, и на самом деле это «воля Бога», чтобы он оставался под их контролем. В письмах, которые люди в процессе терапии, как правило, получают от своих родителей в это время, последние, конечно же, скорее цитируют такие отрывки из Библии, как «почитай отца твоего и мать твою», нежели более позднюю заповедь Иисуса из Нового Завета, уже упомянутую нами выше «И враги человеку — домашние его»²⁸

Большинство родителей на словах, конечно же, будет настаивать, что их единственное желание состоит в том, чтобы ребенок реализовал свой потенциал. Зачастую они не осознают свои бессознательные желания повиснуть на молодом человеке. Но тот факт, что они часто ведут себя так, как если бы реализация потенциала сына или дочери зависела исключительно от того, насколько ребенок остается под их контролем, вскрывает нечто

²⁸ Мф 10:34-39.

совершенно отличное от их сознательных намерений. Свобода сына или дочери зачастую вызывает очень сильную тревогу у родителя, тревогу, которая показывает, насколько трудно для родителей в нашем обществе действительно поверить в природный потенциал своего ребенка (возможно, в связи с тем, что им самим так трудно поверить в собственные силы), и насколько сильна тенденция всех устойчивых авторитетов удерживать свою власть, даже ценой «разрушения» другого человека и его подчинения.

Подобные конфликты становятся еще более сложными, поскольку молодому человеку, который пытается обрести автономию, зачастую внушают, что если он ослушается родительского указа, то его непременно настигнет злой рок. И тогда уже, как правило, он пытается как-то справиться с испытываемыми им в значительной степени тревогой и чувством вины, пытаясь обрести свободу. Зачастую на этом этапе людям снятся сны, в которых они виноваты и все же не совсем; виновны, подобно Оресту, и, тем не менее, им надо идти вперед. Одному человеку приснилось, что Сенатор Мак-Картни в Сенате признал его виновным, несмотря на то, что глубоко в душе он знал, что невиновен.

Конечно же, эта проблема, когда человек оказывается жертвой чьей-либо власти еще больше усиливается собственными инфантильными желаниями человека, чтобы о нем позаботились. Таким образом, в душе человек хочет отдать свое Я тому, кто доминирует над ним. Около половины случаев в моей психотерапевтической практике за последние десять лет - это люди из глубоко религиозных семей и представители религиозных профессий, а вторая половина - это люди, не имеющие определенных религиозных воззрений или не проявляющие интереса к религии. У меня сложились некие общие впечатления, которые, - хотя к ним и следует относиться очень условно, - все же могут оказаться полезными в том, чтобы пролить свет на некоторые психологические последствия религиозного образования в нашем обществе. Я хочу поделиться этими впечатлениями по двум причинам. Во-первых, это может быть полезно читателям, следующим религиозной традиции, для которых важно избежать той стороны религии (это касается и любого другого аспекта в культуре), которая ведет к опасности впасть в невроз. Во-вторых, это может быть полезно читателям, которые не следуют какой-либо религиозной традиции, но которых становится все

больше, подобно критически мыслящим людям в наши дни, и их волнует вопрос разграничения того, какие аспекты религии помогают в раскрытии личностных ценностей, а какие нет.

Эти впечатления состоят в том, что люди с религиозными корнями способны, прежде всего, иметь более чем среднюю «мотивацию», чтобы что-то предпринять с самим собой и собственной жизнью. Но, во-вторых, они способны иметь определенную позицию, которую я бы назвал «божественное право, чтобы о тебе позаботились». Эти две позиции, безусловно, являются несовместимыми. Они следуют параллельно с теми двумя противоречивыми религиозными посланиями, которые мы уже рассматривали выше и к которым еще вернемся в этой главе. Первая позиция - сильное желание что-то предпринять в отношении собственных проблем - не требует комментариев; здесь мы можем видеть некую функцию, когда человек уверен в значении и ценности жизни, это конструктивный вклад зрелой религии и, как будет показано ниже, как правило, оказывает положительное воздействие на терапию.

Но позиция «божественного права, чтобы о тебе позаботились», - все же нечто другое. Это один из самых больших блоков в развитии этих людей на пути обретения зрелости в терапии, как и в жизни в целом. Как правило, таким людям трудно увидеть свою потребность, чтобы о них позаботились, как проблему, которую следует проанализировать и как-то решать, и они часто реагируют на это враждебно и с таким чувством, что их «обманули», когда не уважают их право. Конечно же, им говорили «Бог позаботится о тебе» с самых первых дней, когда они исполняли песню в воскресной школе, да и сегодня та же самая идея в несколько вульгаризированной форме звучит во многих кинофильмах. Но на более глубоком уровне, такая потребность, чтобы о тебе позаботились, - в частности, и потому, что враждебность возникает столь быстро, когда она фрустрирована, - выполняет некую более сложную функцию. На мой взгляд, здесь происходит динамика в связи с тем, что этим людям приходилось отказываться от столь многих вещей. Им пришлось отказаться от своих возможностей и своего права давать нравственные оценки собственным родителям и, естественно, другая часть этого негласного контракта состояла в том, что тогда у них появлялось право всецело зависеть от родительской власти и их суждений, как раб имеет право зависеть от своего господина.

Таким образом, они подвергались обману, если родитель - или, скорее всего, фигуры, замещающие родителей, как, например, терапевт или Господь Бог - не оказывал им какой-то особой помощи.

Их учили, что если они «будут хорошими», счастье и успех им гарантированы, последнее, интерпретируется, как правило, - быть послушным. Но быть только послушным, как мы уже показывали выше, подрывает развитие нравственного индивидуального осознания и внутренней силы. Подчиняясь каким-то внешним требованиям на протяжении длительного времени, человек утрачивает свою реальную способность делать нравственный ответственный выбор. Тогда, хотя это и может показаться странным, способностей обрести что-то позитивное и радость у этих людей в последующем становится все меньше. И поскольку счастье - это не поощрение целомудрием, как отмечал Спиноза, но само по себе целомудрие, человек, который отказывается от своей нравственной автономии, в той же мере отказывается от своего права обрести целомудрие и счастье. Неудивительно, что реакцией на это будет его негодование.

Теперь мы сможем увидеть еще более отчетливо, от чего этим людям пришлось отказаться, если рассмотрим, как «мораль послушания», когда акцент делается на том, чтобы «быть хорошим, подчиняя свое я», получает все большее распространение в современной культуре. В основном, это берет свое начало в паттернах, которые были позаимствованы в процессе индустриального развития и капитализма на протяжении последних четырех веков. Теперь же подчинение человека механическому единообразию, организация своей жизни таким образом, чтобы она соответствовала определенным требованиям на работе и не шла в разрез с принципами бережливости, - все это действительно принесло финансовый и, как следствие, социальный успех, если рассматривать большую часть современного периода. Здесь можно привести вполне убедительные доводы, что за послушанием должно следовать спасение, ведь если человек повиновался требованиям, предъявляемым к нему на работе и в индустриальном обществе, тогда его капитал все возрастает. Так, например, любой, кому доводилось читать о финансовой деловой хватке первых Квакеров и Пуритан знает, насколько эффективными оказывались эти экономические и нравственные позиции, когда они следовали вместе. «Доллар квакера» при-

носил некоторое успокоение, учитывая то сильное возмущение, которое все возрастало в среднем классе из-за эмоциональных лишений, которые они испытывали в этой системе, основанной на послушании.

Но времена меняются, о чем мы уже упоминали в предыдущих главах, и в наши дни если человек будет следовать принципу, «кто рано встает, тому Бог подает», он может быть здоровым, но нет никаких гарантий, что это принесет ему богатство и сделает его мудрым. Заповеди Бена Франклина, десятина и преданность рутинной работе на каждодневной основе, уже больше не гарантируют успех.

Кроме того, верующему человеку, особенно если он министр или как-то иначе связан с профессиональной религиозной деятельностью, приходится отказаться от реалистического отношения к деньгам. Также не предполагается, что он будет требовать какого-то определенного вознаграждения. Во многих религиозных кругах говорить о деньгах считается чем-то «унизительным», как если бы оплата труда, подобно действиям, связанным с отправлением естественных потребностей, была жизненно важной составляющей в жизни человека, но в идеале нужно было действовать так, как будто на самом деле этого вовсе и не было. Трудовые профсоюзы, старающиеся учитывать изменения в процессе развития экономики в массовой индустрии, признают, что Бог «не посылает расчетные чеки в клюве ворона», как когда-то ворон кормил пророка Илию*. И именно через эти профсоюзы люди научились оказывать некое давление для получения адекватной заработной платы. Но представители религиозных профессий не могут устраивать забастовки для получения более высокой заработной платы. Напротив, предполагается, что церковь «позаботится» о священнике в финансовом отношении и в иных областях; ему предоставляются скидки на железную дорогу и в универсальных магазинах; оплата за обучение в семинариях ниже, чем в других высших учебных заведениях, - и все из вышеперечисленного не направлено на повышение чувства собственного достоинства данного священника или уважения других к нему в нашем обществе. Кроме того, то обстоятельство, что верующий человек, скорее всего, не будет предпринимать активных действий, чтобы обеспечить себе финансовую стабильность, является еще одним свидетельством того, что в нашем обществе принято считать, что материальная

безопасность - так или иначе - будет обеспечена автоматически, если человек станет «хорошим»; предположение, непосредственно связанное с верой в то, что Бог позаботится о вас.

Илия (ивр. ^{עִלְיָא}Илияху), ивр. (^{עִלְיָא}Илия) — «Бог мой Яхве»; в Исламе — араб. ^{إلياس}(Ильяс)) — библейский пророк в Израильском царстве, в IX века до н. э. Среди русского народа Илия пророк пользуется особенным уважением. Илия был ревностным поборником иудаизма и грозным обличителем идолопоклонства и нечестия. Его деятельность относится к царствованию Ахава, когда гордая и властолюбивая жена слабохарактерного царя, финикийка Иезавель, решила установить культ Ваала и Астарты. Предание гласит, что истинные ревнители благочестия были изгнаны из страны, и при дворе был учреждён штат жрецов Ваала. Грозным мстителем за попрание святыни явился пророк Илия, который совершал много чудес, чтобы вразумить нечестивого царя. История его жизни и деятельности излагается в Третьей и Четвёртой Книгах Царств (3Цар.17—20 и 4Цар.1—3).

Таким образом, становится вполне понятно, почему человек в нашем обществе, которого учат быть хорошим, подчиняясь кому-то, и который рано или поздно обнаруживает, что он даже и не получает за это экономических вознаграждений, не говоря уже о счастье, испытывает столь сильную обиду и гнев. Именно эта скрытая обида и запускает динамику той самой потребности, чтобы о тебе позаботились. Это как если бы человек говорил про себя «Мне обещали, что обо мне позаботятся, если я буду послушным: посмотрите, какой я послушный, так почему же обо мне не позаботились?»

Подобная вера в «божественное право получить о себе заботу», зачастую вызывает такое чувство, что человек начинает ощущать себя вправе иметь власть над другими. Иными словами, если человек считает, что один человек может иметь власть над другим, он не только подчиняется какому-то более сильному человеку с той целью, чтобы о нем позаботились, но будет считать это своей «обязанностью» позаботиться о - и осуществить свою власть над - каком-то человеке, стоящим ниже его на социальной лестнице. Подобную тенденцию можно проиллюстрировать утверждением одного мужчины, в еще более садистской форме, который на вопрос о том, почему он контролирует человека моложе его, делящего с ним кров, вплоть до того, что забирает у последнего чеки каждое воскресенье и определя-

ет ему вознаграждение, заметил «А разве я не отвечаю за своего брата?»

Не стоит пытаться объяснить причины того факта, что доминирование и тенденции к подчинению следуют вместе, и что мазохизм - это всегда обратная сторона садизма. Эрих Фромм рассматривал эти моменты в своей книге Бегство от свободы, которая теперь является классикой. Мы бы хотели здесь отметить то, что человек, которому требуется, чтобы о нем позаботились, пытается, как правило, самыми разными утонченными способами одновременно получить и власть над другими. Гете так выразил эту психологическую истину:

Тот не уступит никогда сопернику,
Кто крепок властью, силою захваченной,
И кто собой не в состоянье властвовать,
Тот властвовать желает над соседями.

Другая тенденция, которая еще больше усиливается религиозной зависимостью, состоит в том, чтобы получить ощущение ценности, авторитет и власть, отождествляя себя с кем-то еще. Это, как правило, проявляется в отождествлении себя с какой-то идеализируемой фигурой служителя церкви, священника, раввина, епископа или кого бы то ни было, кто находится выше человека в данной иерархии и имеет репутацию и власть. И опять же данная тенденция не ограничивается только религией; все это можно наблюдать и в бизнесе, и в политике и в иных сферах жизни нашего общества. Это распространенный феномен в психотерапии, который называется переносом, и проявляется - среди прочего - в потребности пациента восхвалять терапевта и иметь некий авторитет, учитывая тот факт, что терапевт столь известен. Но в терапии это считается проблемой, которую со временем следует проработать, чтобы человек смог увидеть своего терапевта, как реального человека, и получить ощущение ценности и значимости скорее благодаря собственным действиям, а не терапевта. Представляется, что в религии подобная тенденция берет свое начало на более глубинном уровне, нежели в каких-то иных областях социальной жизни. Безусловно, это подкрепляется испорченными интерпретациями «страдания за другого» и «искупления вины». Это как если бы кто-то пытался жить вместо кого-то еще, пока никто не знает, где он сам. Удивительно, насколько легко христианское уче-

ние о любви можно свести всего лишь к тому, что человек соглашается с тем, что «если ты возьмешь ответственность за меня, то я возьму за тебя».

Невротическое обращение людей к религии имеет один общий момент: все это средства, благодаря которым человек избегает необходимости посмотреть правде в глаза и признать свое одиночество и тревогу. Бог представляется ему неким «космическим папой», по образному выражению Одена. Религия в такой форме является рационализацией, чтобы скрыть понимание того, - то, что вызывает сильный ужас у тех, кто воспринимает это серьезно, - что где-то глубоко внутри человек, как правило, одинок, и что невозможно укрыться от этой необходимости сделать, в конце концов, собственные выборы наедине с самим собой.

... какой-то бескрайний

Ужас и одиночество

Заставляют человека обратиться в Пустоту на «Ты»²⁹

Это слова главной героини в стихотворении *Разговор ночью* Эдны Сент Винсент Миллей. Но если потребность избежать ужаса и одиночества является основной мотивацией обращения человека к Богу, тогда религия не поможет ему обрести зрелость или силу; и, в конце концов, она даже не обеспечит ему безопасности. Пауль Тиллих, который руководствовался в своих работах представлениями из области теологии, отмечает, что отчаяние и тревогу никогда невозможно проработать до тех пор, пока человек не встретится с ними в суровой и неумолимой реальности. Подобную истину, очевидно, в той же мере можно считать верной и в психологической плоскости. Зрелость и, в конечном счете, преодоление собственного одиночества становятся возможны лишь тогда, когда человек способен, для начала, смело принять свое одиночество.

Я часто думаю о том, что способность Фрейда работать, имея такую смелую и четкую цель, была обусловлена тем, что он одержал победу в том, чтобы расти и работать в одиночку в те первые десять лет уединенной деятельности, когда отделившись от Брейера, он продолжал свои исследования в психоанализе,

²⁹ Lines from *Conversation at Midnight*. Published by Harper & Brothers. Copyright 1937 by Edna St. Vincent Millay.

не имея рядом ни соратников, ни коллег. Кроме того, как мне представляется, это как раз и есть то самое сражение, которое творческие нравственные личности, такие как Иисус, выигрывают в этой пустыне; и, в действительности, соблазны, с которыми боролся Иисус, состоят не в желании хлеба или власти, но в искушении, со слов нечистой силы в этом сказании, «верзиться вниз» дабы доказать то, что Бог защитит его.

Ангелы подхватят и понесут его,
И не упадет и не расшибется.³⁰

Когда человек смог сказать «Нет» той потребности, чтобы его «поддержали», иными словами, когда он способен не требовать того, чтобы о нем позаботились, когда он имеет смелость быть одиноким, он может говорить, как тот, кто имеет некий авторитет. И разве не означал отказ Спинозы спастись бегством, узнав об отлучении от церкви, ту же самую победу во внутреннем сражении за обретение целостности, ту же самую борьбу за власть, чтобы не бояться одиночества, без чего всем известные нравственные принципы, безусловно, так и останутся высокими словами, как это и было всегда и что невозможно описать?

Какими бы ни были эти мысли - Спиноза представляет нам метафору, которая прорывается как свежий и чистый ветер сквозь смутную болезненную трясику зависимости в религии: «Не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас».

В этом предложении, пронизанном болью, звучат слова смелого человека; человека, который знает, что добродетель - это счастье, а не квитанция на получение товара; что любовь Бога и есть вознаграждение само по себе, что следует любить красоту и истину потому, что они верные, а не потому, что это как-то отразится на доверии к художнику или ученому или философу, который ратует за них.

Безусловно, Спиноза вовсе не имел в виду мученическое, жертвенное, мазохистское отношение, за которое может быть ошибочно принята его метафора. Скорее, в наиболее развернутой форме, он дает основные характеристики объективной, зрелой творче-

³⁰ «Если хочешь узнать, сын ли ты божий, то вверзись вниз, ибо сказано про того, что ангелы подхватят и понесут его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, сын ли ты божий, и докажешь тогда, какова вера твоя в отца твоего» (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы, 4.2. - Кн.. 5. Pro и contra. Великий Инквизитор) - Примеч. пер.

ской личности (по его определению, это счастливый и способный испытывать радость человек), а именно: самой способности любить что-то не по тому, что о тебе за это позаботятся или ты обретишь некое запрещенное чувство авторитета и власти.

Конечно же, вопросы одиночества и тревоги можно решать конструктивно. Несмотря на то, что этого нельзя сделать посредством «Бога из машины»³¹ «космического папы», все становится возможным, когда человек напрямую сталкивается с различными кризисами своего развития, переходя от зависимости к еще большей свободе и более высокой интеграции, развивая и используя свои способности и обращаясь к ближним своим через творчество и любовь.

Это вовсе не означает, что не существует такого понятия как авторитет в религии или какой-либо иной области. Скорее, это говорит о том, что подобный вопрос, относительно авторитетов, следует прежде всего формулировать как-то иначе, т.е. как вопрос личностной ответственности. Ведь авторитарность (невротическая форма авторитета) возрастает прямо пропорционально тому, насколько человек пытается избежать ответственности за то, чтобы один на один встретиться с собственными проблемами. Так, например, в терапии это как раз те периоды, когда пациент ощущает какую-то особую или всепоглощающую тревогу и пытается наделить властью терапевта. И тот факт, что в такие моменты он стремится отождествлять терапевта с Богом и своими родителями представляет еще одно подтверждение точки зрения, указанной выше: что он ищет кого-то, кому мог бы вручить себя, чтобы о нем позаботились. К счастью, это не трудно продемонстрировать, что терапевт не Бог - и наступит

³¹ «Deus ex machina» (лат. «Бог из машины», [ˈde.s eks ˈmaki.na]) — выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора. Является калькой с греч. ἀπό μηχανῆς θεός. Словом *mechanē* (греч. μηχανῆς) в древнегреческом театре назывался кран, который позволял поднимать актёра над сценой (позволял ему «летать»). В античном театре выражение обозначало бога, появляющегося в развязке спектакля при помощи специальных механизмов (например, «спускающегося с небес») и решающего проблемы героев. Из античных трагиков приём особенно любил Еврипид, в сохранившихся его произведениях данный приём используется восемь раз. В Новое время он встречается, например, у Мольера («Амфитрион»). В современной литературе выражение употребляется для указания на неожиданное разрешение трудной ситуации, которое не вытекает из естественного хода событий, а является чем-то искусственным, вызванным вмешательством извне. — Примеч.пер.

тот радостный день, когда пациент это поймет и ничуть не испугается этого факта. Итак, вместо того, чтобы пытаться спорить с самим собой или другими относительно ценности различных авторитетов, лучше с самого начала посмотреть правде в глаза, будучи критичным к себе и задать вопрос: «Какая же тревога вызывает у меня желание быть подхваченным и понесенным на крыльях власти, и какой собственной проблемы я пытаюсь избежать?»

В заключение данного обсуждения можно сказать то, что религия является конструктивной, поскольку она укрепляет чувство собственного достоинства человека и его ценности, помогает ему обрести уверенность в том, что он может утверждать свои ценности в жизни и способствует тому, чтобы следовать и совершенствоваться в собственном нравственном осознании, свободе и личной ответственности. Таким образом, религиозная вера или такие практики, как молитва, нельзя назвать «хорошими» или «плохими» сами по себе. Скорее, вопрос здесь в том, насколько определенная вера или практика для данного конкретного человека представляет уход от собственной свободы, некий способ «в меньшей» степени стать личностью; или насколько это возможность, поддерживающая его в том, чтобы претворять в жизнь собственную ответственность и нравственную силу. Человек, которого прославляют в притче об Иисусе в Евангелии от Матфея, не был из тех, кто боялся и «зарыл» свой талант, но это человек, который смело применял свои таланты; и таким «хорошим и верующим» людям, соответственно, давалось и больше сил.

Творческое использование прошлого

В заключительном параграфе своей последней книги³² уважаемый Фрейд цитирует следующую строфу из Гете:

Наследовать достоин только тот,
Кто может к жизни приложить наследство.

А теперь мы посмотрим, как человек может перенимать опыт от своих отцов в нравственной и религиозной традиции. Мы поместили этот раздел после всего того, что было сказано

³² An Outline of Psychoanalysis.

выше, поскольку не имеет смысла говорить о традиции до тех пор, пока не удалось прояснить проблему зависимости. Когда взрослый человек достигает определенной свободы и личностной идентичности, у него появляются некие основы, из которых он может черпать мудрость прошлых традиций в обществе и интегрировать это в своем опыте. Они могут представлять интернализированный свод регулирующих норм, но будут оказывать незначительное влияние или же вообще не окажут никакого влияния на внутреннее развитие человека.

Как мы уже могли видеть в Главе 2, болезнь в наши дни отчасти связана с тем, что мы во многом перестали творчески относиться к мудрости своих предков. Фраза Генри Форда, произнесенная в 1920 г., что «история - это вздор», получила широкую известность и вызвала достаточно серьезные споры. Сам факт, что такой вопрос вообще мог возникнуть, указывает на неподчинение традиции, которая была достаточно превалярующей в то время. Но история - это наше социальное общественное тело: в нем мы живем, движемся вперед, и здесь происходит наше бытие; и вырвать свое Я отсюда, считать его неуместным, все равно, что сказать «я покинул свое физическое тело».

Когда человек гордится тем, что у него отсутствует интерес к религиозным традициям своего общества, - это говорит все о том же. В 20-е годы и до недавнего времени зачастую это была позиция, распространенная среди людей, не чуждых размышлений, что не задумываться о вопросах религиозной традиции является признаком эмансипации. И действительно образованные люди, которых можно было пристыдить, что они, возможно, совершенно не сведущи в сфере экономики или литературы, гордились собственной безграмотностью в области религии - или же они не без гордости упоминали тот факт, что не узнали ничего нового помимо того случайного набора беллетристики и катехизиса, усвоенных ими в первые годы своего обучения в воскресной школе. Подобная зависимость, о чем мы говорили в предыдущем разделе, а также эти более изощренные позиции приводили к одному и тому же результату: они не позволяли человеку творчески взаимодействовать с каким-то важным аспектом «мудрости отцов». Сложившаяся ситуация оказывалась неблагоприятной не только для общества, но также и для самого человека. Ведь это лишало его какой-то важной части его исторического тела и, таким образом, во многом способствова-

по диффузной запутанности и ощущению отсутствия корней у людей в наше время.

Таким образом, вне зависимости от того, являемся ли мы «интеллектуалами» или «склонны к размышлениям» или просто живые люди, которые пытаются придерживаться определенного курса в это беспорядочное и сложное время, важно задаться следующим вопросом «Как человек может относиться к наследуемым традициям с тем, чтобы его собственная свобода и личная ответственность не приносились в жертву в этом процессе?»

Для начала один из принципов вполне ясен: чем выше уровень самоосознания, тем более человек способен усвоить мудрость своих отцов и сделать ее своей. Это люди, которые являются слабыми в смысле их собственной личностной идентичности, над которыми одержала победу сила традиции, которые не могут выстоять в непосредственной близости к ней и которые, соответственно, либо капитулируют, как-то отгораживаясь от нее, либо совершают бунт против нее. Это можно наглядно проиллюстрировать на примере некоторых современных художников, которые боятся увидеть работы эпохи Ренессанса из страха, что это может оказать на них влияние. Одним из отличительных признаков силы личности является способность углубляться в традиции и, в то же самое время, оставаться уникальным Я.

Это то, в чем должна состоять задача классики, литературы или этики или какой-либо иной области. Ведь смысл классики состоит в том, что она берет свое начало в таких серьезных глубинах человеческого опыта - будь-то слова пророка Исайи или Эдипа или мысли Лао-Цзы - что это звучит в унисон с теми, кто жил в последующие века в довольно разных культурах, как голос нашего собственного опыта, что помогает лучше понять самих себя и обогатиться, избавившись от разных голосов внутри нас самих, о существовании которых мы могли даже и не подозревать. «Бездна бездну призывает», так говорится в псалмах. Нет необходимости буквально соглашаться с концепцией Юнга об архетипах или «коллективном бессознательном», чтобы признать то, что чем глубже человек следует в собственном опыте (скажем, соприкасаясь со смертью или в опыте любви или в обычных отношениях в семье), тем больше такой опыт имеет общего с аналогичным опытом других людей в иное время и в иных культурах. Вот почему драмы Софокла, диалоги Платона

и изображения северных оленей и бизонов анонимными кроманьонцами на стенах пещеры на юге Франции около двадцати тысяч лет тому назад могут оказывать более мощное воздействие и вызывать более сильную реакцию, чем бесконечное множество произведений или картин пять лет назад.

Но чем более основательно человек углубляется в изучение собственного опыта, тем более самобытной будет его реакция и продукт его деятельности. Здесь мы можем наблюдать кажущийся парадокс, который, вне всякого сомнения, известен любому, как верный, исходя из его собственного опыта: чем более глубоко он может сопоставлять и использовать накопленные знания в истории, тем более уникальными в то же самое время у него могут быть познания о самом себе, и он может быть самим собой.

Таким образом, это битва не между личной свободой и традицией, как таковая. Здесь опять же вопрос состоит в том, как будет использована традиция. Если человек спрашивает «Что традиция (будь то традиция в этике, подобно Десяти заповедям или Нагорная проповедь или традиция в искусстве, подобно импрессионизму) требует от меня?», традиция попадает в разряд авторитарного использования. Тогда она будет не только гасить его собственные жизненные силы и творческие инсайты, но это также удобный способ для него избежать ответственности за свои собственные выборы. Но если же он спросит «Чему традиция может научить меня в отношении человеческой жизни, в данное время и именно с этими проблемами?», тогда он сможет использовать всю ту мудрость, накопленную в исторической традиции, для собственного обогащения и руководствоваться ей в жизни, чтобы стать свободной личностью.

Одним из первых шагов, необходимых для творческого отношения к унаследованной мудрости в религиозных традициях, будет устранение религиозных дискуссий в таких искаженных формах, как споры по поводу «веры в существование Бога». Подобное стремление сделать этот вопрос основным - как если бы Бог был «объектом» наряду с другими объектами, существование которого можно было бы одобрить или опровергнуть каким-то математическим доказательством или научным фактом - показывает тенденцию в современном мире к расщеплению реальности. И тогда, следуя этой дихотомии, на что указывал Декарт, мы, как правило, можем предположить, что все требует дока-

зательства методами, которые должным образом соответствуют механическим свойствам и физической науке.

Представляя Бога реальным существом, существующим где-то наряду с другими созданиями - это будет переносом некой примитивной точки зрения, полной противоречий и легко опровержимой. Пауль Тиллих, в недавно опубликованной книге, на которую теологи уже ссылаются, как на возможно наиболее важную работу в области теологии в двадцатом веке, отмечает, что спор о существовании Бога указывает на столь же сильный атеизм, что и любые аргументы против. «Это не что иное, как атеизм, - говорить о том, что Бог существует, чтобы его отрицать. Бог - это бытие само по себе, а не какое-то отдельное создание».³³

Мы рассматриваем религию как некое предположение, что жизнь имеет смысл. Религию или ее отсутствие можно увидеть не в каких-то интеллектуальных или вербальных проявлениях, но в отношении к жизни в целом. Религия - это все то, что человек предпринимает в отношении конечности своего существования. Отношение человека к религии прослеживается в тех самых убеждениях, что в человеческом существовании есть ценности, ради которых стоит жить и умереть.

Очевидно, вряд ли все религиозные традиции или взгляды можно считать в равной степени конструктивными: они могут быть разрушительными, например, религиозная лихорадка нацистов или Инквизиция. Для теологии, философии и этики проблема всегда будет состоять в том, чтобы с помощью различных наук и истории человека определить, какие системы верований можно считать наиболее конструктивными и наиболее соответствующими каким-то иным аспектам в отношении жизни человека. Здесь мы бы хотели подчеркнуть то, что психологически религию следует понимать как некий способ отношения к собственному существованию. «По плодам их узнаете их». Эрих Фромм был совершенно прав, когда он отмечал «Нет большой разницы между мистической верой в Бога [под которой он, скорее, имел в виду присущие человеку религиозные убеждения, а не какие-то потусторонние доводы] и рациональной атеистической верой в человечество, как и между тем, что существовало ранее, и кальвинистскими взглядами, когда вера

³³ Paul Tillich, *Systematic Theology*. University of Chicago Press, 1951.

в Бога основана на убеждении в собственном бессилии и страхе власти господней».³⁴

Когда человек способен творчески использовать мудрость своих отцов в нравственной и религиозной традиции, он заново открывает способность удивляться. Совершенно очевидно, что современному обществу очень сильно недостает именно этой способности непосредственно и искренне испытывать удивление. Это одно из свидетельств того вакуума и пустоты, которые испытывают столь многие люди в наше время.

Удивление можно описать разными способами, от утверждения Канта «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительней мы размышляем о них - звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» (с последним утверждением был согласен и Фрейд) до того удивления, которое мы испытываем, как один из аспектов тех переживаний, когда мы сострадаем чему-то или испытываем страх, очищающие душу, как отмечал Аристотель, когда мы видим некую драму в трагедии. Хотя, безусловно, если не говорить о какой-то исключительности религии, способность испытывать удивление, как правило, связывают именно с этим: и я бы скорее назвал удивление, испытываемое столь же часто учеными или художниками, религиозной составляющей этих других проявлений. Те, кто ригидно относится к религиозной или научной доктрине, становятся более догматичными и утрачивают способность удивляться; но тот, кто «наследует мудрость своих отцов», не отказываясь от собственной свободы, открывает для себя, что способность удивляться добавляет некую «изюминку», что касается смысла жизни.

Важность того, чтобы испытывать удивление, лежит в основе высоких требований Иисуса в отношении детей: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Подобное утверждение не имеет ничего общего с «ребячливостью» или «инфантилизмом»; здесь говорится о способности ребенка испытывать удивление, способности, которую можно также отметить у большинства зрелых и творческих взрослых, вне зависимости от того, ученые ли это, как Эйнштейн, или художники, как Матисс. Удивление есть нечто противоположное цинизму или скуке; и это означает то, что у человека повышенная жизнеспособность, он испытывает интерес, на что-то надеется и вос-

³⁴ Man for Himself, Rinehart & Company, p. 210.

приимчив. В особенности, это позиция «открытости» - осознание того, что в жизни есть нечто большее, чем человек способен был постичь до сего времени, опыт каких-то новых открытий в жизни, а также новых глубин, в которые можно проникать. В действительности, это ведь не так просто. «Удивление быстро наскучивает» писал Джозеф Вуд Кратч... «...Жизнь могла бы быть более наполненной, чем сейчас, если бы не тот факт, что человек, по природе своей, так устроен, что позиция «Вот это да...» для него гораздо менее естественна, чем «Ну и что...»!

Можно отметить то, что человек считает первостепенно значимым и ценным в жизни. Хотя какие-то отдельные проявления можно увидеть в трагической драме, это нельзя считать негативным опытом; ведь он значительно обогащает жизнь, это та самая эмоция, сопровождающая нас повсюду, а именно: радость. «Наивысшее счастье - способность удивляться» как отмечал Гете «Человек умирает, когда утрачивает способность удивляться и радоваться простым вещам...»

Удивление и смирение также следуют вместе - не псевдосмирение отказа от чего бы то ни было, что, как правило, является оборотной стороной высокомерия, но смирение великодушного человека, который способен принять «данность» в силу того, что он, в собственных творческих устремлениях способен отдавать. Определение «милость», как это сложилось исторически, имело более расширенное толкование, несмотря на то, что сейчас, вызывая у столь многих людей ассоциации с какими-то негативными формами «Милости божьей», оно стало бессмысленным. Человек говорит о грациозном полете птицы, исполненных грации движениях ребенка, грациозности великодушного человека. Грация - это некая «данность», появление новой гармонии; и это всегда «означает, что сердце способно испытывать удивление».

Здесь следует обратить особое внимание на то, что используя определения - удивление, смирение, грация - коннотация будет не в том, что этот человек пассивен, и на него можно воздействовать, согласно некоторым религиозным воззрениям. В нашем обществе очень распространено ошибочное представление о том, что человек может «отдаться» творческому экстазу или любви к кому-то или религиозной вере. Это как если бы человек «влюблялся», испытывая силу притяжения, или же его преследовала «неумолимая судьба» или же он писал музыку или кар-

тины в состоянии, будто бы его куда-то «уносит». Удивительно, насколько преобладают подобные пассивные стили мышления в нашей культуре, и насколько они являются ошибочными. Любой художник или писатель или музыкант, - тот, кого якобы «уносит», - может рассказать вам о том, что в творческом опыте присутствует в значительной мере расширенное осознание и очень интенсивные действия со стороны самого человека. Если использовать для сравнения сексуальные отношения, это как если бы человек представлял половые сношения, как «отдавать себя», без эрекции, без каких бы то ни было действий и, соответственно, не имея связи с другим. Такая пассивность будет одинаково неэффективной как в сексуальных отношениях, так и в любой другой форме творческой активности. Даже ответная реакция подразумевает наличие жизненных сил. Музыка Крайслера вряд ли вызовет какие-то чувства у человека, который пьян или никого не подпускает к себе в силу своей гордости или чего-то еще, что у него атрофировано. И, безусловно, грация или какая-то определенная сторона в опыте оказываются прямо пропорциональными тому, насколько человек принимает в этом участие. Один пациент в терапии выразил это простыми, но прекрасными словами «Милость Божья - это способность изменяться».

В данном случае мы бы хотели скорее обратить внимание на то, что творческое следование традиции позволяет иначе относиться и к осознанию. Любой человек знает, что сознание обычно представляет то, как негативный голос традиции ведет внутри нас беседу - разного рода «не» (не убий, не возжелай...), эхом доносящиеся из уст пророка Моисея с горы Синай, голос запретов, которым общество учило своих членов на протяжении веков. Тогда сознание - это то, что сдерживает любые действия.

Подобная тенденция считать сознание чем-то, что может запретить человеку что-то делать, настолько сильна, что создается впечатление об автоматизме происходящего. Когда мы обсуждаем этот вопрос со своими студентами в колледже, один из студентов высказал точку зрения, что вполне возможно использовать свое сознание позитивно. Когда я согласился с ним и попросил привести примеры, он заметил «Когда вам не хочется идти на учебу, ваше сознание говорит, что это необходимо». Я обратил внимание на то, что в действительности, это негативное предложение. Тогда он, подумав, предложил второй пример

«Когда вы не хотите учиться, ваше сознание заставляет вас». Сначала он совершенно не понимал того, что этот пример также содержал в себе отрицательную коннотацию. В каждом случае сознание рассматривалось как нечто, действующее против того, что человек предположительно «хотел» сделать; это был некий надсмотрщик, хлыст. И здесь важный момент состоит в том, что в этих примерах молодой человек ничего не сказал по поводу своего сознания, как некоего руководства, помогающего ему извлечь для себя самую большую ценность из процесса обучения, или сознания, представляющего его собственные глубинные устремления и цели в ходе обучения и получения новых знаний.

Сознание не есть свод «полученных сверху» запретов для сдерживания своего Я, чтобы заглушить свои жизненные силы и импульсы. Равно как не стоит рассматривать сознание как нечто, оторванное от традиции, как это происходило в периоды либерализма, когда подразумевалось, что человек будет принимать решение в отношении любого действия с самого начала. Скорее, сознание - это способность на каком-то более глубинном уровне испытывать инсайт, быть нравственно чувствительным и способным осознавать, когда традиция и непосредственный опыт будут не чем-то противоположным друг другу, но взаимосвязанными между собой. Этимология данного определения помогает понять эту точку зрения. Состоящее из двух латинских слов, что означает «знать» (*scire*) и «с» (*cum*), сознание (*conscience*), оно очень тесно связано с определением понимания (*consciousness*). В действительности, в некоторых странах, например, в Бразилии, то же самое слово (“*consciencia*”) используется применительно как к «сознанию», так и «пониманию». Когда Эрих Фромм говорит о сознании, как о способности «человека вспоминать себя», подобное напоминание не будет чем-то противоположным исторической традиции как таковой, но лишь авторитарному применению в этой традиции. Ведь существует уровень, на котором человек принимает участие в этой традиции, и на этом уровне традиция помогает человеку обрести свой собственный наиболее значимый опыт.

Таким образом, нам бы хотелось подчеркнуть позитивные аспекты осознания - осознания, как индивидуального способа обретения мудрости и переживания инсайта, осознания как «открытия», руководства к расширению своего опыта. Это

то, о чем говорил Ницше в своем гимне «По ту сторону добра и зла» и то, что имел в виду Тиллих в своей концепции трансцендентного сознания. Если брать за основу эту точку зрения, то уже вряд ли будет верным то, что «сознание делает из всех нас трусов». Скорее, сознание будет основой смелости.

Человеческая возможность создавать нечто ценное

В ходе нашего обсуждения у некоторых читателей могла возникнуть мысль об утрате центра ценностей в нашем обществе, когда все, что необходимо, - это лишь выработать какие-то новые ценности. В то время как другие могли поймать себя на мысли «Нет ничего плохого в ценностях прошлого - таких как любовь, равенство и человеческое братство. Все, что нам нужно, - лишь вернуть обратно эти ценности».

И в первом, и во втором случае отсутствует ключевая проблема, а именно: что современный человек в значительной степени утратил способность что-либо утверждать и веру в какие бы то ни было ценности. Независимо от того, насколько важным может оказаться содержание этих ценностей или сколь подходящей та или иная ценность может выглядеть на бумаге, человеку необходима главная способность, а именно: способность создавать нечто ценное. Варвары не одержали триумфа в таких движениях, как гитлеровский фашизм, потому что люди «забыли» нравственные традиции своего общества, то, как человек может неверно определить свод правил и норм. Гуманистические ценности свободы и величайших благ для большинства людей, иудео-христианские ценности общества и любовь к незнакомому человеку, - об этом по-прежнему говорилось в учебниках, и им по-прежнему обучали в воскресных школах, и для того, чтобы их извлечь, не требовалось совершать археологические раскопки. Скорее люди утратили - в силу тех причин, о которых мы упоминали в Главе 2 - внутреннюю способность утверждать, переживать ценности и цели как реальные и значимые для них самих.

Кроме того, есть что-то искусственное в том, чтобы вознамериться «найти» центр ценности, как если бы человек отправлялся за покупкой нового пальто. Подобные попытки открыть ценности где-то вовне, за пределами своего Я, как правило, приводят к тому, что человек напрямую оказывается перед во-

просом, а что же группа ожидает от него - какого «стиля» стоит придерживаться в наши дни, в ценностях, как при выборе одежды? И все это, как мы уже отмечали, проявлялось в тенденции к пустоте, что мы могли наблюдать в нашем обществе.

Что-то не так даже в самой фразе «рассмотрение ценностей». Человек никогда не может убедиться в наличии определенных ценностей в ходе каких-то интеллектуальных дебатов. Те вещи, которые действительно ценны в жизни человека, - его дети и любовь к ним и их к нему, удовольствие, которое он получает от просмотра драмы или слушая музыку или играя в гольф, гордость, испытываемая им от работы, - все это он принимает как свою реальную действительность. Он может посчитать любое теоретическое обоснование ценности, например, любовь к своим детям или удовольствие, которое он получает, слушая музыку, как неуместное или даже не относящееся к делу. Если вы подтолкнете его к этому, он может сказать «Я ценю любовь своих детей, потому что я действительно это испытываю», а если вы пойдете еще дальше и вызовете его раздражение, то он может сказать «Если вы сами этого не испытали, то я не могу вам этого объяснить». В реальной жизни подлинная ценность - это нечто такое, что мы переживаем, как связанное с реальностью наших поступков, и любое вербальное обсуждение оказывается совершенно вторичным.

Мы вовсе не хотим «психологизировать» ценности или же не имеем в виду, что все, к чему человек может испытывать склонность в определенный момент, является «хорошим» и «истинным». Равно как не преуменьшаем роли наук для человека, а также психологии и религии в прояснении этих ценностей. В действительности, я считаю, что для решения нашей ключевой проблемы требуется объединение всех этих дисциплин, чтобы определить, какие ценности современным человеком могут быть взяты за основу.

Но мы действительно хотим подчеркнуть то, что до тех пор, пока сам человек не сможет подтвердить эту ценность; пока его собственные внутренние мотивы, его собственное нравственное осознание не выйдут на первое место, никакое обсуждение ценностей, на самом деле, не будет представлять большой разницы. Нравственные суждения и решения должны основываться на способности самого человека к оцениванию. И лишь то, как он сам подтвердит, на всех уровнях своего Я, некий способ дей-

ствия, как одну из составляющих того, как он видит реальность и делает свой выбор, как относиться к ней - только так ценность станет действенной и бесспорной в его собственной жизни. Ведь это, очевидно, единственный способ, как он может и будет брать ответственность за свои действия. И это единственный способ, как он будет учиться, опираясь на собственные поступки, как лучше поступить в следующий раз, ведь когда мы действуем механически или согласно каким-то правилам, мы закрываем глаза на отдельные нюансы, новые возможности, уникальные способы, когда любая ситуация является отличной от любой другой. Кроме того, лишь то, как человек выбирает свой поступок, подтверждает цель в собственном осознании, что его действие получит признание и окажет влияние, поскольку только тогда он действительно сможет поверить в то, что делает.

Человека действительно стоит называть «экспертом», как говорил старец Заратруста. «Ни один народ не мог бы жить, не сделав сперва оценки: если хочет он сохранить себя, он не должен оценивать так, как оценивает сосед... Оценивать - значит созидать: слушайте, вы, созидающие! Оценивать - это драгоценность и жемчужина всех оцененных вещей. Через оценку впервые является ценность; и без оценки был бы пуст орех бытия. Слушайте, вы, созидающие!»

Давайте рассмотрим более подробно, как человек делает нравственный выбор. Вне всякого сомнения, любой поступок несет в себе бесконечное число детерминирующих составляющих в нем, но в момент принятия какого-то личного решения происходит нечто такое, что уже является не просто результатом всех этих определяющих сил.

Так, например, человек, который собирается предпринять путешествие на пароходе, чтобы выступить с циклом лекций, наталкивается на кордон пикетчиков. Забастовка, скажем, представляет нечто такое, в отношении чего вопрос правосудия является не столь простым, как, например, это происходило в ходе недавнего диспута в порту Нью-Йорка между двумя портowymi профсоюзами. Предположим, человек сталкивается с тем, что представляет для него серьезный нравственный вопрос - должен ли он прорываться сквозь эту линию пикетчиков? Различными способами он может попытаться определить законность этой забастовки, оценить, насколько ему важно добраться именно этим видом транспорта или же воспользоваться

ся какими-то альтернативными средствами передвижения. Но в момент принятия решения, садиться на корабль или нет, его решение таит в себе риск. Этот риск будет присутствовать, вне зависимости от того, какое решение будет им принято. Сам поступок, наподобие прыжка в воду, осуществляется человеком в совокупности или вообще не осуществляется. Конечно же, мы оперируем здесь предельными терминами; многие люди предпочли бы действовать по правилам - «Я никогда не перехожу линии пикетчиков» или «Ну их к черту, этих бастующих» - и прибегнуть к рационализации - так или иначе - исходя из ответственности. Но в той мере, насколько человек способен реализовать свой человеческий потенциал - т.е. сделать выбор в своем самосознании - он принимает решение в целом. Подобная составляющая целостности не проявляется только через интеграцию его личности - хотя чем более зрелым он является, тем более он способен следовать в этом направлении. Скорее, это происходит в виду того, что любой поступок, выбранный в самосознании, представляет помещение своего Я «в категорию» как если бы, которая включает в себя обязательство, «прыжок», в той или иной степени. Это как если бы человек говорил «Исходя из того, что можно считать лучшим для меня в данный момент времени, - это то, как я выбираю поступить, даже несмотря на то, что я могу знать больше и сделать совершенно иной выбор завтра».

То, как человек делает свой выбор, вносит еще один штрих в общую картину. Подобная конфигурация меняется, пусть даже и незначительно, человек придает значение тому или иному. Это и есть творческая и динамическая составляющая в принятии решения.

Общеизвестно, что на человека оказывает влияние множество самых разных «бессознательных» сил. Но зачастую упускается из виду то, что осознанные решения, если они принимаются обоснованно, а не стремительно или демонстративно, могут изменить направление, в котором действуют силы бессознательного. Наиболее ярко это проявляется в сновидениях в ходе терапевтических сессий, когда у человека на протяжении многих месяцев происходит внутри борьба, связанная с принятием решения, скажем, покинуть дом и начать самостоятельно трудиться. За все это время число сновидений «за» и «против» оказывается приблизительно одинаковым - в одних он получает

предупреждение, что лучше остаться дома, в то время как в других речь идет о том, что лучше уехать. Наконец, он принимает решение уехать, и его сновидения неожиданно переходят в позитивное русло, как если бы осознанное решение высвобождало какие-то «бессознательные» силы.³⁵ По-видимому, внутри нас имеется потенциал к здоровью, который не может быть реализован до тех пор, пока мы не сделаем осознанный выбор. Если говорить аллегориями, решение человека можно сравнить с действиями израильтян в битве против армии Сиссеры: «звезды были против Сиссеры», но не до того, как израильтяне также приняли решение вести войну.

Тогда нравственным поступком будет действие, выбранное и подтвержденное человеком, который его осуществляет; поступок, отражающий его внутренние мотивы и позиции. Он будет честным и искренним, если это найдет свое подтверждение в сновидениях, равно как и в первые мгновения после пробуждения. Таким образом, человек нравственный не действует на сознательном уровне, как если бы он любил кого-то, в то время как на бессознательном уровне он его ненавидел. Конечно же, никакую добропорядочность нельзя считать абсолютной; все человеческие поступки в какой-то степени амбивалентны, и никакие мотивы нельзя считать совершенными в чистом виде. Нравственный поступок не означает, что человек должен действовать как совершенно унифицированный человек - вообще не испытывая никаких сомнений - или же вообще ему не стоит действовать. Человек будет всегда находиться в состоянии борьбы, испытывать сомнения и конфликты. Это лишь означает то, что он попытался действовать, насколько это возможно, из «центра» своего я, что он допускает это и осознает тот факт, что его мотивы не до конца ясны, и он принимает ответственность за то, чтобы сделать их более понятными по мере того, как он будет узнавать что-то новое в будущем.

При таком акценте на внутренних мотивах в нравственных поступках можно провести очень четкую параллель с открытиями современной психотерапии и нравственными учениями Иисуса. Ведь важный момент в нравственном учении Иисуса

³⁵ Безусловно, здесь также может иметь место реактивное действие - и много иной паттерн, который не опровергает нашу точку зрения, приведенную выше. Тем не менее, реактивное действие, как правило, происходит лишь тогда, когда человек принял решение слишком быстро, т.е. прежде чем он был готов к этому на всех уровнях.

состоял в том, что он сместил акцент с внешних правил Десяти Заповедей на внутренние мотивы. «Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе». Он считал, что нравственные вопросы нельзя сводить к простому «не убий», но скорее это внутренняя позиция по отношению к другим людям - гнев, негодование, «похоть в сердце» и стремление эксплуатировать других, «брань», «ревность» и так далее. Целостность человека, внешние поступки которого соответствуют его внутренним мотивам, - это то, что подразумевается в выражении Заповеди блаженства «с чистым сердцем». Так, Кьеркегор одну из своих книг назвал Чистота сердца есть стремление к чему-то одному, в которой он рассматривает библейские цитаты, интерпретируя их следующим образом «О, вы, преисполненные фальши, очистите сердца свои!»

Некоторых людей может испугать свобода, что касается этики относительно истинной природы человека и вызвать тревогу та ответственность, которую это налагает на решения каждого человека. Они могут стремиться к «правилам», абсолютам, «ригидным старым законам», как говорил Инквизитор, что освобождает нас от «этого страшного бремени свободного выбора». И в этом стремлении к правилам человек может возразить, что «Ваша этика внутренних мотивов и личных выборов может привести к анархии - тогда любой человек сможет действовать, как ему заблагорассудится!» Но такой аргумент не позволяет избежать свободы. Ведь то, что «честно» и «правильно» для одного человека, вряд ли будет совершенно отличаться от того, что правильно для других. Доктор Тиллих утверждал, что «принципы, взятые за основу во Вселенной, следует искать в человеке», также будет верным и обратное: то, что можно обнаружить в опыте человека, в какой-то степени является отражением того, что является истинным во Вселенной.

Это можно наглядно проиллюстрировать в искусстве. Картина никогда не будет красивой, если ее нельзя назвать честной, а если мы способны увидеть, что они сделали честно, т.е. если она отражает непосредственное, глубокое и оригинальное восприятие и опыт художника, то, по крайней мере, мы увидим в ней зачатки красоты. Вот почему творчество детей, когда это является выражением их простых и искренних чувств, почти всегда прекрасно: любое движение, которое ребенок делает, как свободное и спонтанное, будет

иметь в основе своей грацию и ритм. Гармония, баланс и ритм, которые являются принципами Вселенной, представлены в движении звезд и атомов и лежат в основе наших представлений о красоте и, сходным образом, находят отражение в гармонии ритма и баланса тела, а также иных аспектах Я. Но в тот момент, когда ребенок начинает копировать или рисовать, чтобы получить одобрение у взрослых или же рисует по правилам, то линии становятся ригидными, зажатými, и грациозность пропадает.

Истинность положения «внутреннего света» в истории религии заключается в том, что человек всегда должен начинать с себя. Как заметил Мейстер Экхарт, «Бог равно близок нам во всех творениях. Мудрый человек говорит: “На все создания раскинул Господь тенета и сети Свои, так что, кто хочет видеть Его, может найти Его и узнать в каждом творении”. Только тот воистину познает Бога, как говорил один учитель, кто видит Его во всем». Обращаясь к Сократу, Кьеркегор писал «По мнению Сократа любой человек находится в собственном центре, и в нем сосредоточен весь мир, потому что его знания о себе и есть знания о Боге». Вряд ли это повествование об этике и эффективной жизни можно считать полным, но, безусловно, не начав с этого, мы ни к чему не сможем прийти.

Глава 7

Мужество, свидетельство зрелости

Во все времена мужество было тем простым качеством, которое необходимо человеку, чтобы он мог проделать тот тернистый путь от инфантильности к личностной зрелости. Но в век тревоги, век «стадной» нравственности и полной изоляции человека, мужество становится *тем качеством, без которого нельзя обойтись*. В те периоды, когда в нравственных устоях общества существовали относительно четкие ориентиры, к человеку относились более жестко, обходя молчанием кризисы в его развитии; но в переходные периоды, как это происходит в наше время, человеку приходится рассчитывать только на собственные силы, и это происходит в более раннем возрасте и продолжается дольше по времени.

Может показаться интересным, если мы посвятим одну из частей нашей книги мужеству, поскольку на протяжении последних десяти лет, как правило, отмечалась тенденция относить мужество к категории устаревших ценностей дворянского сословия или считать это необходимым - по большей части - для подростков в спорте или солдат во время войны. Но мы могли пренебрегать мужеством всего лишь потому, что чрезмерно упрощали жизнь: мы подавляли осознание смерти, говорили себе, что счастье и свобода произойдут автоматически и предполагали, что одиночество, тревога и страх всегда являются невротичными, и с ними можно справиться посредством лучшей адаптации. Действительно, невротичную тревогу и одиночество можно и следует преодолевать: и чтобы справиться с этим смелость, прежде всего, будет состоять в том, чтобы осуществить некие шаги в направлении получения профессиональной помощи. Но человек по-прежнему будет переживать естественную тревогу, с чем приходится сталкиваться любому, кто находится в процессе роста, и скорее это будет противостоянием, а не бегством, когда важно именно мужество. Мужество - это главное качество для любого человека, поскольку он продолжает свой рост, продвигается вперед; это «единственная вечная ценность», как считает Эллиен Глазго.

Мы говорим здесь, главным образом, не о мужестве, которое требуется для того, чтобы противостоять каким-то угрозам из-

вне, например: война и водородная бомба. Скорее речь идет о мужестве, как некоем внутреннем качестве, отношении к своему Я и собственным возможностям. И когда человек находит в себе мужество встретиться со своим Я, то он уже может гораздо более хладнокровно противостоять угрозам, связанным с какой-то внешней ситуацией.

Мужество быть собой

Мужество - это способность переживать тревогу, с которой человек сталкивается, получая свободу. Это желание как-то дифференцировать, переходить от областей, в которых он получает защиту, будучи зависимым от родителей, к новым уровням свободы и интеграции. Мужество требуется не только на этих этапах, когда наиболее очевидны бреши, связанные с получением родительской защиты, - например, появление самоосознания, поход в школу, пубертат, любовные кризисы, брак и понимание своей конечности, - но и на любом промежуточном этапе, когда человек переходит от известного окружения, что связано с пересечением границ, к неизвестному. «Мужество, с позиций окончательного анализа», как правильно отмечает нейро-биолог Доктор Курт Гольдштейн, - «не что иное, как утвердительный ответ на все те потрясения, связанные с существованием, который должен возникнуть для актуализации собственной природы».

Противоположным мужеству является не малодушие: скорее, это недостаток мужества. Назвать человека малодушным - не больше, чем сказать, что он ленивый. Просто это говорит нам о том, что какой-то жизненно-важный потенциал остается нереализованным или заблокированным. Противоположным мужеству, т.е. то, как человек пытается справиться с проблемой в наше время, является бездушная конформность.

В наши дни мужество стать подлинным Я едва ли не вызывает восхищение, как какое-то высшее качество. И проблема состоит в том, что многие люди по-прежнему связывают подобное мужество с той консервативной позицией людей, которые сами себя «сделали» в конце девятнадцатого века, или же это представляется чем-то нелепым, вне зависимости от того, насколько искренне звучит тема «Я - властелин своей судьбы» в таком стихотворении, как «Инвиктус» («Непокоренный»). То, насколько важно для многих людей в наши дни руководствоваться собственными убеждениями, проявляется в таких фразах, как

«ставить себя под удар». Основным аргументом в такого рода беззащитной позиции будет то, что любой прохожий может на что-то засмотреться и свернуть себе шею. Или же люди говорят о продвижении вперед - то, как они это видят, - как своеобразном «разделении на части». И вновь - какой интересный образ! Единственное, что человек может сделать, когда речь идет о подобном разделении на части, - это отступить назад, увидеть эти части, по отдельности и врозь. И все это будет напоминать драму Икара и походить на мученическое и, возможно, бесполезное крушение или будет продолжаться то разделение на части, как у индуса, сидящего под деревом, и испытывающего на себе все те насмешки простого люда, который не слишком задумывается о том, что ему придется сидеть под деревом до тех пор, пока разделение внезапно не отступит в этом тяжком бремени.

В двух этих выражениях находит отражение тот факт, что то, чего человек больше всего боится, - это оказаться без группы, как-то «выделиться», не соответствовать. Людям недостает мужества из-за страха изоляции, одиночества или они боятся того, что будут подвержены «социальной изоляции», т.е. что над ними будут подтрунивать, они станут посмешищем или их отвергнут. Если человек вновь оказывается в толпе, ему не придется снова идти на риск, принимая во внимание эти опасности. А подобная изоляция - не такая уж и незначительная опасность. Др. Вальтер Канон показал это в своем исследовании «смерти Вуду», когда первобытные люди могли быть буквально уничтожены, если они оказывались в психологической изоляции от своего сообщества. Также отмечались случаи и среди коренного населения, с которыми обращалось их племя так, как если бы их вообще не существовало, и их подвергали социальному ostracism - когда они действительно чахли и умирали. Кроме того, Уильям Джеймс напомнил нам о том, что это выражение *«полностью игнорировать»* в связи с социальным неодобрением указывает на большую достоверность, нежели несет в себе чего-то возвышенное. Таким образом, вряд ли здесь можно усмотреть какой-то вымысел невротического воображения, когда люди смертельно боятся руководствоваться своими собственными убеждениями, ценой риска быть отвергнутыми группой.

То, чего нам недостает в наши дни, - это невраждебного, позитивного, личного, незаурядного, конструктивного мужества Сократа или Спинозы. Нам необходимо пересмотреть понима-

ние позитивных аспектов мужества - мужества как внутренней стороны роста, мужества как конструктивного способа становления Я, что предшествует способности отдавать свое Я. Таким образом, когда в этой главе мы делаем акцент на том, чтобы иметь собственные убеждения, мы вовсе не призываем к тому, чтобы жить в вакууме разобщенности; на самом деле, мужество - это основа творческих взаимоотношений. Это можно показать на примере сексуального аспекта любовных отношений: как мы уже могли видеть, многие проблемы нарушений потенции среди мужчин возникают из-за страха женщин, а первоначально страха матери, и на символическом уровне фокус тревоги может быть выражен их страхом того, что во время сексуального акта пенис могут захватить и отобрать, страхом доминирования женщины или зависимости от нее и так далее. В терапии следует уделять особое внимание первопричинам этих проблем. Но когда данный процесс завершен, и невротическую тревогу удастся преодолеть, тогда мужество будет состоять в способности устанавливать отношения, и это мужество - если продолжать наш пример с сексуальными отношениями - как буквально, так и на символическом уровне можно увидеть в способности к эрекции и уверенности в себе, что необходимо для активного сексуального взаимодействия. Сексуальная аналогия также будет верной и применительно к иным сферам жизни: *мужество требуется не только утверждать свое Я, но и отдавать свое Я.*

Еще в легенде о Прометее говорилось о том, что для того, чтобы создавать, требуется мужество. Бальзак, хорошо понимающий эту истину, исходя из собственного опыта, столь ярко описал подобное мужество, что мы приведем здесь его слова:

Упорная работа над собой, искания в области творчества требуют от человека напряжения всех его сил. В высокой сфере искусства, подразумевая под этим словом все творения человеческой мысли, из всех качеств человека самое ценное — мужество, то особое мужество художников и мыслителей, о котором и не подозревает толпа и значение которого, быть может, впервые будет разъяснено на этих страницах... Мыслить, мечтать, задумывать прекрасные произведения — премилое занятие... Но выпестовать свое детище, вскормить его, убаюкивать его каждый вечер, ласкать его всякое утро, обихаживать с неиссякаемой материнской любовью, умывать его, когда оно испачкается, переодевать его сто раз в сутки в свежие платяица, которые оно поминутно

рвет, не пугаться недугов, присущих этой лихорадочной жизни, и вырастить свое детище одухотворенным произведением искусства, которое говорит всякому взору, когда оно — скульптура, всякому уму, когда оно — слово, всем воспоминаниям, когда оно — живопись, всем сердцам, когда оно — музыка, вот что такое Воплощение и Труд, совершаемый ради него. Рука всегда должна быть готова к действию, всегда послушна велениям мысли. Но мысли не прикажешь творить по заказу... Поэтому творческий труд — это изнурительная борьба, которой страшатся и которой отдаются со страхом и любовью прекрасные и могучие натуры, рискуя надорвать свои силы. Если художник, не раздумывая, бросается в глубины творчества, как солдат на вражеский редут, и если, в недрах этого кратера, он не трудится, как рудокоп, засыпанный обвалом, — словом, если он растерянно отступает перед трудностями, вместо того чтобы побеждать их одну за другой, по примеру сказочных принцев, которые, преодолевая злые чары, освобождали заколдованных красавиц, то произведение останется незавершенным, оно гибнет в стенах мастерской, где творчеству уже нет места, и художник присутствует при самоубийстве своего таланта... Такова причина всеобщего признания, громкой славы и лавров, которыми равно венчают и великих поэтов, и великих полководцев.³⁶

И теперь, благодаря психоаналитическим исследованиям, мы знаем то, чего не ведал Бальзак; что одна из причин, почему творческая деятельность требует столько мужества, состоит в том, что творить означает освободиться от уз инфантильного прошлого, разрушить прежнее, чтобы могло родиться что-то новое. Ведь для того, чтобы создавать нечто, направленное на внешний мир, в искусстве, бизнесе или где бы то ни было, а также создавать свое Я - т.е. совершенствовать свои способности, стать более свободным и ответственным - все это два аспекта одного и того же процесса. Любой акт подлинного творчества означает достижение более высокого уровня самоосознания и личной свободы, а это, как мы уже могли видеть в мифах о Прометее и Адаме, может вызвать серьезный внутренний конфликт.

Художник, рисующий пейзажи, основная проблема которого состояла в том, чтобы освободиться от уз матери-собственницы,

³⁶ Honore de Balzac, *Cousin Bette*. New York, Pantheon Books, pp. 236-8. (Он - де Бальзак, *Кухина Бетта*)

долгие годы хотел написать портрет, но никогда не решался на это. Наконец, собрав все свое мужество, он «бросился вниз» и за три дня написал несколько портретов, которые получились великими. Но, как это ни странно, он испытывал не только невероятную радость, но также и сильную *тревогу*. На третий день ночью ему приснился сон, в котором его мать говорила, что он должен совершить самоубийство, и он позвал своих друзей, чтобы попрощаться с каким-то ужасающим и непреодолимым чувством одиночества. В действительности, это сновидение говорило ему: «Если ты начнешь творить, тебе придется покинуть известное, и ты станешь одиноким и умрешь; лучше пребывать в том, что тебе знакомо, и ничего не создавать». Это очень важно, когда мы видим природу этой сильной бессознательной угрозы, что он не мог больше написать ни одного портрета в течение целого месяца - иными словами, до тех пор, пока он не справился с ответным ударом тревоги, которую он почувствовал в сновидении.

В прекрасном высказывании Бальзака есть один момент, с которым мы позволим себе не согласиться, а именно: «посредственным умам неведомо» это мужество. Это ошибка, связанная с тем, что мужество отождествляют с какими-то явными поступками, например, задачи, поставленные перед солдатами, или стремление Микеланджело завершить изображения на куполе Сикстинской капеллы. Теперь уже, располагая знаниями о прорывающемся бессознательном, мы можем сказать, что те усилия, которые требуют мужества, аналогичного мужеству солдат, можно проследить в сновидении практически любого человека и в более глубинных конфликтах в моменты принятия трудных решений. Сохранение мужества у «героев» и художников лишь показывает то, как мало человеку известно о происходящих глубинных процессах внутреннего развития практически у любого человеческого существа. Мужество необходимо при совершении любого шага человеком в направлении от массового - на символическом уровне утробы - к становлению личностью по собственному праву; и это происходит на каждом шагу, как если бы человек испытывал такую острую боль с самого рождения. Мужество, будь то мужество солдат, когда они рискуют смертью или ребенка, когда он идет в школу, означает возможность *отпустить* известное и безопасное. Мужество требуется не только тогда, когда человеку время от времени приходится принимать

важные решения для обретения собственной свободы, но и сталкиваясь с какими-то не столь значительными решениями, которые помещаются, как кирпичики, в структуре возведения его Я как личности, поступающей свободно и с определенной долей ответственности.

Таким образом, речь идет не о героях. В действительности, явное геройство, например, стремительность, зачастую является следствием чего-то, совершенно отличного от мужества: во время последней войны «горячие» пилоты в военно-воздушных силах, которые, очевидно, были очень смелыми, если говорить о принятии на себя риска, зачастую оказывались неспособными преодолеть свою тревогу внутренне, и им приходилось компенсировать ее, играя с опасностью в каких-то внешне безрассудных поступках. Мужество следует рассматривать как внутреннее состояние; в противном случае, внешние поступки могут оказаться очень обманчивыми. Галилей для видимости пошел на компромисс с Инквизицией и согласился отречься от своей точки зрения, что земля вращается вокруг солнца. Но здесь важно то, что внутри он продолжал оставаться свободным, что можно увидеть в его словах, произнесенных куда-то в сторону, согласно легенде «И все-таки она вертится». Тогда он мог продолжать работать: и никто извне не может сказать за другого, какие решения представляют собой отказ от или сохранение свободы. Мы можем представить, что соблазн отказаться от свободы проявлялся в том внутреннем голосе, который подсказывал ему «просто не соглашайся - прими мученическую смерть, подумай о том, что ты испытаешь облегчение, когда больше не придется совершать все эти новые научные достижения!»

Ведь это требует еще большего мужества сохранять внутреннюю свободу, продвигаться вперед в своем внутреннем странствии к каким-то новым областям, нежели вызываясь отстаивать какую-то внешнюю свободу. Зачастую проще играть в мученика, чем лезть «на рожон» в битве. Хотя это и может показаться странным, неизменное спокойное продвижение вперед с целью обретения свободы, возможно, наиболее сложная задача из всех, требующая огромного мужества. Таким образом, если определение «герой» вообще здесь применимо, то оно должно относиться не к каким-то особым поступкам неких выдающихся личностей, но к героической составляющей, которая потенциально присутствует у каждого человека.

И не будет ли тогда все мужество, по существу, нравственным мужеством? То, что обычно называют физическим мужеством, означающее способность рисковать физической болью, может просто отражать разницу в физической чувствительности. Имеется ли у детей или подростков мужество бороться, лишь в меньшей степени зависит от боли, которую это может вызвать. Скорее, здесь дело в том, отважится ли ребенок рисковать родительским неодобрением или сможет ли он вынести дополнительную изоляцию, когда у него появятся враги, или будет ли та роль, которую он бессознательно выбрал как некий способ обретения безопасности, попыткой постоять за себя или стремлением поступать так, чтобы понравиться, будучи послушным и «играя в слабого». Люди, которые всецело отдавались борьбе, не испытывая при этом никаких внутренних конфликтов, говорили о том, что физическую боль, как правило, удавалось преодолеть благодаря тому самому «интересу» к конфликту. И не является ли так называемое мужество, когда человек рискует смертью, в действительности нравственным мужеством - мужеством придавать своему Я большую ценность, нежели своему бытию, и, соответственно, мужество расстаться со своей жизнью, если это потребуется?

На основании собственной клинической практики, если говорить о мужестве, то самый большой блок состоит в том, что человеку приходится вести такой образ жизни, на который он не в состоянии сам повлиять. Мы можем видеть это в случае молодого человека, обратившегося в терапию из-за своих гомосексуальных влечений, сильных чувств тревоги и изоляции и потому что он часто срывался, что постоянно мешало его работе. Ребенком к нему относились как эдакому изнеженному созданию, и он никогда не мог постоять за себя, несмотря на то, что его школьные товарищи практически постоянно задирались к нему. Он был самым младшим из шестерых детей в семье, кроме него было четыре старших брата и сестра, родившаяся незадолго до его появления на свет. Сестра умерла совсем маленькой, и мать, которой так хотелось девочку после четырех сыновей, была безутешна. Тогда она очень сблизилась со своим младшим сыном и начала относиться к нему и одевать его так, как девочку. Это не противоречило его логике, что у него развивались какие-то женские интересы, он не учился спорту с другими мальчишками, не отстаивал свои права, даже несмотря на то, что старшие братья

предлагали ему финансовую компенсацию, если он сделает это: *он не должен рисковать своим положением, если говорить о его отношениях с матерью.* Ведь было очевидно, что принятие и одобрение может быть получено только в том случае, если он примет предложенную ему роль девочки - но что может выйти из того, если он будет всего лишь пятым сыном? Его мать уже на бессознательном уровне отвергала его, потому что в действительности он не был девочкой; если он поступал как мальчик, она испытывала к нему ненависть, как подтверждение того, что у нее не было девочки и как напоминание о том, что маленькая девочка умерла. Эти требования, очевидно, противоположные его внутренней мужской направленности, приводили к сильнейшей обиде, ненависти и, впоследствии, к сопротивлению - и ничего из вышеперечисленного он не мог отважиться выразить своей матери. Не было никаких предпосылок для того, чтобы у него развивалась какая-то мужественность. Уже взрослым он теперь проявлял невероятную смелость в тех социальных поступках, в которых выражался его социальный мятеж; если требовалось восстать против какого-то мужского авторитета, он сразу же пускался в драку. Но он испытывал ужас всякий раз, когда ему нужно было - так или иначе - соприкоснуться с женщиной старше его, т.е. любой замещающей материнской фигурой - его реальная мать к тому времени умерла. То, чем нельзя было рисковать, - это окончательным неодобрением и изоляцией от материнского образа в его представлении.

Таким образом, человек не способен знать, *во что* он верит, не говоря уже о том, чтобы как-то это отстаивать или же знать свои истинные возможности, если ему приходилось все это время исполнять некую роль в родительских глазах - некий образ, которому он по-прежнему следует и навсегда сохранил в себе. Его мужество - это вакуум до тех пор, пока он не начнет действовать, поскольку внутри у него отсутствуют какие-то реальные основы.

В нормальных условиях ребенок способен действовать сам, отдельно от своих родителей, делая каждый шаг, чтобы стать самим собой и не испытывая при этом невыносимой тревоги. И поскольку он учится взбираться по этой лестнице, несмотря на боль и фрустрацию, связанную с отступлением, то, в конечном счете, он достигает своей цели, испытывая при этом радость. Таким образом, он естественно познает свою психологическую

независимость шаг за шагом. Зная о любви своих родителей, осознавая безопасность, предоставленную пропорционально степени его незрелости, он способен переживать случающиеся иногда кризисы со своими родителями, и такие кризисы, как поход в школу и его все возрастающее мужество, не подавляются. От него не требуется большей автономии, чем имеется к этому готовность. Но если это необходимо родителям, например, той маме, о которой шла речь выше, наделить ребенка какой-то ролью или доминировать или чрезмерно опекать ребенка из-за собственной тревоги, перед ним тогда встает более трудная задача.

У тех родителей, у которых имеются внутренние, зачастую бессознательные сомнения относительно собственной силы, как правило, отмечается тенденция требовать от своих детей быть особенно смелыми, независимыми и энергичными; они могут покупать своему сыну боксерские перчатки, подталкивать его к тому, чтобы он принимал участие в разного рода конкурсах в самом раннем возрасте и прочими доступными им способами настаивать на том, чтобы ребенок стал «мужчиной»; все то, чего они лишены сами и внутренне это ощущают. Как правило, родители, которые подталкивают ребенка, равно как и те, которые склонны чрезмерно опекать, демонстрируют в своих поступках - которые говорят сами за себя - отсутствие уверенности в нем. Но поскольку ни один ребенок не станет мужественным, если его чрезмерно опекать, так же этого не произойдет и у того, которого к этому подталкивают. Он может стать скептически настроенным или у него могут развиваться какие-то агрессивные тенденции. Но он сможет стать мужественным, только обретая уверенность в собственных силах, как правило, невербализируемой, способностях и природных качествах отдельной личности. Такая уверенность берет свое начало в любви родителей к нему и их вере в его потенциал. И тогда ему будут не нужны ни чрезмерная опека, ни подталкивание - но помощь в использовании и развитии своих возможностей и, самое главное, ощущение того, что его родители относятся к нему как отдельной личности и любят за его определенные способности и качества.

И лишь крайне редко, конечно же, родители могут потребовать от ребенка исполнения роли противоположного пола. Гораздо чаще их требования состоят в том, чтобы ребенок выполнял социальные условия родительской социальной группы,

получал хорошие отметки и чтобы его избирали в различные общества в колледже, чтобы он был «нормальным» во всех отношениях, чтобы о нем никогда ничего не говорили плохого, чтобы он выбрал себе подходящего супруга и продолжил отцовский бизнес. И когда сын или дочь подчиняются этим требованиям, даже если, скажем, они в них и не верят, то они, как правило, склонны к рационализации своих поступков, говоря о том, что им необходима родительская поддержка, финансовая и прочая. Но на более глубинном уровне обычно присутствует иной мотив, который представляется даже более важным, если говорить о проблеме мужества. Иными словами, соответствие родительским ожиданиям - это некий способ получить восхищение и похвалу своих родителей и продолжать оставаться тем, в ком «души не чают». Таким образом, тщеславие и нарциссизм - все это противники мужества.

Мы можем дать следующее определение тщеславию и нарциссизму - это компульсивная потребность получать восхищение и одобрение; поэтому люди и отказываются от своего мужества. На первый взгляд создается впечатление, что тщеславный человек, склонный к нарциссизму, старается чрезмерно защитить себя, вообще не рисковать и в иных сферах поступать не очень храбро, потому что он слишком высокого мнения о себе. Однако, в действительности мы имеем как раз обратное. Ему приходится оберегать себя как некий товар, благодаря которому он может снискать похвалу и внимание, столь ему необходимые, главным образом, ввиду того, что без похвалы матери или отца он будет ощущать себя бесполезным. Мужество берет свое начало в чувстве собственного достоинства человека и самоуважения; и если человек очень плохого мнения о себе, его нельзя назвать мужественным. Люди, которым необходимо, чтобы другие постоянно говорили «Он такой замечательный» или такой умный или хороший или «Она такая красивая» - это такие люди, которые заботятся о себе не потому, что они любят себя, но поскольку красивое лицо или ум или мужественное поведение - это некий способ получить родительское «поглаживание по головке». Это приводит к тому, что человек начинает относиться к себе с презрением: и тогда многие талантливые люди, качества которых вызывают одобрение в глазах общественности, признаются терапевту, доверяя ему, что они ощущают себя обманщиками.

Тщеславие и нарциссизм представляют собой компульсивную потребность получать восхищение и похвалу, подтачивая собственное мужество, ведь тогда человеку приходится бороться скорее с чьими-то убеждениями, нежели своими собственными. В японском фильме *Расемон* между мужем и грабителем начинается яростная схватка. Но в другой сцене, когда жена кричит и насмехается над этими людьми, а между ними продолжается поединок, действуя согласно импульсивному желанию соответствовать ее требованию маскулинного совершенства, они борются лишь в полсилы, отражая те же самые удары, но как если бы их руки были перевязаны какой-то невидимой нитью. Кроме того, когда человек действует, чтобы получить чье-то одобрение, само это действие будет еще раз говорить об ощущении слабости и бесполезности: в противном случае, уже не будет необходимости торговать своими убеждениями. Это зачастую приводит к «малодушному» чувству, которое является самым мучительным унижением из всех - унижение, когда человеку приходится сознательно принимать участие в подавлении самого себя. Нет ничего плохого в том, что человек терпит поражение, потому что противник оказался сильнее или даже проиграть, так как вообще не велась борьба; но знать то, что ты проявил малодушие, потому что сделал свой выбор продать собственную силу, чтобы победоносно уйти, - подобное предательство себя самая горькая пилюля из всех.

Также можно привести отдельные доводы в нашей культуре, почему действия с целью доставить удовольствие другим негативно влияют на проявление мужества. Ведь подобные действия, по крайней мере для мужчин, зачастую означают исполнение роли такого человека, который скромный, неагрессивный, ведет себя, как «приличествует джентльмену»; и как же тогда у человека может развиваться какой-то потенциал, включая сексуальную потенцию, когда предполагается, что он должен быть скромным? И с женщинами та же самая история - подобные способы получить восхищение препятствуют реализации их природного потенциала, поскольку их потенциальные возможности так никогда и не реализуются или даже не упоминаются.

Отличительным признаком мужества в наш век конформности будет способность следовать собственным убеждениям - не упрямо или вызывающе (это выражения защиты, а не мужества) и не как ответный жест, но просто потому, что это именно то, во

что человек верит. Это как если бы своими поступками человек говорил «Это мое я, мое бытие». Мужество - это *позитивный* выбор, но это не тот выбор, потому что «Я не могу больше ничего сделать»; ведь если человек не в состоянии более ничего сделать, о каком тогда мужестве может идти речь? Несомненно, подчас человеку просто приходится придерживаться упрямо и решительно того, чего он добился, благодаря своему мужеству. Такое часто случается в терапии, когда человек находится в процессе какого-то нового роста, и тогда он должен выдерживать ответный удар той тревоги, которая нарастает внутри, равно как и нападки со стороны друзей и членов семьи, которым было бы более комфортно, если бы он оставался на прежнем уровне. В лучшем случае, найдется множество оборонительных позиций; но если человек завоевал нечто, стоящее того, чтобы это защищать, тогда он встает на защиту этого не с отрицательным посылом, но с радостью.

Когда в процессе личностного роста у человека начинают проявляться какие-то признаки мужества - т.е. когда он постепенно отходит от своего паттерна, посвящая свою жизнь тому, чтобы другие восхищались им - как правило, имеет место какой-то переходный период. На этом этапе люди, конечно же, осуществляют независимые поступки, но они защищают свои поступки в суде, где законы прописаны самими авторитетами, которых они стараются защитить. Это как если бы они хотели получить право быть свободными, но, подобно американским колонистам до Революции, им приходилось отстаивать свои аргументы на основании законов, составленных теми, от которых они требовали осуществления своих прав. Зачастую на этом этапе в терапии люди, в буквальном смысле этого слова, мечтают убедить своих родителей в справедливости собственной мотивации, в своем «праве» быть самим собой. Также может оказаться, что этот этап самый долгий, до которого способны дойти далеко не все в собственном развитии на пути обретения свободы и ответственности.

Но на заключительном этапе анализа подобная остановка на полпути погружает человека в безнадежную дилемму: ведь предоставив своим родителям или замещающим родительским фигурам право составлять эти законы и оспаривая их в суде, он, на самом деле, автоматически признает их суверенитет. И это указывает на отсутствие у него свободы и чувство вины, если он

будет отстаивать свою свободу. Как мы уже могли видеть, именно в этом состояла дилемма главного героя в романе Кафки *Процесс*, которого всякий раз задерживали, потому что он пытался оспаривать обстоятельства своего дела, признавая абсолютный авторитет своих обвинителей. Тогда он оказался в безнадежно фрустрирующей ситуации и его подвели, вполне логично, к такому состоянию, когда он мог лишь что-то выпрашивать у них. Представьте, что могло бы произойти, если бы Сократ во время судебного процесса пытался выступить против своих обвинителей в Афинах, на основании их предположений и законов. Все эти различия в мире можно выразить его постулатом «Люди Афин, я скорее подчинюсь Господу, чем вам», что, как мы уже могли видеть выше, означало для него нахождение каких-то внутренних ориентиров для ядра, находящегося глубоко внутри.

Наиболее трудный шаг из всех, требующий огромного мужества, это пересмотреть те принципы, в соответствии с которыми человек жил и следовал им. И этот шаг страшит больше всего. Это означает принятие ответственности за какие-то собственные нормы и суждения, даже если человек знает, насколько они ограничены и несовершенны. Это то, что подразумевал Пауль Тиллих под «мужеством принять свою конечность» - что, по его мнению, и представляет собой главное мужество, которым должен обладать каждый человек. Это мужество быть и доверять своему Я, несмотря на собственную конечность; это означает действовать, любить, думать, творить, даже вопреки тому, что человек осознает, что у него нет окончательных ответов, и он в равной мере может оказаться неправ. Но лишь смело принимая свою «конечность» и совершая ответственные поступки, у человека появляются способности, которыми он действительно обладает, - хотя они и могут быть далекими от абсолюта. Это предполагает самые разные аспекты в развитии осознания своего Я, которые мы уже рассматривали в данной книге, включая самодисциплину, способность создавать нечто ценное, творческое самоосознание и творческое отношение к мудрости веков. Очевидно, этот шаг требует значительной интеграции, а мужество, которое для этого необходимо, - это мужество зрелости.

Прелюдия к любви

Мы не будем здесь подробно останавливаться на теме любви и потому, что уже обращались к этой теме бесчисленное число

раз, и потому, что реальная проблема людей в наши дни представляет собой некий подготовительный этап, что касается самой любви, а именно: быть *способным* любить. Быть способным отдавать и получать зрелую любовь - столь же важный критерий, что и критерий реализовавшейся личности. И именно по этим проявлениям можно судить о том, насколько была достигнута цель, соразмерно реализации человеком своего предшествующего условия стать личностью. Таким образом, вся эта книга, а не только данная часть, может быть названа «прелюдией к любви».

Прежде всего, следует отметить то, что в действительности любовь - это достаточно редкий феномен в нашем обществе. Любой человек знает, что есть бесконечное множество самых разных отношений, которые *называют* любовью: мы не будем сейчас подробно говорить о том, что связано с любовью, когда речь идет о разного рода сентиментальных импульсах и различных эдипальных мотивах, а также «попаданием вновь в объятия к матери», так как все это мы не раз слышали и видели в романтических песнях и фильмах. Ни одно слово не несет в себе больше смыслов, чем это определение, когда большая часть коннотаций является не совсем верными, поскольку они скрывают реальные глубинные мотивы этих отношений. Но есть множество и других надежных и честных отношений, которые называют любовью - например, родительская забота по отношению детям и наоборот, или сексуальная страсть или попытка скрыться от одиночества; и здесь опять же в реальности, когда мы пытаемся заглянуть в глубины, что сокрыто за поверхностью, в нашем одиноком и конформном обществе, у нас вызывает шок то, сколь незначительно выражена компонента любви даже в этих отношениях.

Безусловно, в основе отношений между людьми по большей части лежат смешанные мотивы, включающие в себя комбинацию самых разных чувств. Сексуальная любовь в ее зрелой форме между мужчиной и женщиной, как правило, представляет сочетание двух эмоций. Первое - это «эрос», сексуальное влечение к другому, что отчасти является потребностью человека реализовать себя. Два с половиной тысячелетия тому назад Платон характеризовал «эрос» как влечение, которое испытывает каждый человек, желая объединиться с чем-то, комплиментарным себе, - стремление найти вторую половину исходного

«андрогина», мифологического существа, который был одновременно и мужчиной и женщиной. Другой составляющей зрелой любви между мужчиной и женщиной будет подтверждение ценностей и значимости другого человека, что мы и включим в наше определение любви, как будет представлено ниже.

Но, принимая во внимание подобное переплетение мотивов и эмоций, а также учитывая то, что любовь - это тема не простая, наиболее важным, прежде всего, будет дать правильное название нашим эмоциям. И самым конструктивным, когда мы пытаемся понять, что же такое любить, - будет увидеть то, как мы терпим неудачу в любви. И здесь, для начала, нам нужно хотя бы признать свою ситуацию наподобие тому, что происходило с молодым человеком у Одена в *Век тревоги*:

Итак, учась любить, и наконец, усвоив это знание

Понять, что он не смыслит ничего ни в знанье том, ни...

Как мы уже могли видеть, наше общество на протяжении четырех столетий унаследовало индивидуализм, основанный на конкуренции, когда во главу угла ставилось применение силы в отношении других, как доминирующая мотивация; и как раз наше поколение в значительной степени унаследовало тревогу, изоляцию и личную пустоту. Все это вряд ли может подготовить нас к тому, чтобы научиться любить.

Рассматривая эту тему на уровне национальных отношений, мы приходим к аналогичным заключениям. Достаточно легко соскользнуть в утешительные доводы «Любовь решит все». Безусловно, очевидно и то, что в этом обезумевшем мире политические и социальные проблемы требуют эмпатии, сопереживания, любви к соседу и «незнакомцу». Я уже говорил ранее о том, чего недостает нашему обществу - это опыта сообщества, основанного на социально значимой деятельности и любви; и не имея такого сообщества мы попадаем в то, что называется невротическим замещением, т.е «невроз коллективизма».³⁷ Но это вряд ли может как-то помочь донести людям, *тем самым*, что им следует любить. Это лишь способствует лицемерию и фальши, что мы и так имеем возможность наблюдать в сферах, связанных с проявлением любви. Фальшь и лицемерие представляют более

³⁷ See Rollo May, *The Meaning of Anxiety*. New York, Ronald Press, 1950, Chapter 5. (см. Ролло Мэй, *Смысл тревоги*, Глава 5)

серьезные препятствия к тому, чтобы научиться любить, нежели прямая враждебность, поскольку последнее, по крайней мере, может быть честным, и с этим можно дальше работать. И лишь обнаружение того обстоятельства, что враждебность и ненависть в мире можно преодолеть, если бы только люди могли любить, вызывает еще больше фальши; кроме того, в своем опыте отношений с Россией мы научились тому, насколько важно держаться верного курса, когда это касается применения силы, и противостоять авторитарному садизму прямо и реалистично. Безусловно, любое новое соглашение в международных отношениях, подтверждающее определенные ценности и потребности других наций и групп, как это можно было видеть в плане Маршалла, следует только приветствовать. В конечном счете, мы учимся, по крайней мере, тому, что должны подтвердить право на существование и других наций, что позволит нам самим выжить. Но хотя подобные уроки чрезвычайно важны, мы не можем, исходя из этого, заключить, что такие действия, которые иногда имеют место, являются доказательством того, что мы научились - на уровне политики - любить.

Итак, опять же мы внесем свой самый большой вклад, испытывая столь сильную потребность беспокоиться за ближнего своего и незнакомца, если пойдем по пути, пытаюсь стать людьми, способными любить. Так, Льюис Мамфорд отмечал, что «Так же как и в случае с миром те, кто призывает к любви громче всего, зачастую проявляют ее меньше всего. Быть способным любить и готовым получать любовь - это первостепенная проблема интеграции; а на самом деле - ключ к решению».

В наши дни тема любви вызывает столь сильное замешательство, что даже трудно найти какое-то внятное определение любви. Мы называем любовью *удовольствие находиться рядом с другим человеком и подтверждать его ценности и способности развиваться в той же мере, что и свои собственные*. Таким образом, в любви всегда присутствуют две составляющие - та, которая свидетельствует о ценности и том положительном, что есть в другом человеке, и та, которая говорит о радости и счастье в отношениях с ним.

Способность любить предполагает самоосознание, потому что любовь предполагает способность испытывать эмпатию к другому человеку, ценить и подтверждать его потенциальные возможности. Любовь также предполагает свободу; вне всякого

сомнения, любовь, которая не дается свободно, - это не любовь. «Любить» кого-то потому, что вы не можете любить кого-то еще или же ввиду того, что фактом своего рождения вы оказались с ним в родственных отношениях - это не любовь. Кроме того, если человек «любит» потому, что он не может жить без другого, любовь не дается как набор альтернатив; ведь человек не может сделать свой выбор не любить. Свидетельством такого рода не-свободной «любви» является то, что она не проводит различий: она не дифференцирует качества «любимого» человека или его бытие, отличное от другого человека. В таких отношениях вас в действительности не «видит» тот, кто хотел бы полюбить вас - ведь вы с тем же успехом могли быть кем-то еще. Равно как в этих отношениях и не тот, кто любит, и не тот, кого любят, действуют как *личности*; в поступках первого вряд ли можно усмотреть какую-то свободу, в то время как последний важен, главным образом, как объект, на котором можно повиснуть.

В нашем обществе можно встретить все виды зависимостей, - когда вокруг столько тревожных, одиноких и пустых людей, - которые выдают за любовь. Они варьируются от различных форм взаимопомощи или взаимного удовлетворения желаний (которые могут быть вполне целесообразными, если называть вещи своими именами) до разного рода «деловых» форм личных отношений, оправдывающих этот паразитарный мазохизм. Не такая уж и редкость, когда двое людей, ощущающих внутри одиночество и пустоту, в отношениях друг с другом руководствуются в некотором роде негласной сделкой как-то удерживать друг друга от одиночества. Мэтью Арнольд прекрасно это описывает в *Дуврском берегу*

Любовь моя, останемся верны
Друг другу!
Ибо мир, который нам
Мерещится, подобно сладким снам,
Таким прекрасным, праздничным и новым,
Лишен любви и света, и стыда,
Надежды, мира, помощи извне.

Но когда люди стремятся к «любви», желая справиться с одиночеством, этой цели удастся достичь лишь ценой все большей пустоты у обоих людей.

Как мы уже сказали, любовь, как правило, путают с зависимостью: но по сути, вы можете любить только пропорционально своей способности к независимости. Гарри Стак Салливан однажды очень точно заметил, что ребенок не может научиться «кого-то любить, пока не достигнет возраста пред-пубертата. Вы можете заставить его создавать видимость, действовать так, чтобы вы могли в это поверить. Но для этого нет реальных оснований, и если вы будете делать на этом акцент, то получите странные результаты, многие из которых переходят потом в невроты»³⁸. Иными словами, до этого возраста способность осознавать и подтверждать ценность других людей не подходит к определению любви. Когда младенец и ребенок зависят от своих родителей - это вполне естественно, и он может правда очень любить их, ему может нравиться находиться с ними и так далее. Пусть родители и дети честно наслаждаются тем счастьем возможности подобных отношений. Но это очень здраво и вносит разнообразие в жизнь родителей, это касается как их потребности играть роль богов, так и их тенденции присваивать себе абсолютное значение врожденных качеств в жизни ребенка, обращать внимание на то, насколько больше непосредственной теплоты и «беспокойства» проявляет ребенок со своим игрушечным мишкой или куклой или, впоследствии, со своей реальной собакой, нежели в отношениях с людьми. Мишка или кукла ничего от него не требуют; он может проецировать на них все, что захочется, и ему не нужно принуждать себя становиться более зрелым, чем он способен, чтобы почувствовать их потребности. Живая собака - это первый шаг между неодушевленным объектом и человеческим существом. Каждый шаг, начиная от зависимости через получение гарантий надежности до взаимной зависимости - представляет определенный этап в развитии ребенка в формировании его более зрелой способности любить.

То, что больше всего мешает нам научиться любить в нашем обществе, как отмечали Эрих Фромм и другие психологи, - это наши «ориентиры в мире коммерции». Мы используем слово любовь применительно к покупкам и продажам. Одной из иллюстраций этого может быть тот факт, что многие родители ожидают от ребенка, что он будет любить их как будто бы

³⁸ In Dr. Sullivan's paper in *Culture and Personality*, ed. Sargent and Smith, New York, '949, p. '94. (В работе Д-ра Салливана *Культура и личность*)

возвращая долг за то, что они о нем заботились. Несомненно, ребенок научится притворяться и делать определенные поступки, связанные с проявлением любви, если родители будут настаивать на этом; но рано или поздно выясняется, что любовь, которая требовалась как оплата, - это вовсе не любовь. Такая любовь - это «дом, построенный из песка», который зачастую сразу же разваливается, когда дети достигают возраста раннего пубертата. Ведь что общего между поддержкой и защитой ребенка родителем, когда он отправляет его в лагерь или впоследствии в колледж, и любовью ребенка к своему родителю? Тогда логично было бы ожидать, что сын должен любить городского полицейского на улице, который защищает его от машин на дороге, или сержанта, заведующего провизией, у которого он получает пищу, проходя службу в армии.

Если рассматривать на более глубинном уровне, то эта потребность состоит в том, что ребенок должен любить своего родителя, потому что тот чем-то жертвовал для него. Но жертва может быть просто иной формой сделки и не иметь ничего общего с подтверждением ценностей другого и его развитием.

Мы получаем любовь - от своих детей, равно как и других людей - не пропорционально своим требованиям или жертвам или потребностям, но приблизительно пропорционально собственной способности любить. И наша способность любить зависит, в свою очередь, от нашей первоначальной способности быть личностью. Любить означает, главным образом, отдавать; а для того, чтобы отдавать, требуется зрелая самооценка. О том, что такое любовь, говорил Спиноза в отрывке, приведенном нами выше, что подлинная любовь к Богу не влечет за собой требование ответной любви. Об этом же говорит и художник Джозеф Биндер: «Чтобы создавать произведения искусства, необходимо, чтобы художник был способен любить - то есть быть способным отдавать что-то без мысли о том, чтобы потом получить за это вознаграждение».

Мы не говорим о любви как «отказе от цели» или самопожертвовании. Человек отдает, только если ему есть что отдать, только если у него внутри есть силы, позволяющие ему отдавать. В нашем обществе самое плачевное то, что нам приходится пытаться очистить любовь от агрессии и триумфа, связанного с конкуренцией, отождествляя ее со слабостью. И в действительности эти идеи столь успешно внедрились, что распространен-

ное предубеждение состояло в том, что чем слабее люди, тем больше они любят; и что у сильного человека нет *необходимости* любить! Неудивительно, что нежность, - те дрожжи, без которых любовь будет столь же сырой и тяжелой, как непеченый хлеб, в большинстве случаев, высмеивали и зачастую отделяли от любовных переживаний.

То, о чем мы здесь забыли, - что с силой связана хрупкость: человек может быть одновременно мягким и сильным; в противном случае, хрупкость и мягкость будут притворством, скрывающим за собой стремление прилипнуть к кому-то. Латинское происхождение этих слов ближе к истине - «добродетель» - то, без чего невозможна любовь, происходит от корня *vir*, «человек» (в данном случае, в смысле маскулинной силы), - от него также происходит слово «мужество».

У некоторых читателей может возникнуть вопрос «но не *теряет* ли человек себя в любви?» Конечно же, в любви, как и в процессе творческого осознания действительно происходит слияние одного с другим. Но это не стоит называть «утратой своего Я»; опять же, подобно творческому осознанию, это самый высокий уровень реализации своего Я. Так, например, когда секс является выражением любви, эмоции, которые человек испытывает в момент оргазма, - не враждебность или торжество, но *союз с* другим человеком. Поэты не лгут, воспевая любовный экстаз. Как и в творческом экстазе, это именно тот момент самореализации, когда один человек временно переступает барьер между собственной идентичностью и другого. Это означает одновременно отдавать свое Я и находить свое Я. Подобный экстаз представляет глубочайшую взаимозависимость в человеческих отношениях; и тот же самый парадокс, как и в творческом сознании, состоит в том, что слияние Я в экстазе может произойти только в том случае, если человек до этого обрел способность быть одиноким, по праву быть личностью.

Мы вовсе не собираемся здесь давать советы, которые выше человеческих сил. Равно как и не ставим целью исключать или обесценивать все прочие виды позитивных отношений, такие как, дружба (что также может быть важным аспектом родительско-детских отношений), различный взаимообмен, с проявлением человеческой теплоты и понимания, сексуальное удовольствие и страсть и так далее. Давайте постараемся не допускать ошибки, столь распространенной в нашем обществе,

когда любовь в идеале представляется чем-то исключительно важным, так что человеку ничего не остается, как признать то, что он так и не нашел тот «бесценный бриллиант» или начать лицемерить, пытаясь убедить себя, что все те эмоции, которые он испытывает, и есть «любовь». Нам остается лишь повторить то, что мы предлагаем называть эмоции своими именами. Лучше всего научиться любви, если мы перестанем пытаться убедить себя в том, что любить легко и если будем достаточно реалистичны в том, чтобы отказаться от иллюзорного притворства любви в обществе, в котором неизменно ведутся разговоры о любви, но в котором ее так мало.

Мужество посмотреть правде в глаза

В одном из своих искрометных афоризмов, которые, наподобие вспышки молнии, освещают доселе невидимые горизонты, Ницше изрек «Ошибка - это трусость». Иными словами, причина, не позволяющая нам видеть правду, кроется не в том, что мы прочитали недостаточно книг или имеем недостаточно научных степеней, но в том - что у нас недостаточно мужества.

Под «правдой» мы понимаем не только научные факты или даже, главным образом, не столько их. К проблеме с фактами следует подходить очень осторожно. Если вы вспомните последние десять вопросов, которые вас волновали, - над которыми вам пришлось поразмыслить и «обдумать», чтобы уяснить для себя, что же является истинным, во что вы можете верить - вы поймете, что очень немногие из них, если таковые вообще найдутся, имеют отношение к вопросам, которые можно подтвердить научными фактами. Стоит ли браться за эту работу, любит человек или нет, как помочь ребенку с какой-то социальной проблемой в школе или что человек чувствует или хочет в той или иной связи - это такие вопросы, которые не перестают волновать человека весь день и даже в сновидениях ночью. Человеку необходимо рисковать и то, насколько ему удастся получить самый лучший ответ, в значительной степени зависит от зрелости и мужества данного человека. Даже открывая какие-то научные истины до того, как они найдут свое приложение в приемлемых формулах, как, например, предпринятое Колумбом путешествие, чтобы доказать то, что земля круглая, или ранние исследования Фрейда, - нахождение истины опирается в значи-

тельной степени на внутренние качества исследователя, а именно: честность и мужество.

Образная картина внутренней борьбы, связанная с постижением истины, предстает перед нами в письме философа Шопенгауэра к Гете. Говоря о своих страданиях, Шопенгауэр писал «... тогда я оказываюсь перед собственной душой, как неумолимый судья перед узником, вздернутым на дыбу, которого заставляют отвечать до тех пор, когда уже и спрашивать больше нечего. Большая часть ошибок и та неопикуемая глупость, которыми пестрят все эти доктрины и философские воззрения, как мне представляется, связаны с отсутствием этой честности. Истину так и не удалось найти не потому, что ее плохо искали, но поскольку цель всегда состояла в том, чтобы искать и искать, вместо того или иного предвзятого мнения или по крайней мере, дабы не ранить какой-то излюбленной темой, и с этой целью различные ухищрения будут идти в ход как в отношении других людей, так и самого мыслителя. Это мужество поступить так с чистой совестью вопреки любому вопросу, который задает философ. Он должен быть как Софокл Эдипа, который в поисках ответов на вопросы относительно своей ужасной судьбы, следует по намеченному пути в своем неутомимом поиске, даже когда он чувствует, что этот ответ таит в себе невероятный ужас. Но большинство из нас имеет в своем сердце Иокасту, которая умоляет Эдипа, во имя всего святого, не следовать в своих вопросах дальше; и мы расчищаем перед ней путь, и именно в этом состоит объяснение, почему философия находится там, где она находится.... Философ должен нещадно задавать себе вопросы. При этом философское мужество не возникает из рефлексии, оно не может быть получено на основании решений, но оно представляет некую врожденную направленность ума».

Мы согласны с Шопенгауэром, - как и психоаналитик Фрейд, приводя это письмо, - что такая честность необходима, если человек хочет увидеть правду и что это идет не от интеллекта, как такового, но отчасти из врожденной способности к самоосознанию. Однако, мы позволим себе не согласиться с тем, что это «врожденная тенденция», имея в виду то, что человек не может ничего с этим поделать. Такая честность - это этическая позиция, требующая мужества и иных аспектов отношения к своему Я; она не только не *может* развиваться, так или иначе, но *должна* развиваться, если человек хочет реализоваться как личность.

Шопенгауэр также ссылается на Короля Эдипа в качестве иллюстрации невероятного мужества, необходимого для того, чтобы увидеть правду, а также приводя реплики Иокасты, матери и жены, представляющие собой попытки избежать того, чтобы увидеть эту правду. Эдип, полный решимости прояснить страшную загадку, которая, как он подозревает, связана с его рождением, обращается к старому пастуху, который много лет тому назад получил приказание убить его, когда тот был новорожденным младенцем. Пастух является единственным человеком, который может прояснить этот вопрос, действительно ли Эдип женился на своей матери. Этими словами, в драме Софокла, Иокаста пытается разубедить Эдипа:

*...Жить следует беспечно -
кто как может...*

*И с матерью супружества не бойся:
Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны - пустое,
Потом опять живетя беззаботно.*

На настойчивые требования Эдипа она восклицает:

*Не все ль равно? О, полно, не тревожься
И слов пустых не слушай... позабудь...
Коль жизнь тебе мила, молю богами,
Не спрашивай... Моей довольно муки!*

Но ее истерика не останавливает Эдипа:

*Пусть чем угодно разразится. Я
Узнать хочу свой род - пусть он ничтожен!
А ей в ее тщеславье женском стыдно,
Наверное, что низко я рожден.
Я - сын Судьбы, дарующей нам благо,
И никакой не страшен мне позор.
Вот кто мне мать! А Месяцы - мне братья:
То вознесен я, то низринут ими.
Таков мой род - и мне не быть иным.
Я должен знать свое происхождение.*

И тут мы слышим слова пастуха:

Увы, весь ужас высказать придется...

Эдип:

А мне – услышать... Все ж я слушать должен.

Когда Эдип узнает страшную правду о том, что это он убил отца и женился на Иокасте, своей матери, он закрывает свои глаза. Это очень важный символический акт - «самоослепление» в буквальном смысле как раз и является тем, к чему люди прибегают, когда у них происходят серьезные внутренние конфликты. Они ослепляют себя с тем, чтобы отгородиться - так или иначе - от окружающей их действительности. Поскольку Эдип поступает так, узнав, что он жил в иллюзиях, мы можем воспринимать это как акт, символизирующий невероятную сложность, «конечность» и «слепоту» человека, когда ему приходится посмотреть правде в глаза в отношении самого себя и своих корней.

Ситуация Эдипа может показаться отчасти необычной, но разница между его стремлением узнать правду и нашим собственным, если говорить в общем и целом, будет состоять в качестве, а не категории. Эта драма, выдержавшая испытание временем, всякий раз дает новое изображение внутренней боли и конфликта, связанного с постижением истины в отношении самих себя. И скорее именно этим аспектом драмы, а не тем фактом, что Эдип спал с собственной матерью, был обусловлен гениальный выбор Фрейдом именно этого мифа. Ведь заниматься поиском истины - это всегда риск обнаружить нечто такое, что человеку может оказаться ненавистным. Это требует именно такого отношения к себе и такой уверенности в предельных ценностях, что человек может отважиться пойти на риск, связанный с возможностью быть вырванным с корнем из той «почвы» убеждений и привычных ценностей, в соответствии с которыми человек жил. Тогда неудивительно, как отмечает Паскаль, что «подлинная любовь к мудрости достаточно редкое явление в жизни человека».

Способность узнать правду, подобно другой уникальной характеристике человека, о чем мы говорили выше, зависит от способности человека осознавать самого себя. Таким образом, он оказывается способным выйти за пределы текущей ситуации и постараться, в своем воображении, «увидеть жизнь в непрерывном ее течении и воспринимать ее целостно». Благодаря тому, что он осознает это сам, он может также вести поиск внутри самого себя и обрести там некую мудрость, которая доступна - в той или иной степени - любому человеку, имеющему уши, чтобы слышать.

Древние греки, как отмечает Платон, верили в то, что мы открываем истину через «реминисценции», т.е. «вспоминая», занимаясь интуитивным поиском в собственном опыте. Прекрасной иллюстрацией этого может послужить то, что Сократ взял малограмотного мальчика-раба Мено, чтобы доказать целую теорему Пифагора, просто задавая ему вопросы. Нам не нужно принимать мифологическое объяснение Платона, - что каждый из нас несет в себе «представления», имплантированные в нашем сознании в предыдущей жизни Господом Богом, а знание есть не что иное, как восстановление в памяти всех этих представлений, - чтобы согласиться с тем, что этот феномен очень распространен. Каждый из нас наблюдает, переживает, «узнает» гораздо больше в процессе жизни, - в особенности, возможно, в первые годы жизни, - чем мы способны это осознать, и нам приходится держать это «под замком» так называемой бессознательности, поскольку необходимо строить отношения с родителями, учителями и выполнять некие социальные требования. «Дети и сумасшедшие говорят правду» - как говорится в старинной поговорке; но, к сожалению, вскоре дети научаются поступать иначе. Этот «забытый» запас мудрости становится доступным нам по мере того, как у нас появляется в достаточной мере определенность, чувствительность, смелость и внимание как-то освоить.

Распространенное мнение о том, что люди не могут постичь истину, потому что их Я мешает этому, является, соответственно, ошибочным. Это не то Я, которое заставляет нас «видеть сквозь темные очки» и искажать все то, что мы видим: скорее это невротические потребности, вытеснения и конфликты. Все это приводит нас к тому, чтобы «переносить» какие-то собственные предубеждения или ожидания на других людей и окружаю-

щий нас мир. Таким образом, именно отсутствие самоосознания приводит нас к тому, чтобы называть ошибку истиной. Чем более человеку не хватает осознания самого себя, тем более его мучает тревога, а также иррациональный гнев и неприятие. И покуда гнев, как правило, не позволяет нам использовать более тонкие интуитивные способы восприятия истины, тревога всегда предстает неким блоком.

Кроме того, если человек пытается исключить свое Я, стремясь постичь истину, т.е. если он претворяется, что сделал какие-то выводы, подобно бесплотному судье, обзоревающему происходящее вокруг с Горы Олимпа, то он становится жертвой еще большего заблуждения. Поскольку он считает свою истину абсолютной, что на нее скорее могут оказать влияние его личные интересы, нежели попытки честно приблизиться к этой истине, он может стать опасным догматиком. Только технические вопросы могут быть верными, отдельно от насущных потребностей, желаний и той борьбы, которая происходит внутри человека. В действительности, один из самых распространенных способов избежать того, чтобы встретиться с правдой, - своеобразная форма «сопротивления», к которой, как правило, прибегают люди, склонные к рационализациям в психотерапии - это вывести какой-то абстрактный или логический принцип из проблемы и, главным образом, посредством достаточно стройных рационализаций, используемых при наличии столь привлекательного решения, которое кажется таким завораживающим. И потом мы вдруг обнаруживаем, что все эти блестящие интеллектуализации вовсе не решили ту проблему, которая существует в реальности, а на самом деле это был способ избежать проблемы.

Посмотреть правде в глаза - это функция не отдельно интеллекта, но самого человека: человек *переживает* истину, следуя вперед, как думающее - чувствующее - действующее существо. «Нам нравится все же не интеллект», но сам человек в том, как он подходит к истине. «Я был учеником всю свою жизнь», пишет Бердяев в своей автобиографии, «но я интегрирую истину, которая является универсальной, изнутри, через собственный опыт свободы и свои знания об истине - в этом и состоит мое отношение к истине».

В предыдущей главе мы обращали внимание на утверждение Ореста, что как только он освободился от инцестуозных инфан-

тильных связей, он также стал более свободным от предрас-судков Микен; более свободным от того, что присуще каждому человеку, видеть только собственный образ в «чужом глазу» и окружающем его мире. Таким образом, способность постичь истину следует наряду с эмоциональной и нравственной зрелостью. Когда человек способен постичь истину, он, соответственно, уверен и в том, что говорит. Он убедился в своих представлениях скорее «по собственному ощущению» и на собственном опыте, нежели через какие-то абстрактные принципы или когда ему об этом рассказывали. Кроме того, он приходит к некоему смирению, поскольку знает о том, что коли все его прежние представления отчасти были подвержены деформации, то и нынешние его взгляды могут быть далеко несовершенными. Подобное смирение не ослабевает силы человека, что касается его убеждений, но оставляет место для новых знаний и постижения новых истин в недалеком будущем.

Содержание

Предисловие.....	5
Глава 1. Одиночество и тревога современного человека	10
Глава 2. Причины нашей болезни.....	39
Глава 3. Опыт становления человеком.....	70
Глава 4. Борьба за то, чтобы быть.....	101
Глава 5. Свобода и внутренняя сила.....	124
Глава 6. Творческое самоосознание.....	150
Глава 7. Мужество, свидетельство зрелости.....	194